

Для отзыва

Юридическая Библиотека

444 $\frac{1}{99}$

№ 10

K44 $\frac{1}{99}$

РОДИТЕЛИ и ДѢТИ

семь постановлений дѣйствующаго законодательства
ихъ взаимныя отношенія родителей и дѣтей.

И. Гуревича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
аніе Я. Канторовича

Юридическая Библиотека

№ 10

К4499¹

РОДИТЕЛИ и ДѢТИ

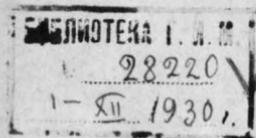
Съ приложеніемъ постановленій дѣйствующаго законодательства,
опредѣляющихъ взаимныя отношенія родителей и дѣтей.

И. Гуревича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Я. Канторовича.

„Центр.“ Типо-литогр. М. Я. Минкова, Лиговская, 35.

ОГЛАВЛЕНІЕ СТР.

Предисловіе.

Глава первая.

Историческій очеркъ взаимныхъ отношеній родителей и дѣтей 1

Глава вторая.

Родительская власть. Образованіе и воспитаніе 23

Глава третья.

Право надзора, исправленія и наказанія. Представительство. 38

Глава четвертая.

Обязанность почитанія родителей, согласіе на брань дѣтей. 48

Глава пятая.

Опека и попечительство родителей. 59

Глава шестая.

Имущественныя отношенія родителей и дѣтей. 68

Глава седьмая.

Родители и дѣти въ уголовномъ правѣ. 86

Глава восьмая.

Законныя и незаконнорожденныя дѣти. Узаконеніе. 98

Глава девятая.

Усыновленіе 123

Глава десятая.

Прекращеніе и ограниченіе родительской власти. Защита дѣтей. 139

Приложение.

Сводъ постановленийъ дѣйствующаго законодательства, опредѣляющихъ взаимныя отношенія родителей и дѣтей

А. О власти родителей въ личныхъ отношеніяхъ.

<i>I. Права родителей</i>	157
<i>II. Обязанности родителей.</i>	161
<i>III. Прекращеніе личной родительской власти</i>	163

Б. О власти родительской по имуществу.

<i>I. О дѣтяхъ неотдѣленныхъ</i>	165
<i>II. О дѣтяхъ отдѣленныхъ</i>	167
<i>III. О видѣль</i>	169
<i>IV. О приданомъ и рядной записи</i>	171
<i>V. О вознагражденіи за вредъ и убытки</i>	174
<i>VI. О правѣ наслѣдованія</i>	176

В. Объ опекахъ и попечительствѣ родителей

Г. О дѣтяхъ законныхъ, незаконныхъ и усыновленныхъ.

<i>I. О дѣтяхъ законныхъ</i>	185
<i>II. О производствѣ дѣлъ о законности рожденія.</i>	187
<i>III. О состояніяхъ</i>	188
<i>IV. О дѣтяхъ незаконныхъ</i>	189
<i>V. Объ узаконеніи.</i>	193
<i>VI. О дѣтяхъ усыновленныхъ</i>	195
<i>VII. Правила объ усыновленіи вѣтломцевъ Императорскихъ С.-Петербургскаго и Московскаго Воспитательныхъ домовъ.</i>	201

Д. О льготахъ по семейному положенію.

Е. Родители и дѣти въ уголовномъ правѣ.

<i>I. О преступленіяхъ дѣтей противъ родителей.</i>	203
<i>II. О преступленіяхъ родителей противъ дѣтей</i>	206

РОДИТЕЛИ И ДЪТИ

ПРЕДИСЛОВІЕ

Взаимныя отношенія родителей и дѣтей составляютъ предметъ изслѣдованія не одной только юриспруденціи. Ими занимаются религія и этика, психологія и педагогика, имъ отводится обширное мѣсто въ художественныхъ произведеніяхъ—въ драмахъ, комедіяхъ и романахъ, находящихъ въ различныхъ сторонахъ этихъ отношеній вѣчно новыя вопросы и никогда не изсякаемый интересъ..

Юриспруденція занимается одною лишь стороною этихъ отношеній: она изучаетъ вопросъ о томъ, какія права и обязанности лежали въ прошломъ и лежатъ въ настоящемъ на родителяхъ и дѣтяхъ въ отношеніи другъ друга, и стремится выяснить, какими должны быть эти отношенія съ точки зрѣнія требованій современнаго государственнаго и общественнаго строя и новѣйшихъ воззрѣній на право.

Взаимныя отношенія родителей и дѣтей представляютъ собою отношенія особаго рода, не поддающіяся строгимъ и точнымъ опредѣленіямъ положительныхъ законодательствъ. Значительную роль играютъ въ нихъ нравственныя чувства, обязанныя своимъ происхожденіемъ кровной связи и обусловливаемыя и питаемыя совмѣстною жизнью, общностью интересовъ, постояннымъ обмѣ-

номъ услугъ, религіозными вѣрованіями, преданіями и привычками. Эти чувства не поддаются сколько-нибудь точному регламентированію со стороны закона и еще меньше, конечно, понудительному осуществленію. Но съ другой стороны, эти же чувства являются самою лучшею защитою интересовъ и правъ дѣтей. Никакія предписанія закона и никакія полицейскія мѣры не въ состояніи создать для ребенка ту нѣжную заботливость, то безкорыстное самоотверженіе, съ которыми родители относятся къ своимъ дѣтямъ. То, чего не рѣшился-бы требовать въ интересахъ дѣтей отъ родителей самый строгій законодатель, то сами родители дѣлаютъ безъ всякаго принужденія, свободно и по собственному побужденію.

Въ виду этого невольно возникаетъ сомнѣніе, не представляются-ли совершенно излишними какія-бы то ни было юридическія опредѣленія взаимныхъ правъ и обязанностей родителей и дѣтей? Не является-ли возможнымъ изъять ихъ отношенія изъ области права и предоставить ихъ свободному самоопредѣленію каждой семьи, исполнивъ довѣрившись тому нравственному чувству, которымъ проникнута семейная жизнь?

Къ несчастію, дѣйствительная жизнь показываетъ, что не всегда въ основѣ взаимныхъ отношеній родителей и дѣтей лежитъ безкорыстная любовь. Наступитъ-ли когда-нибудь время, какъ полагаетъ Гербертъ Спенсеръ, когда понятіе долга и нравственной обязанности по отношенію къ ближнимъ будутъ въ такой степени развиты, что сдѣлается излишнимъ ставить ихъ подъ какой-либо внѣшній контроль, кромѣ контроля собственной совѣсти,—представляется, конечно, вопросомъ спорнымъ и для будущаго. Пока-же несомнѣнно, что мы еще очень далеки отъ этого идеала

даже тамъ, гдѣ понятіе общаго долга и нравственной обязанности должно быть подкрѣплено инстинктивнымъ влеченіемъ и чувствомъ кровнаго родства. Исторія чело- вѣчества достовѣрно свидѣтельствуетъ намъ о существо- ваніи продолжительной эпохи, когда продажа родителями дѣтей въ рабство, дѣтоубійство и чадоубійства были не- рѣдкими явленіями, которыя разсматривались, какъ совер- шенно правомѣрное осуществленіе родителями ихъ ро- дительской власти и нисколько не возмущали общественной совѣсти. Мало этого. По свидѣтельству этнографовъ и путешественниковъ, у многихъ дикихъ племенъ эти чу- довищныя права сохранились отчасти и теперь. Прода- жа дѣтей въ рабство составляетъ, напримѣръ, у нег- ровъ Центральной Африки самый обыденный фактъ, а истребленіе младенцевъ, въ особенности женскаго пола, представляетъ собою на столько распространенное явле- ніе, что извѣстный изслѣдователь жизни дикихъ наро- довъ Макъ Леннанъ ошибочно возвелъ его даже въ сте- пень закона. Но оставляя даже въ сторонѣ такія ис- ключительныя явленія, нельзя не видѣть, что уголовныя хроники цивилизованныхъ европейскихъ народовъ и въ наши дни богаты случаями жестокаго и безчеловѣчнаго обращенія родителей съ дѣтьми и чрезмѣрной эксплуата- ціи послѣднихъ, въ особенности въ формахъ нищенства и проституціи. Отчеты возникшихъ въ послѣднее время въ большомъ количествѣ обществъ для покровительства и защиты дѣтей обнаружили потрясающіе факты жесто- каго истязанія и умышленнаго развращенія множества дѣтей. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что, по свой- ству этихъ преступленій, въ отчеты эти попадаетъ сравнительно ничтожное число случаевъ подобнаго

рода, а громадное большинство ихъ, совершаясь втайнѣ вовсе не выплываетъ наружу. Относиться равнодушно къ этимъ явленіямъ законодательство, очевидно, не можетъ. Оно должно принять извѣстныя мѣры къ огражденію интересовъ подростостающаго поколѣнія и въ нужныхъ случаяхъ установить ограниченія родительской власти.

Этимъ, однакоже, не исчерпывается задача законодательства. Столкновеніе личныхъ и имущественныхъ интересовъ родителей и дѣтей, опредѣленіе взаимной ихъ отвѣтственности другъ за друга, установленіе случаевъ и способовъ замѣны отсутствующей родительской власти, выясненіе условій возникновенія и прекращенія этой власти и т. п.—все это должно себѣ найти мѣсто въ законѣ. Очевидно, такимъ образомъ, что законодателю, призванному регулировать жизненныя отношенія, приходится заниматься также опредѣленіемъ отношеній между родителями и дѣтьми, но само собою понятно, что онъ долженъ дѣлать это крайне осторожно и обдуманно. Законъ можетъ регулировать лишь внѣшнія и притомъ самыя грубыя, рѣзкія отклоненія отъ нормальныхъ условій семейнаго союза. Въ виду многочисленности и сложности личныхъ и общественныхъ благъ, связанныхъ съ семейнымъ бытомъ, требуется особенная осторожность и деликатность при установленіи для него юридическихъ опредѣленій—при нормированіи взаимныхъ правъ и обязанностей родителей и дѣтей юридическими формулами, по природѣ своей, бездушными, категоричными, неспособными входить во всѣ подробности дѣйствительныхъ личныхъ и имущественныхъ отношеній между родителями и дѣтьми. Искусство законодателя и

состоить въ умѣніи установить такія нормы, которыя-бы съ одной стороны доставляли достаточныя средства для сгражденія разсматриваемыхъ отношеній отъ злоупотребленій, а съ другой — не препятствовали бы свободному развитію семейныхъ отношеній.

Прослѣдить въ краткихъ чертахъ, каковы были въ прежнее время отношенія между родителями и дѣтьми въ законѣ и жизни, какъ измѣнялись эти отношенія подъ вліяніемъ времени и новыхъ возрѣній, въ какихъ формахъ и какимъ содержаніемъ опредѣляются они въ настоящее время, — составляетъ задачу послѣдующаго изложенія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Историческій очеркъ взаимныхъ отношеній родителей и дѣтей.

I.

Положеніе дѣтей въ семьѣ и взаимныя отношенія родителей и дѣтей зависятъ, главнымъ образомъ, отъ строя и организаціи самой семьи.

Вопросъ о томъ, каково было устройство первобытной семьи, представляется еще далеко не окончательно рѣшеннымъ и установленнымъ въ наукѣ. Два-три десятка лѣтъ тому назадъ всѣ ученые сходились въ томъ, что индивидуальная и именно патриархальная семья существовала уже въ древнѣйшія времена и что именно изъ этой формы общезжитія возникли родъ и государство. Сообразно съ такимъ взглядомъ, женщина первобытнаго общества всегда являлась безправною рабою, а отецъ—неограниченнымъ властителемъ семьи, жены, дѣтей и всѣхъ домочадцевъ. Взглядъ этотъ нельзя считать и теперь совершенно отброшеннымъ: многіе историки и юристы, въ томъ числѣ и извѣстный изслѣдователь древняго права, Генри Мэнъ, принадлежатъ къ числу его приверженцевъ. Но большинство ученыхъ пришло въ настоящее время къ противоположному убѣжденію, а именно, что начало образованія семьи положено было женщиною, игравшею въ эту эпоху человѣческаго общезжитія господствующую роль.

По современному воззрѣнію, древнѣйшая система семейной организациі должна была быть самою простою, образуясь главнымъ образомъ въ силу инстинктивнаго стремленія и животной природы человѣка, а потому средоточіемъ ея являлась мать ¹⁾). Первоначальное человѣческое общежитіе существовало въ формѣ *матріархальной* или *материнской* семьи, не признававшей никакихъ другихъ родственныхъ связей, кромѣ какъ между ребенкомъ, его матерью и ея родственниками по женской линіи ²⁾). Благодаря тому, что связи между мужчинами и женщинами были чрезвычайно легки и мимолетны, что мужья нерѣдко мѣнялись женами, отдавали ихъ на время друзьямъ, предоставляли ихъ въ распоряженіе гостей, — по большей части весьма трудно было опредѣлить, кто именно отецъ новорожденнаго ребенка. Естественно поэтому, что отецъ, принадлежа къ другому роду и выдавая съ дѣтьми лишь изрѣдка, не только не игралъ сколько-нибудь значительной роли въ семейныхъ отношеніяхъ и не стоялъ во главѣ семьи, но даже нерѣдко не входилъ въ ея составъ. Во главѣ семьи находилась мать, связь которой съ ребенкомъ стояла внѣ всякаго сомнѣнія и для которой ребенокъ былъ частью ея плоти и духа, и ея ближайшіе родственники, главнымъ образомъ, братья, изъ коихъ старшій замѣнялъ дѣтямъ отца ³⁾).

Основанія для такого взгляда ученые черпаютъ частью въ указанной выше простотѣ и несложности матеріальныхъ и интеллектуальныхъ силъ человѣка на первоначальной ступени своего развитія, частью въ сообщеніяхъ древнихъ писателей и

¹⁾ Ю. Липпертъ, „Исторія Культуры“, переводъ съ нѣмецкаго, Спб. 1894, стр. 146.

²⁾ М. Ковалевскій, „Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности“, переводъ съ французскаго. Спб. 1895 г., стр. 17.

³⁾ L. von Dargun, Mutterrecht und Vaterrecht. Leipzig. 1892 г., стр. 13—15.

историковъ, какъ Геродотъ, Страбонъ и др., частью въ сравнительной мнѳологіи, а главнымъ образомъ въ наблюденіяхъ жизни и современнаго состоянія дикарей.

По словамъ Геродота, «ликійцы называютъ себя по матери, а не по отцу. Если кто спроситъ сосѣда о его происхожденіи, то тотъ сообщаетъ ему свою родословную съ материнской стороны и перечисляетъ матерей своей матери». Тоже самое Полибій передаетъ о локрахъ, у которыхъ родство признавалось исключительно по женской линіи. Финикіане величали другъ друга по матери, а эіюпы чтили выше всего сестеръ.

Малайская семья состоитъ изъ матери и дѣтей; отецъ не входитъ въ ея составъ. Вступая въ брачное сожителство, онъ продолжаетъ жить въ семьѣ своей матери. Во главѣ семьи стоитъ братъ матери, который имѣетъ всѣ отцовскія права и обязанности въ отношеніи дѣтей своей сестры. Имущество малайца, которымъ онъ можетъ лично распоряжаться, переходитъ по наслѣдству къ его братьямъ, сестрамъ и дѣтямъ сестеръ, но ни въ какомъ случаѣ не достается ни его женѣ, ни дѣтямъ.

Наблюденія надъ жизнью и обычаями современныхъ дикарей Африки, Америки и Австраліи, произведенныя Баховеномъ, Макъ-Леннаномъ, Леббокомъ, Морганомъ и др., показали, что матриархальное устройство семьи существуетъ еще и въ настоящее время у многихъ изъ нихъ. У нубійцевъ, напр., родословныя ведутся по женскимъ линіямъ, вслѣдствіе этого и наслѣдство, открывающееся смертью нубійца, переходитъ не къ его дѣтямъ, а къ сыну его сестры. Точно также у африканскаго племени байя дѣти устраняются отъ наслѣдованія въ отцовскомъ имуществѣ. Но за то и мечь за убитаго составляетъ обязанность не его дѣтей, а сыновей его

сестры. У арабовъ общественное положеніе ребенка, такъ же, какъ у древнихъ ликійцевъ, опредѣляется состояніемъ матери. Сынъ свободнаго и рабы считается рабомъ господина его матери; наоборотъ, если женщина гражданка вступить въ бракъ съ рабомъ, то дѣти ихъ признаются свободно-рожденными.

На сколько отцовская власть является въ глазахъ дикаря новшествомъ, видно изъ обычая, извѣстнаго подъ именемъ «кувада», существовавшаго у иберійцевъ и распространеннаго теперь у басковъ и у большинства южно-американскихъ племенъ¹⁾. Обычай этотъ заключается въ томъ, что отецъ, при усыновленіи своего собственнаго ребенка, ложится въ постель, стонетъ, подобно роженицѣ, и вообще, внѣшнимъ образомъ представляетъ актъ физическаго рожденія ребенка. Только этимъ путемъ устанавливается связь отца съ ребенкомъ.

Существованіе матриархата у древнихъ германцевъ видно изъ того, что по старымъ законамъ дѣти отъ неравныхъ браковъ слѣдуютъ состоянію матери, а братья матери пользуются не меньшимъ, если не большимъ почетомъ, чѣмъ родной отецъ. Ему преимущественно принадлежитъ опека надъ малолѣтними племянниками и племянницами, онъ выдаетъ ихъ замужъ, онъ ихъ воспитываетъ, его состояніемъ, а не состояніемъ мужа опредѣляется вира за убійство замужней женщины.

Слѣды доисторическаго матриархальнаго строя семьи мы встрѣчаемъ и у древнихъ классическихъ народовъ, притомъ въ довольно значительномъ количествѣ у грековъ и въ очень ничтожномъ у римлянъ. Критяне и мессинцы, желая обозначить свою родину, называли ее не «отечествомъ», а «землею моей матери». Величайшею утратою Гомеръ считаетъ гибель единоутробнаго брата. Ликаонъ проситъ пощады у Ахиллеса,

¹⁾ L. von Dargun, н. с. стр. 28.

мстящаго за смерть Патрокла, на томъ основаніи, что онъ не единоутробный братъ Гектора. Краснорѣчивымъ доказательствомъ существованія матриархата у древнихъ грековъ можетъ служить постановленіе аѳинскаго законодательства, по которому былъ воспрещенъ бракъ между братомъ и единоутробною сестрою, тогда какъ по отношенію къ единокровной сестрѣ такого запрещенія не существовало.

Что касается славянскихъ племенъ, то мы имѣемъ весьма мало извѣстій относительно первобытнаго ихъ состоянія; тѣмъ не менѣе сохранившіяся извѣстія заставляютъ предполагать, что и славяне слѣдовали по тому же пути, что и другія племена, начавъ съ матриархата и перейдя затѣмъ къ патриархальному строю семьи. Такъ, напримѣръ, мы видимъ, что у славянъ дядѣ по матери отведено почетное мѣсто, что служитъ однимъ изъ характерныхъ признаковъ материнской организаціи, а Русская Правда въ числѣ другихъ мстителей называетъ и «сестрина сына».

На основаніи приведенныхъ данныхъ слѣдуетъ съ большою вѣроятностью заключить, что древнѣйшею формою человѣческаго общежитія является матриархальная семья, при которой не можетъ быть рѣчи о родительской власти, а можно говорить только о власти матери и ея братьевъ. Во всякомъ случаѣ, надо имѣть въ виду, что такая форма общежитія характеризуетъ младенчество чловѣка и что исторія застаётъ культурные народы живущими уже въ другой формѣ общежитія, а именно съ господствомъ *патриархата*. Какимъ образомъ и когда совершился этотъ переходъ отъ матриархата къ патриархату у культурныхъ народовъ, мы не можемъ сказать съ достовѣрностью. Онъ совершился дѣликомъ еще въ доисторическую эпоху, и мы можемъ поэтому судить о немъ лишь по догадкамъ. Несомнѣнно, однако же, что старыя формы

замѣнялись новыми не разомъ и что долгое время обѣ эти формы существовали вмѣстѣ, причемъ остатки матриархата, становясь все малочисленнѣе, постепенно исчезали изъ жизни, сохраняясь лишь, въ видѣ такъ называемыхъ «пережитковъ», въ нѣкоторыхъ обрядахъ, обычаяхъ и пѣсняхъ. Обычное право очень долго сохраняетъ слѣды древняго порядка вещей.

Поэтическое изображеніе борьбы этихъ двухъ началъ мы находимъ у Эсхила въ его трилогіи «Орестъ». На сторонѣ прежнихъ воззрѣній стоятъ Эриннии, указывая, что связь матери и ребенка болѣе священна, чѣмъ отношенія отца и сына. Но Аполлонъ, защищая Ореста, убившаго свою мать въ качествѣ мстителя за отца, выставляетъ уже новое воззрѣніе, говоря, что

Мать не творить дитя и не рождаетъ,
Но только, что посябно, питаетъ.
Творить отецъ. Она же, какъ гостя въ домъ
Радужная хозяйка принимаетъ,
Воспринятый зародышъ сохраняетъ ¹⁾.

Процессъ превращенія матриархата въ патриархатъ, насколько можно догадываться, вызванъ былъ прежде всего естественнымъ приростомъ населенія въ предѣлахъ одного материнскаго рода, разсѣявшимъ на большое пространство членовъ одной и той-же семейной группы. При такихъ условіяхъ братья женщины не въ состояніи уже были служить ей достаточною защитою, и она постепенно стала пріучаться къ мысли, что единственнымъ, естественнымъ ея защитникомъ и помощникомъ является мужъ. Съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ богатства, заключавшіяся главнымъ образомъ въ

¹⁾ Переводъ Н. Корелова, Спб. 1883 г., стр. 293, См. также Юридическую Библиотеку, изданія Я. Канторовича, выпускъ 4-й: „Женщина въ правѣ“.

стадахъ лошадей, верблюдовъ, быковъ и овецъ, увеличивались, увеличивалось и значеніе мужчинъ въ семьѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ создавалось стремленіе уничтожить старый порядокъ наследованія— въ пользу дѣтей. Наконецъ, не маловажную роль играло также, повидимому, въ этомъ переходѣ власти отъ матери къ отцу похищеніе женъ ¹⁾). Значеніе мужа такимъ образомъ росло все болѣе и болѣе, и онъ постепенно прибрѣталъ тѣ права надъ своею женою, которыми характеризуется патриархальный строй.

II.

Не имѣя здѣсь вовсе въ виду воспроизвести и оцѣнить всѣ стороны новаго порядка вещей съ его поглощеніемъ личности общиною и подчиненіемъ всего домоправителю, мы коснемся его лишь на столько, на сколько этотъ новый порядокъ отразился на отношеніяхъ между родителями и дѣтьми.

Съ переменною положенія мужа въ семьѣ, естественно должны были измѣниться и отношенія его къ дѣтямъ. Прежняя роль дяди по матери теряетъ свое значеніе, и всѣ тѣ права и обязанности, которыя лежали на немъ, переходятъ къ отцу. Онъ воспитываетъ ихъ и доставляетъ имъ средства къ существованію, однимъ словомъ становится ихъ защитникомъ и покровителемъ. Они же, въ свою очередь, начинаютъ повиноваться ему и выказывать знаки почтенія. Такимъ образомъ зарождается *patria potestas* (власть отца надъ дѣтьми), развившаяся у римлянъ въ такую строгую и выработанную систему.

Необходимо, впрочемъ, имѣть въ виду, что отцовская власть, которую мужчина проявляетъ въ качествѣ отца въ этой формѣ семьи, не заимствуетъ вовсе своего правового

¹⁾ L. von Dargun. н. с. стр. 119—121.

основанія въ *родственной* связи. Только постепенно выдвигается представленіе, что отца и ребенка соединяетъ такая же связь, какая существуетъ между ребенкомъ и его матерью. Существо этой формы организаціи заключается, главнымъ образомъ, въ соединеніи извѣстнаго числа свободныхъ и несвободныхъ лицъ въ одну семью, подчиненную отеческой власти главы семейства, живущихъ подъ одною кровлею и сообща ведущихъ свое хозяйство. Такъ даже у римлянъ, у которыхъ, какъ сказано выше, выработался такой законченный типъ патриархальнаго строя, слово «familia» обозначало первоначально вовсе не мужа съ женою и дѣтьми, а отца семейства и лицъ его власти подчиненныхъ, безъ различія рабовъ отъ дѣтей. Самая власть отца надъ дѣтьми, доходящая до права жизни и смерти, основывается не на участіи его въ актѣ зачатія, а на власти его надъ женою. Вотъ почему мы можемъ встрѣтить въ старинныхъ нѣмецкихъ законахъ указаніе, что дитя, родившееся отъ прелюбодѣянія, должно принадлежать не виновнику рожденія, а тому, кто имѣетъ *mundium* надъ женою, т. е. мужу его матери¹⁾.

Въ связи съ патриархальнымъ строемъ семьи и утвержденіемъ власти мужа и отца стоитъ и культъ предковъ. Представленіе о томъ, что физическою смертію не кончается существованіе человѣка на землѣ, что въ томъ или другомъ видѣ онъ и послѣ смерти принимаетъ участіе въ событіяхъ жизни покинутой имъ семьи, одинаково присуще всѣмъ народамъ на извѣстной степени развитія. «Самыя древнія поколѣнія, задолго до появленія какихъ либо философовъ, вѣровали во вторую жизнь послѣ смерти. Они смотрѣли на смерть не какъ на уничтоженіе жизни, но какъ на простую перемену бытія»²⁾.

¹⁾ М. Ковалевскій, и. с. стр. 90.

²⁾ Fustel de Coulanges, La Cité Antique, переводъ XIV-го изданія, стр. 5.

Такъ какъ участіе умершихъ можетъ быть и на пользу и во вредъ остающимся въ живыхъ, то естественно, должны быть приняты мѣры къ тому, чтобы задобрить души предковъ и вызвать ихъ расположеніе. Чѣмъ первобытнѣе народъ, чѣмъ менѣе способенъ онъ къ идеальнымъ представленіямъ, тѣмъ болѣе почитаніе предковъ выражается въ доставленіи имъ возможности пользоваться и послѣ смерти земными благами и удовлетворять человѣческимъ потребностямъ. Въ то время, поэтому, когда одни считаютъ нужнымъ доставлять на могилу предковъ пищу и питье, стелютъ для недавно умершихъ постели и приносятъ все нужное для ихъ туалета, кладутъ рядомъ съ покойникомъ его оружіе, охотничьи и рыболовные принадлежности, погребаютъ вмѣстѣ съ нимъ его коня и рабовъ, а иногда и его жену, — другіе довольствуются уже жертвоприношеніями, возліаніями, молитвами, плачемъ и т. п. Но во всякомъ случаѣ почитаніе усопшихъ предковъ, которыхъ римляне называли Ларами, Пенатами и Манами, греки — Демонами или Героями, а наши предки «домовыми», не чуждо ни одному народу. Для насъ въ данномъ случаѣ важно отмѣтить то обстоятельство, что, съ одной стороны, это почитаніе было обязательно только для кровныхъ родственниковъ покойнаго и прежде всего для его непосредственнаго нисходящаго потомства мужскаго пола, т. е. сыновей и внуковъ, а съ другой стороны, что чужеродцы не могли вовсе имѣть въ немъ никакого участія, такъ какъ мертвые принимали жертвоприношенія только отъ однихъ кровныхъ родственниковъ. «Въ Греціи и Римѣ, говоритъ Фюстель де-Куланжъ, сынъ былъ обязанъ дѣлать возліанія и приносить жертвы Манамъ своего отца, дѣда, прадѣда и другихъ кровныхъ родственниковъ по прямой восходящей линіи». «Покойникъ, послѣ котораго не осталось ни одного сына, не получаетъ жертвоприношеній».

Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему всѣ древнѣйшія законодательства осуждали безбрачную жизнь и покровительствовали законному браку. Безбрачіе должно было считаться одновременно и великимъ грѣхомъ, — такъ какъ оно губило блаженство предковъ, — и личнымъ несчастьемъ, такъ какъ безбрачный и самъ лишался возможности облучить послѣ смерти блаженство. Для поддержанія культа предковъ былъ необходимъ прямой потомокъ, происшедшій притомъ отъ законнаго брака; перерывъ въ этомъ культѣ представлялся величайшимъ несчастьемъ для живыхъ и страшнымъ оскорбленіемъ для мертвыхъ. Съ прекращеніемъ жертвоприношеній, умершіе предки дѣлались блуждающими тѣнями и въ безмолвіи ночи раздавались ихъ вопли. Они упрекали живущихъ въ нечестивомъ нерадѣніи, старались ихъ наказать, насылали на нихъ болѣзни или поражали землю безплодіемъ ¹⁾.

Понятнымъ также становится, почему тѣ же законодательства относятся съ безпощадною строгостью къ измѣнѣ жены. Мужъ не имѣлъ даже права прощать женѣ и по меньшей мѣрѣ обязанъ былъ развестись съ нею. Понятнымъ становится и суровое отношеніе законодательства къ незаконнорожденнымъ, прерывавшимъ отправленіе семейнаго культа и составлявшимъ причину общаго семейнаго бѣдствія. Понятно, наконецъ, почему наслѣдство всегда переходило къ сыну и притомъ даже не по личной волѣ отца, а по необходимости: являясь продолжателемъ культа, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ получалъ и связанную съ семейною религіею семейную собственность. Добавимъ къ этому, что и усыновленіе первоначально несомнѣнно преслѣдовало ту же цѣль — поддержаніе культа предковъ. «Кому природа не дала сына, тотъ можетъ усыновить

1) Фюстель де-Куланжъ, и. с. стр. 25.

себѣ посторонняго, съ тѣмъ, чтобы не превращались могильныя жертвы», — такъ гласилъ древній индійскій законъ.

Какъ сильна была потребность имѣть продолжателя рода и семейнаго культа, видно, напримѣръ, изъ тѣхъ фикцій, къ которымъ обращались для этого люди, лишеныя сыновей. Грекъ, какъ и индусъ, не имѣя сыновей и выдавая свою дочь замужъ, условливался, что родившійся отъ нея сынъ будетъ не внукомъ его, а будетъ считаться его сыномъ и въ качествѣ таковаго будетъ поддерживать почитаніе предковъ. Мало этого, законы Ману, весьма строго относящіеся къ прелюбодѣянію женщины съ чужеродцемъ, поощряютъ его тогда, когда оно преслѣдуетъ цѣль поддержанія культа предковъ. «Если нѣтъ дѣтей, говорить сводъ Ману, то желанное потомство можетъ быть прижито посредствомъ вступленія женщины, съ надлежащаго разрѣшенія, въ связь съ братомъ ея мужа или другимъ его близкимъ родственникомъ. Пусть тотъ, на кого возложена эта *обязанность*, намазавшись масломъ и храня глубокое молчаніе, сблизается по ночамъ съ бездѣтною замужнею женщиною или вдовою и родить ей *одного сына*, но — осмотрительно прибавляетъ сводъ — отнюдь не двухъ» ¹⁾).

Если имѣть въ виду, что характерною чертою указаннаго почитанія предковъ является то, что оно всегда переходило отъ мужчины къ мужчине и что женщина не могла въ немъ участвовать, то станетъ очевиднымъ, что возникновеніе этого культа, обусловленное установленіемъ патріархальной семьи и утверженіемъ власти мужчинъ, въ свою очередь, было одною изъ причинъ такого широкаго распространенія и такой устойчивости патріархата.

Объемъ родительской власти по отношенію къ дѣтямъ во

¹⁾ М. Ковалевскій — н. с. стр. 70.

время господства патриархального строя ничѣмъ существенно не отличается отъ предшествующаго ему періода — матриархата. Измѣняется лишь носитель власти: на мѣсто матери и ея братьевъ становится отецъ или вѣрнѣе глава семьи. Въ то время, какъ прежде мать должна была поднять новорожденнаго къ своей груди, чтобы выразить желаніе оставить его въ живыхъ, теперь это долженъ былъ дѣлать отецъ. Если онъ этого не дѣлалъ, значить ребенокъ обреченъ былъ на смерть. Причины къ тому могли быть различныя. Ребенокъ родился уродомъ или слабымъ — его убивали потому, что для войны нужны были хорошо сложенные, сильные люди; отецъ находилъ, что его средствъ не хватаетъ на прокормленіе новорожденнаго — и излишній ребенокъ выбрасывался; ребенокъ явился плодомъ прелюбодѣянія и отецъ его убивалъ для того, чтобы онъ впоследствии не прерывалъ отправленія семейнаго культа и не оставилъ предковъ безъ должныхъ жертвоприношеній. Но и оставивъ ребенка въ живыхъ, отецъ могъ его отдать въ работу, могъ продать въ рабство, могъ его изгнать, могъ его наконецъ убить.

Нѣтъ надобности распространяться о томъ, что дѣти не могли въ это время вступать въ бракъ безъ дозволенія отца, что послѣдній заключалъ браки дѣтей по своему усмотрѣнію, что дѣти не имѣли собственнаго, отдѣльнаго имущества и т. п.

III.

Наиболѣе полное проявленіе отеческой власти мы встрѣчаемъ у римлянъ: римская *patria potestas* сдѣлалась синонимомъ сильной неограниченной власти. По воззрѣнію римскихъ юристовъ, отецъ семейства есть тотъ, кому принадлежитъ владычество въ семействѣ, т. е. власть надъ

женою, имуществомъ, рабами и дѣтьми. Ребенокъ съ момента его зачатія уже принадлежитъ отцу, а не матери, такъ какъ сама мать находится во власти мужа и разсматривается въ отношеніи къ нему какъ сестра своихъ дѣтей ¹⁾— *filiae loco*. Поэтому отецъ можетъ требовать отъ своей жены изгнанія плода и отъ его усмотрѣнія зависитъ, оставить-ли ребенка въ живыхъ, или же умертвить его. Наоборотъ, совершить такое изгнаніе плода противъ воли отца семейства никто не имѣлъ права: это было-бы нарушеніемъ правъ отца, за которое бывали случаи присужденія къ смертной казни. Неограниченная въ своемъ объемѣ, отцовская власть была неограничена и во времени; она была безконечная: ни возрастъ, ни женитьба, ни достиженіе высшихъ государственныхъ должностей не избавляли римлянина отъ самаго полного подчиненія отцовской власти, потерять которую глава семьи могъ лишь съ потерей всѣхъ гражданскихъ правъ. Республиканскій періодъ римской исторіи богатъ примѣрами, когда отцы, примѣняя къ своимъ дѣтямъ отцовскую власть, осуждали ихъ на смертную казнь, и примѣръ Манлія Торквата, осудившаго своего сына между прочимъ и за то, что «онъ не оказалъ должнаго благоговѣнія передъ его отцовскою властью», представляется вовсе не исключительнымъ явленіемъ. Если отецъ, разсуждали римляне, имѣетъ мужество отсѣчь себѣ руку, пораженную гангреною, онъ имѣетъ такое-же право убить своего сына. Самая эмансипація дѣтей отъ родительской власти, въ послѣдствіи значительно смягчившая эту послѣднюю, первоначально была установлена въ интересахъ родителя, давая ему возможность освободиться отъ лишняго рта. Это видно лучше всего изъ того, что первоначально

¹⁾ Л. Загурскій.—Ученіе объ отцовской власти по римскому праву. Харьковъ, 1884, стр. 4.

эмансипація производилась безъ согласія самихъ дѣтей и при-
мѣнялась главнымъ образомъ къ дѣтямъ такого возраста, когда
они не были въ состояніи воспользоваться мнимою свободою
отъ отцовской власти и когда эта свобода равносильна была
для нихъ вѣрной гибели. Право отца отказаться отъ дѣтей и
выбросить ихъ на улицу или даже на съѣденіе голоднымъ
собакамъ было до того нерѣдкимъ явленіемъ даже въ позднѣй-
шее время, что Тацитъ съ удивленіемъ замѣчаетъ, что у
евреевъ и германцевъ считается грѣхомъ не воспитывать своихъ
дѣтей ¹⁾).

Какъ твердо и упорно держался взглядъ на дѣтей, какъ
на собственность отца, характернымъ указаніемъ можетъ слу-
жить то обстоятельство, что даже законодательство Юстиніана
допускало возможность *кражи сына*, предоставляя въ этомъ
случаѣ отцу право вчинять общій вещный искъ (*actio rei
vindictio*).

Неудивительно, конечно, послѣ этого, что за сыномъ не
признавалось право вступать въ бракъ безъ согласія главы семей-
ства и что дѣти, рожденныя до полученія этого согласія, счита-
лись незаконнорожденными; мало этого, отецъ, даже дав-
шій согласіе на бракъ, могъ потомъ самъ уничтожить этотъ
бракъ ²⁾; внуки подчинялись главѣ семьи точно такъ же,
какъ и сыновья; дѣти не могли имѣть своего собствен-
наго имущества и все, что ими наживалось, считалось принад-
лежащимъ главѣ семейства; отецъ имѣлъ право на рабо-
чую силу дѣтей, онъ могъ отдавать ихъ въ наемъ или закладъ,
могъ продавать въ рабство, заключать ихъ въ тюрьму и т. п.

Достойно вниманія, что такіе люди, какъ Цицеронъ, вы-

¹⁾ Tac. Hist. 5,5. Germ. 19.

²⁾ Л. Загурскій, н. с. стр. 50, 54.

сказываясь против жестокаго обращенія съ рабами, находятъ въ порядкѣ вещей предоставляемое законами XII таблицъ отцу *право убивать* своихъ дѣтей, что Сенека смотритъ на это право, какъ на награду, которая дана родителямъ за ихъ заботы о дѣтяхъ, и что императоръ Августъ, стремившійся къ увеличенію населенія, не рѣшился, однако-же, ставить какія-либо ограниченія праву отца выбрасывать новорожденныхъ и убивать взрослыхъ дѣтей.

При такомъ взглядѣ на объемъ родительской власти, въ законодательствѣ не могло быть, конечно, и рѣчи объ опредѣленіи какихъ либо дисциплинарныхъ мѣръ, которыя могли быть предоставлены главѣ семьи въ отношеніи его подчиненныхъ, въ виду чего эта сторона отцовской власти весьма долго не подвергалась никакой законной регламентаціи. Разъ отецъ имѣлъ право убить своего ребенка, онъ, конечно, не лишень былъ и права подвергать его тѣлесному наказанію, сѣчь его, запирать въ тюрьмы и т. под. Дѣти же, въ свою очередь, не могли жаловаться на отца уже по тому одному, что особа отца для нихъ всегда должна была быть священна. Эта вѣчная обязанность дѣтей оказывать своимъ родителямъ почтеніе вела къ тому, что дѣти не могли предъявлять къ своимъ родителямъ исковъ, уголовныхъ безусловно и гражданскихъ, влекущихъ для отвѣтчиковъ *infamia*, не могли призывать родителей въ судъ безъ особаго разрѣшенія претора и т. п.

Единственная область, въ которой дѣти стояли внѣ зависимости отъ отцовской власти, — была сфера публичнаго права. Отправлять общественныя обязанности, подавать голосъ въ народныхъ собраніяхъ, добиваться высшихъ должностей — римлянинъ могъ безъ согласія своего отца. Право государственное (*jus publicum*) очень рано отдѣлилось у римлянъ отъ права частнаго (*jus privatum*) и при столкновеніяхъ

всегда брало верхъ надъ послѣднимъ. *Salus publica suprema lex esto!* — таковъ былъ принципъ римской жизни.

Необходимо, однакоже, имѣть въ виду, что и въ сферѣ частно-гражданскаго права указанный строй римской семьи, сохранявшійся въ теченіе многихъ вѣковъ, въ концѣ концовъ претерпѣлъ извѣстные измѣненія въ смыслѣ смягченія суровой отцовской власти и признанія извѣстныхъ гражданскихъ правъ за дѣтьми. Ко времени паденія политической самостоятельности Рима семейная организація была уже нѣсколько иною, хотя и тогда еще представлялась типичною представительницею патриархальнаго строя. Большая заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ прежде всего римскому претору, который первый сталъ проводить то воззрѣніе ¹⁾, что хотя отношенія между отцомъ и дѣтьми основываются на власти и господствѣ перваго, все же между ними кромѣ того существуетъ извѣстная близость, которую римляне прозвали *caritas sanguinis*. Благодаря претору, выдвигается вообще понятіе объ *обязанностяхъ* родителей по отношенію къ дѣтямъ и на первомъ планѣ — объ обязанности давать дѣтямъ содержаніе и воспитаніе. Нельзя, конечно, думать, чтобы древнимъ римлянамъ совершенно чужда была мысль о необходимости для родителей содержать и воспитывать дѣтей, но это содержаніе и воспитаніе разсматривались не какъ обязанность, а какъ право родителей. «Родители прокармливаютъ своихъ дѣтей *для того*, говорить Сенека, чтобы самимъ подъ старость было отъ кого получать содержаніе». Точно также и воспитаніе дѣтей разсматривалось съ точки зрѣнія права отца предпрѣшать назначеніе своихъ дѣтей, право, которое не могло быть у него отнято, какимъ бы негоднымъ человѣкомъ онъ ни былъ. Преторъ же, какъ сказано,

¹⁾ Л. Загурскій, н. с. стр. 102.

стремился проводить идеи о томъ, что въ отцовской власти существуют и обязанности, вытекающія изъ закона природы, естественныя, но имѣющія и юридическій, обязательный характеръ.

Излишне, конечно, останавливаться на выясненіи вопроса о томъ, какую роль играло въ этомъ дѣлѣ христіанство. Христіанскіе проповѣдники постоянно боролись съ практиковавшимися въ широкихъ размѣрахъ изгнаніемъ плода и убійствами новорожденныхъ, и голосъ ихъ не оставался пустымъ звукомъ, въ особенности для христіанскихъ императоровъ. Благодаря христіанству, законодательство возлагаетъ на родителей обязанность давать дѣтямъ извѣстное религіозное воспитаніе и, что еще важнѣе, предоставляетъ матери право предъявлять къ отцу искъ объ истребованіи къ себѣ дѣтей, доказавъ негодность отца и вредъ его распоряженій для блага ребенка.

При изложеніи современнаго законодательства о взаимныхъ отношеніяхъ родителей и дѣтей намъ придется не разъ приводить для сравненія положенія римскаго права; поэтому ограничимся здѣсь указаніемъ, что римская жизнь медленно дошла до признанія, что въ отцовской власти коренятся обязанности, вызываемыя интересами дѣтей, и что, въ случаѣ забвенія отцомъ своихъ обязанностей, его права могутъ быть ограничены въ пользу матери ребенка.

IV.

Сохранившіяся извѣстія о семейномъ строѣ древнихъ славянъ и германцевъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что имъ также извѣстна была сильно развитая отцовская власть. Правда, что источники позднѣйшаго времени рисуютъ намъ эту власть, въ особенности у германцевъ, болѣе мягкою: кромѣ прин-

принципа владычества отца надъ дѣтьми мы можемъ видѣть проявленіе уже въ значительной степени и принципа защиты послѣднихъ ¹⁾, а рядомъ съ отцовскою властью мы встрѣчаемъ и власть матери. Но это только доказываетъ, что названные источники застали уже отцовскую власть въ смягченномъ видѣ. Несомнѣнно, однакоже, что этой власти предшествовала другая, ничѣмъ не отличавшаяся въ существѣ своемъ отъ римской *patria potestas*.

По словамъ Гримма (*D. Rechtsalterth.* 455), первое и древнѣйшее право отца выражалось въ томъ, что новорожденнаго ребенка онъ могъ или поднять (*tollere*) или выбросить (*exponere*). Бросали ребенка, если было основаніе подозрѣвать, что онъ незаконнорожденный, если онъ родился уродливымъ, если рожденію его предшествовало какое либо дурное предзнаменованіе, бросали и въ дѣтствѣ крайней бѣдности, когда родители не имѣли средствъ кормить дѣтей.

Позднѣйшее право поставило, однакоже, извѣстное ограниченіе этой власти: умерщвленіе дѣтей родителями могло имѣть мѣсто лишь сейчасъ же послѣ рожденія. Стоило только ребенку проглотить хоть каплю материнскаго молока, стоило только совершить надъ нимъ обрядъ люстраціи, т. е. окропленія водою, — и отецъ терялъ уже указанное право. Подъ вліяніемъ христіанства право это еще болѣе, конечно, должно было сократиться.

Изъ славянскихъ племенъ только о Поморянахъ ²⁾ историческіе памятники свидѣтельствуютъ, что у нихъ убивали малолѣтнихъ дѣтей. Убіеніе же дѣтей во время голода встрѣ-

¹⁾ С. Шпилевскій, „Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ. Казань. 1869 г., стр. 158—159.

²⁾ Тамъ же, стр. 160.

чалось еще сравнительно недавно. По свидѣтельству Бера, во время страшнаго голода въ Москвѣ, въ 1604 году, отцы и матери душили, рѣзали и варили своихъ дѣтей. Также и Петрей, разсказывая о голодномъ времени первыхъ годовъ XVII столѣтія, удостовѣряетъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ одна голодная женщина откусила два куска отъ руки своего ребенка и стала ѣсть; онъ самъ, впрочемъ, прибавляетъ, что народъ силою остановилъ ее ¹⁾).

Славянскіе, какъ и германскіе памятники, также упоминаютъ объ отдачѣ дѣтей въ рабство. Но и здѣсь мы видимъ позднѣе нѣкоторыя ограниченія. Такъ, напримѣръ, у англосаксовъ можно было продавать дѣтей только до семилѣтняго возраста, а швабское зеркало разрѣшаетъ отцу продавать дѣтей, но лишь въ случаѣ голода, да и то только не въ домъ публичныхъ женщинъ.

Нечего говорить о томъ, что отцы устраивали браки своихъ дѣтей по своей волѣ. Дочь, вышедшая замужъ безъ согласія отца, лишалась наслѣдства и подвергалась кромѣ того наказанію, которое иногда доходило до смертной казни.

Позднѣйшее нѣмецкое право свидѣтельствуешь, однако-же, о значительныхъ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ правахъ отца надъ дѣтьми. Весьма серьезнымъ ограниченіемъ отцовской власти явились у германцевъ семейные совѣты. Последніе состояли изъ родственниковъ отца и матери и имѣли не только нравственный авторитетъ, но и юридическія права во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ, касавшихся дѣтей. Были случаи, что совѣты освобождали даже дѣтей отъ отцовской власти, если отцы дурно или жестоко съ ними обращались ²⁾).

¹⁾ Тамъ же, стр. 164. Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи, I. 165.

²⁾ М. Ковалевскій, н. с. стр. 94.

Первоначально въ имущественномъ отношеніи дѣти были въ полной зависимости отъ отца; они сами ничего не имѣли, поэтому не могли вступать въ какія-либо обязательства, и все, что ими приобреталось, присоединялось къ общему семейному имуществу. Фактически бывали, конечно, и тогда выдѣлы дѣтямъ по поводу вступленія ихъ въ бракъ, но это не было обязательно для отца. *Ne dote qui ne veut*—было господствующимъ правиломъ. Однако-же и изъ него съ теченіемъ времени стали дѣлаться исключенія: смерть матери и вторичное вступленіе отца въ бракъ, выходъ замужъ дочери или женитьба сына стали разсматриваться какъ такія событія, при которыхъ выдѣлъ дѣтей былъ болѣе или менѣе обязателенъ. Этотъ выдѣлъ отдѣльнаго имущества сыгралъ важную роль въ дѣлѣ освобожденія личности дѣтей изъ подъ неограниченной отцовской власти. Въ то время, какъ достиженіе дѣтьми совершеннолѣтія не сопряжено было само по себѣ въ патриархальной семьѣ съ какими-либо юридическими послѣдствіями и не освобождало дѣтей отъ родительской опеки, выдѣлъ отмежевывается, напротивъ того, для дѣтей такую область, на которую родительская власть уже не простирается.

Что касается правъ матери, то понятно, что они были ничтожны, пока сама она находилась во власти своего мужа. Но по мѣрѣ освобожденія ея собственной личности, она приобретаетъ все большія и большія права по отношенію къ дѣтямъ. Въ особенности ея права на дѣтей расширяются послѣ смерти мужа. Правда, что и въ этомъ случаѣ она не вполне сравнивается съ отцомъ; такъ, она не имѣетъ, напр., права представительства дѣтей на судѣ, къ оставшимся дѣтямъ можетъ быть назначенъ опекунъ и т. п., но во всякомъ случаѣ не только жизнь, но и законъ признаетъ уже извѣстную власть ея надъ дѣтьми, стоящую рядомъ съ властью отца.

V.

Распаденіе патріархальнаго строя, вызванное главнымъ образомъ естественнымъ стремленіемъ личности освободиться отъ всепоглощающаго вліянія общины и ея главы и выразившееся особенно ясно въ выдѣлѣ извѣстнаго имущества, какъ принадлежащаго лично тому или другому члену семьи, повлекло за собою образованіе отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга семей. Начало такого распаденія мы можемъ видѣть въ римскомъ институтѣ «лагернаго имущества» (*peculium castrense*), которое составляетъ собственность отдѣльнаго члена семьи, пріобрѣтенную лично храбростію. Извѣстно, впрочемъ, что и римское право на этомъ не остановилось и наряду съ *peculium castrense* создало понятіе *peculium quasi-castrense*, т. е. «какъ бы лагерное имущество», подъ которое подводили понемногу всякое имущество, выдѣленное изъ общаго семейнаго. Еще въ большемъ объемѣ мы видимъ это явленіе у германцевъ, обычаи и законы которыхъ понемногу признавали за дѣтьми право на отдѣльное владѣніе извѣстнымъ имуществомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ давали имъ даже право требовать выдѣла изъ общаго имущества.

. Образовавшаяся такимъ образомъ новая форма семейной жизни, называемая индивидуальной семьей, составляя одну изъ основъ нашего общественнаго строя, съ одной стороны отводитъ женщинамъ довольно свободное и почетное положеніе, а съ другой ограничиваетъ родительскій произволъ въ цѣляхъ охраны дѣтскихъ интересовъ. Если на первыхъ ступеняхъ человѣческой жизни безграничная власть надъ дѣтьми

принадлежит матери и частью ея родственникамъ, если въ противоположность этому, патриархальный строй почти совершенно уничтожаетъ эту власть матери, облакая ея только отца, то индивидуальная семья представляетъ собою примиреніе, синтезъ этихъ явленій, давая власть надъ дѣтьми обоимъ родителямъ, но разматривая ее, какъ существующую въ интересахъ самихъ дѣтей. Если и теперь нельзя считать права обоихъ родителей совершенно одинаковыми по отношенію къ ихъ дѣтямъ, если и теперь еще преобладаетъ извѣстное господство мужчинъ, то во всякомъ случаѣ это господство выражается въ мягкихъ формахъ и, что весьма важно, существованіе его оправдывается интересами самихъ дѣтей.

«Ограниченіе отцовскаго и супружескаго произвола,—говоритъ М. Ковалевскій¹⁾),—расширеніе правъ жены и охрана дѣтскихъ интересовъ, отнюдь не служа къ гибели семьи, лишь возвысили ея нравственный уровень. Повсюду она уже сдѣлалась или стремится сдѣлаться поприщемъ для проявленія нашихъ наиболѣе благородныхъ и возвышенныхъ чувствъ. Все болѣе и болѣе проникаясь духомъ свободы и равенства, она можетъ обезпечить въ настоящее время какъ той, такъ и другой сторонѣ полное развитіе ея способностей и даже дать имъ новый стимулъ для дѣятельности—чистую привязанность, основанную на обоюдномъ уваженіи, постоянномъ обмѣнѣ услугъ и нравственной солидарности».

¹⁾ Назв. соч. стр. 123.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Родительская власть. Воспитаніе и образованіе.

I.

Человѣческія существа съ перваго момента появленія ихъ на свѣтъ нуждаются въ заботливости и помощи другихъ; они рождаются въ такой степени беспомощными, что предоставить ихъ собственнымъ силамъ значило-бы обречь ихъ на вѣрную гибель. Кому же естественнѣе всего принять на себя эту заботу и попеченіе? Конечно, родителямъ, побуждаемымъ къ тому инстинктивнымъ стремленіемъ къ продолженію рода и безотчетною любовью и привязанностью къ рождающимся дѣтямъ. Съ годами потребность дѣтей въ заботливости и попеченіяхъ родителей не только не уменьшается, но, напротивъ того, дѣлается еще болѣе сильною. Такъ какъ въ дѣтскомъ возрастѣ самъ ребенокъ лишенъ возможности какъ понимать свои выгоды и пользы, такъ и охранять свои интересы и заботиться о полученіи надлежащаго умственнаго, нравственнаго и религіознаго развитія, то забота и объ этомъ также, очевидно, лежитъ на родителяхъ. Къ сожалѣнію на послѣднюю сторону своей дѣятельности родители не всегда обращаютъ должное вниманіе: это объясняется въ нѣкоторыхъ случаяхъ злоупотребленіемъ ими своею властью, а главнымъ образомъ, собственнымъ не-

вѣжествомъ родителей, неподготовленностью ихъ къ исполненію родительскихъ обязанностей и непониманіемъ ими всей важности надлежащаго образованія дѣтей.

Для того, чтобы выполнить, какъ слѣдуетъ, эти свои заботы о вскармленіи, воспитаніи и образованіи дѣтей, родители должны имѣть извѣстную власть и извѣстныя права надъ дѣтьми, а послѣднія, сообразно съ этимъ, должны имѣть извѣстныя обязанности и прежде всего обязанность повиноваться распоряженіямъ родителей. Размѣръ этой власти и объемъ этихъ правъ родителей по отношенію къ дѣтямъ въ разное время и у разныхъ народовъ являлись болѣе или менѣе обширными, опредѣленными и ясными, но во всякое время и у всѣхъ народовъ эта власть существовала и существуетъ въ томъ или другомъ объемѣ.

Если эта власть нужна родителямъ для наилучшаго на-правленія, воспитанія и образованія дѣтей, если оправданіе этихъ правъ родителей надъ дѣтьми заключается, такимъ образомъ, въ интересахъ сихъ послѣднихъ, то очевидно, что въ этой цѣли и въ этихъ интересахъ должны лежать и границы разсматриваемой власти. Въ то время, какъ римляне, разсматривая отцовскую власть съ точки зрѣнія осуществленія главою семьи своихъ правъ надъ всѣми, ему подчиненными, могли предоставлять этому главѣ право производить выкидыши, убивать новорожденныхъ, выбрасывать дѣтей на улицу, продавать ихъ въ рабство и т. п., въ современномъ правѣ о такихъ проявленіяхъ родительской власти не можетъ быть, конечно, и рѣчи. По современнымъ воззрѣніямъ родительская власть является не самостоятельнымъ правомъ требовать что либо въ своемъ интересѣ, а, напротивъ того, существуетъ исключительно въ интересахъ дѣтей, какъ власть руководительная и попечительная, проявляясь главнымъ образомъ въ

правъ воспитанія, надзора и принятія домашнихъ мѣръ исправленія. Понятно поэтому, что съ достиженіемъ ребенкомъ такого возраста, когда онъ уже можетъ жить самостоятельною жизнью, когда онъ не нуждается болѣе въ руководствѣ и попечительствѣ родителей, власть послѣднихъ почти совершенно прекращается ¹⁾).

Но если это такъ, если права родителей въ отношеніи дѣтей вызываются интересами сихъ послѣднихъ и въ этихъ интересахъ имѣютъ свой предѣлъ, то, въ сущности говоря, это уже *не права*, а скорѣе *обязанности*. И въ самомъ дѣлѣ осуществленіе родителями своихъ главныхъ правъ по отношенію къ своимъ дѣтямъ, а именно права воспитанія, надзора и наказанія, не можетъ и не должно быть предоставлено свободному ихъ усмотрѣнію. Родители *обязаны* дать своимъ дѣтямъ то или другое воспитаніе, то или другое образованіе, *обязаны* оказывать имъ покровительство и руководство, *обязаны* имѣть за ними надлежащій надзоръ и въ случаѣ пренебреженія ими этими обязанностями, они должны подвергаться различнымъ невыгоднымъ послѣдствіямъ, и на ихъ мѣсто должны стать государство и общество. «Каждое дитя, сказалъ Штубенраухъ на одномъ благотворительномъ конгрессѣ во Франкфуртѣ, вправѣ *требовать* отъ родителей воспитанія, соответствующаго его общественному положенію. Этому праву дитяти, безъ сомнѣнія, долженъ удовлетворить его родитель или опекунъ. Но у государства есть также своя обязанность: оно должно наблюдать, чтобы обязанности родителей строго исполнялись и, въ случаѣ надобности, имѣеть право принудить къ тому родителей. Препятствуя злоупотреб-

¹⁾ К. Побѣдоносцевъ. Курсъ Гражданскаго Права, ч. II, изд. 3-е, стр. 3—5, 155—197.

леніямъ родительской власти, правительство защищаетъ право слабого и въ то же время покровительствуетъ общественному интересу»¹⁾).

Говоря о *правѣ* родителей воспитывать своихъ дѣтей, мы имѣемъ въ виду право ихъ направлять это воспитаніе по своему усмотрѣнію, право избирать для дѣтей родъ будущей ихъ дѣятельности и дать имъ соответствующее образованіе и направленіе. Но въ полученіи дѣтьми того или другаго воспитанія и образованія заинтересованы не только сами дѣти и ихъ родители, но заинтересованы общество и государство, ибо изъ этихъ дѣтей должны впоследствии вырасти члены общества и граждане государства, которые, въ свою очередь, должны будутъ воспитывать своихъ дѣтей. Вотъ почему воспитаніе дѣтей, составляя главнѣйшее проявленіе родительской власти, должно быть разсматриваемо не какъ право родителей, а какъ наиболѣе существенная ихъ обязанность²⁾).

Значить ли это, что воспитаніе дѣтей должно вестись въ одномъ, заранѣе начертанномъ законодателемъ духѣ и въ одномъ направленіи, что государственная власть должна слѣдить за воспитаніемъ каждаго и вмѣшиваться, въ случаѣ отступленія отъ указаннаго ею пути? Конечно, нѣтъ. Не говоря уже о томъ, что такая задача была бы не по силамъ самой могущественной государственной власти, подобнаго рода надзоръ представляется и совершенно излишнимъ и даже вреднымъ. Любя своихъ дѣтей, думая и заботясь объ ихъ будущемъ, родители сами стараются дать имъ наилучшее воспитаніе, а видя ихъ природныя способности, зная ихъ характеръ,

¹⁾ Любавскій. Юридическія монографіи и изслѣдованія. т. III. стр. 66—80.

²⁾ F. Laurent. Principes de droit civil, 1878. t. IV, стр. 343 и слѣд.

являются и наилучшими судьями въ вопросѣ о выборѣ той или другой системы воспитанія и образованія. И если, говоря словами Тьера, «одинъ отецъ любитъ строгое, непреклонное воспитаніе общественныхъ заведеній, другой предпочитаетъ болѣе кроткое воспитаніе частныхъ заведеній, одинъ любитъ спеціальныя свѣдѣнія, другой заботится о религіозномъ развитіи, одинъ хочетъ, чтобы сынъ его избралъ военное ремесло, другой приготовляетъ его къ либеральнымъ профессіямъ», то все это совершенно законно и надо дать всѣмъ отцамъ семейства средства удовлетворять ихъ различнымъ стремленіямъ. Возможны, конечно, случаи, когда родители ошибаются въ выборѣ путей и способовъ воспитанія или образованія своихъ дѣтей, но такихъ случаевъ было бы неизмѣримо болѣе, если бы дѣло воспитанія дѣтей находилось не въ рукахъ родителей, у которыхъ чувство долга по отношенію къ обществу соединяется съ чувствомъ любви къ дѣтямъ. Выборъ того или другого учебнаго заведенія или воспитаніе дома по той или другой педагогической системѣ должно быть предоставлено свободному усмотрѣнію родителей; государственная же власть, охраняя интересы общества, вправѣ только требовать, чтобы родители не оставляли своихъ дѣтей безъ всякаго образованія и чтобы они не воспитывали ихъ въ духѣ презрѣнія къ законности, нравственности и религіи.

Съ наличностью указанныхъ обязанностей родителей несовмѣстимо, конечно, право ихъ на *отреченіе* отъ своихъ дѣтей. Не говоря о томъ, что такое отреченіе было-бы противно самой природѣ отношеній между родителями и дѣтьми, оно недопустимо уже потому, что уничтожало-бы всякое значеніе обязанностей родителей содержать и воспитывать дѣтей и могло-бы служить для дурныхъ и преступныхъ родителей лазейкою для уклоненія отъ своихъ обязанностей. Родитель-

ская власть какъ *власть* можетъ быть временно въ интересахъ дѣтей ограничена, сѣужена и даже отнята отъ родителей, но таже власть какъ *совокупность обязанностей* не можетъ быть ни ограничена, ни пріостановлена по одностороннему желанію обязанной стороны.

Такова теоретическая постановка этого вопроса. Въ положительныхъ же законодательствахъ новый взглядъ на отцовскую или вѣрнѣе родительскую власть какъ на институтъ защиты и покровительства, существующій главнымъ образомъ въ интересахъ дѣтей, находитъ себѣ болѣе или менѣе полное выраженіе на Западѣ и весьма ограниченное у насъ. Правда, что начала римскаго права продолжаютъ въ извѣстномъ отношеніи и теперь еще вліять на законодательства Запада, что практика, а въ особенности наука, невольно иногда подчиняются этимъ началамъ, но во всякомъ случаѣ это вліяніе и подчиненіе становятся все менѣе и менѣе ощутительными въ области семейнаго права. Римскія начала эгоистической личной родительской власти всюду замѣняются позднѣйшими германскими принципами, въ основѣ коихъ лежитъ идея опеки, потребность въ организаціи защиты и воспитанія подрастающаго поколѣнія. Наиболее ясное и категоричное выраженіе этого новаго взгляда на родительскую власть мы находимъ въ проектѣ обще-германскаго гражданскаго уложенія, который при опредѣленіи этой власти «принимаетъ за исходный пунктъ естественную потребность дѣтей въ защитѣ. Поэтому онъ разсматриваетъ эту власть какъ опеку, т. е. видитъ въ ней институтъ защиты дѣтей, создающій обязанность и право заботиться о лицѣ и имуществѣ дѣтей. Такого же взгляда держатся законодательства французское, австрійское, прусское, саксонское и др. Вездѣ обязанность родителей содержать своихъ дѣтей и дать имъ образованіе и воспитаніе носить строго-юридическій характеръ

и подчинена надзору опекунскихъ учреждений и судовъ. Родители, которые пренебрегаютъ этою обязанностью, или не могутъ или не желаютъ ее выполнять, лишаются временно или навсегда родительской власти, а ихъ права и обязанности переходятъ къ спеціальнымъ опекунамъ или различнаго рода опекунскимъ и благотворительнымъ учреждениямъ.

Нѣкоторые современные законодательства идутъ, впрочемъ, дальше въ томъ отношеніи, что считаютъ обязательнымъ для всѣхъ первоначальное *школьное* обученіе. Для того, чтобы предъявлять такое требованіе, необходимо, конечно, прежде всего, чтобы эти школы были устроены въ достаточномъ количествѣ, чтобы посѣщеніе ихъ не представляло ни для дѣтей, ни для родителей значительныхъ затрудненій и чтобы характеръ обученія въ школахъ не стоялъ въ противорѣчій съ религіозными воззрѣніями родителей. Трудно, на самомъ дѣлѣ, настаивать, чтобы дѣти посѣщали непременно школы, если послѣднія находятся на далекомъ отъ ихъ дома разстояніи, или если обученіе не по средствамъ родителямъ, или, наконецъ, если преподаваніе ведется въ духѣ одного вѣроисповѣданія, а родители и дѣти принадлежатъ къ другому. Надо имѣть кромѣ того въ виду, что обязательностью первоначальнаго обученія въ школахъ преслѣдуются нерѣдко не чисто-образовательныя цѣли, а другія, напр. церковныя. Таковую именно цѣль преслѣдовали въ недавнее время первоначальныя школы въ Пруссіи.

Но если нельзя одобрительно относиться къ тому, чтобы школы служили орудіями для тѣхъ или другихъ церковныхъ цѣлей, то, во всякомъ случаѣ, нельзя оставлять дѣтей безъ всякаго религіознаго воспитанія. Не говоря о другихъ основаніяхъ къ тому, такого рода воспитаніе было бы вредно для государства и общества, справедливо усматривающихъ въ ре-

лиги одинъ изъ сильнѣйшихъ тормазовъ, сдерживающихъ дурныя человѣческія страсти; оно было-бы не менѣ вредно и для самихъ дѣтей, лишая ихъ того нравственнаго вліянія и тѣхъ высокихъ утѣшеній, которыя даетъ всякая религія. Вотъ почему большинство кодексовъ возлагаютъ на родителей обязанность воспитывать дѣтей въ духѣ извѣстной религіи, угрожая въ противномъ случаѣ назначеніемъ къ ребенку спеціальнаго опекуна. Выборъ той или другой религіи, при существованіи религіозной свободы, принадлежитъ родителямъ, дѣти же, по достиженіи извѣстнаго возраста, вправѣ перейти отъ религіи, въ которой они были воспитаны, въ какую либо другую. Въ случаѣ, когда отецъ и мать принадлежатъ къ одной религіи, естественно, что и дѣти будутъ воспитаны въ духѣ той же религіи. Но если супруги принадлежатъ къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ; тогда возникаетъ вопросъ, въ чьей вѣрѣ должны быть воспитаны дѣти. Вопросъ этотъ разрѣшается законодательствомъ различно, смотря по тому, оказываетъ-ли оно какой-нибудь изъ исповѣдуемыхъ родителями религій предпочтеніе или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ оно устанавливаетъ, что въ смѣшанныхъ бракахъ дѣти должны быть воспитаны въ вѣрѣ того, кто исповѣдуетъ болѣе покровительствуемую религію, не допуская при этомъ свободнаго соглашенія между супругами; во второмъ случаѣ оно предоставляетъ разрѣшеніе этого вопроса взаимному соглашенію родителей, или даетъ преимущество религіи отца ребенка, или же наконецъ устанавливаетъ правило, по которому мальчики воспитываются въ религіи отца, а дѣвочки въ религіи матери (*religio sequitur sexum*).

II.

Обязанность родителей давать своимъ дѣтямъ содержаніе и воспитаніе установлено и нашимъ законодательствомъ. Статья 172 т. X. ч. 1 (изд. 1887 года)¹⁾ предписываетъ родителямъ давать несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ пропитаніе, одежду и воспитаніе, доброе и честное, по своему состоянію, а слѣдующая 173 ст. рекомендуетъ родителямъ обращать все свое вниманіе на нравственное образованіе своихъ дѣтей и стараться домашнимъ воспитаніемъ приготовить нравы ихъ и содѣйствовать видамъ правительства. Къ сожалѣнію, исполненіе указанныхъ обязанностей ничѣмъ не обезпечено. Ни гражданскій, ни уголовный законъ не устанавливаютъ никакихъ послѣдствій отказа родителей отъ дачи своимъ дѣтямъ образованія или уклоненія ихъ отъ заботы о нравственномъ ихъ воспитаніи. Исполненіе этихъ обязанностей оставлено такимъ образомъ на добрую волю родителей и права дѣтей ничѣмъ въ этомъ отношеніи не ограждены. Предоставляя родителямъ на волю воспитывать своихъ дѣтей дома или отдавать ихъ въ общественныя заведенія (тамъ же, ст. 173), законъ не знаетъ, однакоже, обязанности первоначальнаго хотя бы обученія; не устанавливая никакой санкціи за уклоненіе родителей отъ воспитанія и образованія дѣтей, законъ, въ то же время, не возлагаетъ этой заботы и на другихъ.

Единственный предметъ, который болѣе всего озабочиваетъ

¹⁾ Это изданіе, по продолж. 1890 и 1891 г. мы и будемъ цитировать.

законодателя, это—религіозное воспитаніе и притомъ преимущественно лицъ православнаго исповѣданія. Такъ, родители обязаны приводить дѣтей своихъ, начиная съ семилѣтняго возраста, ежегодно на исповѣдь (ст. 19 Уст. о пред. и прес. прест., т. XIV изд. 1890 г.), а за неисполненіе сего подвергаются особому внушенію отъ духовнаго и замѣчанію отъ мѣстнаго гражданскаго начальства (ст. 209 Улож. о Нак.). Родители, которые, вопреки обязательству, стали бы крестить и воспитывать дѣтей по обрядамъ неправославнаго исповѣданія, присуждаются къ тюремному заключенію, а дѣти отдаются на воспитаніе православнымъ родственникамъ или опекунамъ (ст. 190 Улож.). Лютеране обязаны крестить младенцевъ не позднѣе 6 недѣль послѣ рожденія. Въ противномъ случаѣ, если нѣтъ уважительныхъ причинъ промедленія, консисторія назначаетъ особаго попечителя, который обязанъ представить младенца къ св. купели (Уст. иностр. испов., ст. 694 и 695).

Въ смѣшанныхъ бракахъ, если одинъ изъ родителей принадлежитъ къ православному исповѣданію, дѣти обоого пола должны быть воспитаны въ православной вѣрѣ, въ чемъ родитель другого христіанскаго исповѣданія обязывается особою подпискою (т. X, ч. 1, ст. 67, 80 и 81). Если же оба супруга принадлежатъ къ неправославнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ, то въ 9 западныхъ губерніяхъ сыновья воспитываются въ вѣрѣ отца, а дочери въ вѣрѣ матери, если о томъ иначе не было постановлено въ брачныхъ договорахъ (тамъ-же, ст. 75); относительно прочихъ же губерній нѣтъ общаго правила. Отдѣльно стоитъ законодательство Финляндіи, гдѣ дѣти коренныхъ жителей края должны быть воспитываемы въ вѣрѣ отца, не допуская о семь особыхъ договоровъ (тамъ-же, ст. 68).

Въ прибалтійскихъ губерніяхъ въ 1865 году было издано административнымъ порядкомъ секретное разрѣшеніе не требо-

вать при смѣшанныхъ съ православными бракахъ указанныхъ выше подписокъ объ обязательномъ воспитываніи дѣтей въ православной вѣрѣ¹⁾; распоряженіе это просуществовало 20 лѣтъ и въ 1885 году оно было отмѣнено, съ восстановленіемъ силы общаго для всѣхъ губерній закона.

За исключеніемъ православныхъ, право перемѣны религіи принадлежитъ у насъ дѣтямъ по достиженіи совершеннолѣтія. Но, поощряя переходъ иновѣрцевъ въ христіанство, законъ установилъ особыя льготныя для этого условія. Такъ, въ случаѣ принятія св. крещенія евреями, оно совершается обязательно и надъ малолѣтними ихъ дѣтьми моложе 7-ми лѣтъ; если принимаетъ одна мать—крещеніе совершается надъ дочерьми, если одинъ отецъ—надъ сыновьями (Зак. о сост. т. IX, ст. 695). Переходъ однихъ дѣтей изъ нехристіанскихъ исповѣданій (еврейства, магометанства и язычества) въ христіанское требуетъ письменнаго согласія родителей, если дѣти не достигли еще 14-ти лѣтняго возраста (и отсюда, впрочемъ, могутъ быть допущены исключенія по усмотрѣнію важныхъ къ тому причинъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода). Съ достиженіемъ же дѣтьми иновѣрцевъ 14-ти лѣтняго возраста, таинство св. крещенія можетъ быть совершаемо надъ ними и безъ согласія ихъ родителей или опекуновъ (прилож. къ ст. 70 (примѣч.) Уст. о пред. и прес. прест.²⁾).

¹⁾ К. Побѣдоносцевъ, н. с. стр. 170.

²⁾ По этому поводу И. Г. Оршанскій (Русское законодательство о евреяхъ. Спб. 1877 г., стр. 8) замѣчаетъ слѣдующее: „Этотъ срокъ совершеннолѣтія составляетъ рѣзкую аномалію въ нашемъ законодательствѣ. Для того, чтобы имѣть право выдать долговую росписку на нѣсколько рублей, нужно имѣть по нашему закону не менѣе 21 года; для того, чтобы вступить въ бракъ, нужно достигнуть 18-ти лѣтняго возраста; для перемѣны же религіи еврейю достаточно считаться 14-ти лѣтъ отъ роду. Такимъ образомъ, чѣмъ важнѣе шагъ въ жизни человѣка, тѣмъ меньше физической и умственной зрѣлости требуетъ нашъ законъ для возможности совершенія его“.

III.

Изложенный выше взгляд на родительскую власть, как на институт, имѣющій свою цѣль главнымъ образомъ интересы дѣтей, долженъ служить руководящимъ основаніемъ при разрѣшеніи вопросовъ о правахъ отца и матери надъ ребенкомъ, о столкновеніи ихъ власти и о послѣдствіяхъ разлучной жизни супруговъ или формальнаго расторженія браковъ.

При господствѣ матриархата власть надъ дѣтьми принадлежала матери, а слѣдовательно на ней же лежала забота о пропитаніи ребенка, и воспитаніи его и образованіи, по сколько вообще могла въ то время идти рѣчь о воспитаніи и образованіи дѣтей. Столкновеній ея власти съ властью отца ребенка не могло почти и быть, какъ потому, что у отца въ сущности никакой власти надъ ребенкомъ не было, такъ и потому, что въ большинствѣ случаевъ отецъ не былъ извѣстенъ. Нѣсколько иначе ставился вопросъ въ римскомъ правѣ во время господства патриархальнаго строя. Хотя надъ всѣмъ и всѣми господствовала одна власть главы семьи и мать ребенка разматривалась по отношенію къ его отцу не какъ равноправная личность, а какъ подчиненная въ такой же мѣрѣ, какъ дочь (*filiae loco*), тѣмъ не менѣе, мать не была вовсе устранена отъ заботы о дѣтяхъ и въ домашней жизни ей принадлежала значительная роль. Съ ослабленіемъ значенія отцовской власти, роль матери еще болѣе выдвинулась. Если прежде мать въ теченіе брака оказывала вліяніе на воспитаніе дѣтей, а до извѣстнаго момента жизни сама природа отдавала ребенка матери, то все-таки, лишь только являлось разногласіе отно-

сительно дальнѣйшаго воспитанія дѣтей, голосъ отца, какъ главы семьи, по закону имѣлъ первенствующее значеніе; такъ напр., въ томъ случаѣ, если мать, скрывала ребенка, отецъ могъ предъявить къ ней искъ объ отобраніи дѣтей (*interdictum de liberis exhibendis*), все равно какъ и ко всякому постороннему лицу. Въ императорскую эпоху этотъ порядокъ подвергся измѣненію¹⁾. Декретомъ Антонина Пія постановлено, что если мать удерживаетъ своего ребенка, *для котораго лучше находится при ней, чѣмъ при отцѣ*, то искъ, предъявленный отцомъ объ отобраніи ребенка, можетъ быть парализованъ матерью помощью отвода о томъ, что она удерживаетъ ребенка вслѣдствіе «вполнѣ юридическаго основанія» (*ex justissima causa*), а именно, напр., вслѣдствіе негодности отца, его распутной жизни (*pequitia*) и т. п. Выставленное здѣсь основаніе для отказа отцу въ его требованіи, а именно благо ребенка, получило затѣмъ дальнѣйшее развитіе и привело къ слѣдующимъ началамъ: матери было предоставлено право предъявить къ отцу, вслѣдствіе его *pequitia*, искъ объ истребованіи къ себѣ дѣтей; при разводѣ супруговъ судья имѣлъ право каждый разъ рѣшать вопросъ—у кого изъ разведенныхъ супруговъ должны остаться дѣти и къ кому изъ супруговъ они должны быть воспитаны, принимая при этомъ во вниманіе выгоду ребенка; оставленіе дѣтей у матери не освобождало тѣмъ не менѣе отца отъ обязанности давать средства на ихъ воспитаніе, если мать бѣдна, а отецъ богатъ и т. п.

Эти начала, въ которыхъ руководящимъ принципомъ является польза дѣтей, лежатъ въ основѣ современнаго западно-европейскаго права, хотя надо признаться, что законодательства довольно скудны постановленіями по этому пред-

¹⁾ Л. Загурскій, н. с. стр. 124.

мету. При расторженіи брака вопросъ о дѣтяхъ разрѣшается судомъ въ самомъ приговорѣ о разводѣ. По прусскому и австрійскому праву дѣти поручаются обыкновенно невинному супругу, причемъ виновный обязуется участвовать въ доставленіи средствъ на воспитаніе ихъ. Если оба супруга невинны, дѣти до 4-хъ лѣтняго возраста остаются у матери, а потомъ переходятъ къ отцу. Вообще до достиженія 4-хъ лѣтняго возраста дѣти, по прусскому праву, принадлежатъ матери и отецъ не имѣетъ права отнять ихъ у нея. По французскому праву дѣти отдаются тому изъ супруговъ, по чьему иску состоялся разводъ. Но судъ можетъ поступить и иначе, можетъ отдать дѣтей другому супругу или постороннему лицу, смотря по тому, кто изъ родителей болѣе состоятеленъ и у кого дѣтямъ удобнѣе и выгоднѣе быть. Тоже самое имѣетъ мѣсто при разлучной жизни супруговъ, гдѣ преимущественное право отца подвергается многочисленнымъ ограниченіямъ, установленнымъ въ интересахъ дѣтей.

Въ нашемъ законѣ нѣтъ никакихъ постановленій ни о томъ, какъ дѣти должны быть распределены между супругами въ случаѣ развода, ни о томъ, кто изъ супруговъ имѣетъ преимущественное право на воспитаніе дѣтей. Духовные суды¹⁾, разсматривающіе дѣла о разводахъ, обыкновенно уклоняются отъ разрѣшенія этихъ предметовъ, относя ихъ къ вѣдомству гражданскихъ судовъ; послѣдніе же, въ свою очередь, лишены всякаго положительнаго указанія и руководства. Наши законы о власти родительской вообще рассчитаны на мирную и согласную семью и потому не даютъ прямыхъ указаній, какъ разрѣшать случаи ненормальныхъ супружескихъ отношеній²⁾.

Сенатская практика, исходя изъ тѣхъ соображеній, что

¹⁾ К. Побѣдоносцевъ, н. с. стр. 166.

²⁾ А. Боровиковскій. Отчетъ Судьи т. II. Спб. 1892 г. стр. 250.

по закону мужъ считается главою семейства, въ составъ котораго входитъ и жена, что слѣдовательно жена, какъ подвластная, не можетъ стоять одновременно съ мужемъ во главѣ того же семейства, что поэтому и относительно дѣтей отецъ и мать не пользуются равными правами, — высказывается въ томъ смыслѣ, что при разлучной жизни супруговъ преимущественное право на воспитаніе дѣтей принадлежитъ отцу ¹⁾. Впрочемъ Сенатъ осторожно прибавляетъ, что преимущество это остается въ силѣ до тѣхъ поръ, «пока судъ не рѣшитъ, что въ виду особыхъ обстоятельствъ *польза дѣтей* требуетъ воспитанія ихъ матерью». При этой оговоркѣ преимущество отца имѣетъ весьма мало важное значеніе. При каждомъ спорѣ родителей о власти надъ дѣтьми судъ обязанъ разсмотрѣть, чего требуютъ интересы дѣтей и соотвѣтственно съ этимъ разрѣшать вопросы о правѣ того или другого супруга на преимущественное воспитаніе ребенка, и лишь тогда, когда оба супруга представляютъ одинаковую гарантію доброй заботливости о благѣ ребенка, преимущество можетъ быть отдано отцу, какъ главѣ семьи. Но и при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что если заботы объ обученіи дѣтей, достигшихъ соотвѣтствующаго возраста, болѣе сильны отцу, чѣмъ матери, то въ первоначальномъ періодѣ воспитанія мать необходимѣе дитяти, чѣмъ отецъ, и что при выборѣ воспитателя для дѣтей слѣдуетъ обращать также вниманіе и на влеченіе самихъ дѣтей ²⁾. Винодность того или другого родителя въ происшедшемъ разладѣ не должна служить ни единственнымъ, ни главнымъ основаніемъ для распредѣленія дѣтей и рѣшеніе спора должно зависѣть отъ конкретныхъ обстоятельствъ cadaго даннаго случая.

¹⁾ Рѣшеніе Гражд. Касс. Деп. Сената 1890 г. № 18.

²⁾ А. Боровиковскій, н. с. стр. 254.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Право надзора, исправленія и наказанія. Представительство.

I.

Обязанность родителей воспитывать своихъ дѣтей вызываетъ необходимость имѣть за ними надзоръ и право принимать по отношенію къ нимъ мѣры домашняго исправленія и наказанія. Но надзоръ былъ-бы невозможенъ, если бы дѣти могли по своему желанію покидать родительскій домъ. Вотъ почему родители вправѣ требовать, чтобы дѣти отъ нихъ не отлучались безъ ихъ разрѣшенія. Въ случаѣ неисполненія дѣтьми распоряженій родителей или въ случаѣ пренебреженія ими своею обязанностью почитанія родителей, послѣдніе вправѣ принимать противъ дѣтей извѣстныя мѣры исправленія и наказанія. Но весьма трудно точно опредѣлить, до какихъ именно предѣловъ можетъ простираться власть родителей въ этомъ отношеніи: многое зависитъ здѣсь отъ строя семьи, общественнаго положенія родителей, состоянія нравовъ и цивилизаціи, отъ степени тяжести совершенныхъ дѣтьми поступковъ и т. п. Можно сдѣлать лишь слѣдующія общія указанія:

А) Предоставленное родителямъ право исправленія и наказанія дѣтей установлено въ интересахъ послѣднихъ. Поэтому тамъ, гдѣ наказаніе дѣтей носитъ уже характеръ не

воспитательный, а безцѣльной или, тѣмъ болѣе, безпричинной жестокости, гдѣ наказаніе сопряжено съ вредомъ для физическаго или психическаго здоровья дѣтей (напримѣръ оставленіе дѣтей на продолжительное время безъ пищи, заключеніе ихъ въ темныя помѣщенія), или гдѣ принимаемыя родителями мѣры являются безнравственными, тамъ, очевидно, родители выходятъ за предѣлы предоставленнаго имъ права и въ виду этого долженъ быть открытъ путь вмѣшательству государственной или общественной власти.

Б) Понятно также, что разсматриваемая дисциплинарная власть родителей распространяется на такіе лишь проступки дѣтей, которыми нарушается внутренній бытъ семьи или нравственный ея порядокъ. Если же дѣтьми совершаются общія преступленія, то, хотя родители не лишены, конечно, права прибѣгать въ такихъ случаяхъ къ тѣмъ или другимъ воспитательнымъ мѣрамъ исправленія, но наказаніе налагается государствомъ, которому, по общему правилу, одному принадлежитъ право наказанія ¹⁾).

В) Наконецъ надо имѣть въ виду, что въ качествѣ дисциплинарныхъ мѣръ, представляемыхъ усмотрѣнію родителей, должны быть допущены лишь такія, которыя могутъ быть осуществлены самою семейною властью. Тамъ, гдѣ нужно содѣйствіе государственной власти (наприм. заключеніе дѣтей въ общественыя тюрьмы или въ исправительныя заведенія), тамъ принятіе подобной мѣры можетъ имѣть мѣсто лишь по одобреніи ея надлежащею государственною властью, главнымъ образомъ судомъ.

Изъ дѣйствующихъ законодательствъ наиболѣе богато опредѣленіями по этому предмету французское право. Ст. 374

¹⁾ А. фонъ-Розень. О дисциплинарномъ правѣ. Журн. Гражд. и Угол. Пр. 1889, кн. 7, стр. 55—58.

гражданскаго кодекса категорически указываетъ, что ребенокъ, находящійся подъ отцовскою властью, не можетъ оставлять родительскій домъ безъ разрѣшенія отца, а слѣдовательно не можетъ безъ такого разрѣшенія ни принимать какую либо должность, ни поступать въ монастырь ¹⁾. Въ случаѣ самовольнаго ухода ребенка, его можно вернуть силою. Исключеніе установлено лишь для сына, достигшаго 20-ти лѣтняго возраста, если онъ желаетъ поступить въ военную службу. Главнѣйшая дисциплинарная мѣра, которую могутъ принять родители, — это заключеніе строптивыхъ и непослушныхъ дѣтей въ тюрьму. О другихъ мѣрахъ кодексъ почти не говоритъ. Заключеніе это можетъ продолжаться отъ 1 до 6 мѣсяцевъ, въ зависимости главнымъ образомъ отъ возраста дѣтей. Въ извѣстныхъ случаяхъ это заключеніе опредѣляется президентомъ суда по одному *требованію* родителей, безъ всякой повѣрки, на сколько требованіе это основательно; въ другихъ же случаяхъ должна быть подана жалоба на дѣтей, которая разсматривается судомъ при участіи прокурора, но при упрощенномъ судопроизводствѣ. Примѣненіе дисциплинарныхъ мѣръ принадлежитъ отцу въ большей степени, чѣмъ матери, но права каждаго изъ нихъ ограничиваются въ случаѣ вторичнаго вступленія въ бракъ. Необходимо, однакоже, имѣть въ виду, что власть родительская нѣсколько ограничивается семейнымъ совѣтомъ. Тѣмъ не менѣе большинство современныхъ французскихъ ученыхъ находятъ родительскую власть слишкомъ обширною, а судебная практика значительно суживаетъ ея объемъ.

Гражданское уложеніе, дѣйствующее въ губерніяхъ Царства Польскаго и составляющее лишь видоизмѣненіе французскаго *code civil*, повторяя въ ст. 338 постановленіе ст. 374

¹⁾ F. Laurent, н. с. т. IV, стр. 367.

этого послѣдняго о томъ, что дитя не можетъ покидать родительскій домъ безъ позволенія родителей, указываетъ за-тѣмъ, что родители, имѣющіе поводы быть недовольными поступками своихъ дѣтей, могутъ наказывать ихъ *безъ вреда ихъ здоровью и успѣхамъ въ наукахъ*. Родители, превышающіе въ этомъ отношеніи свою власть употребленіемъ мѣръ, вредныхъ здоровью ихъ дѣтей, или злоупотребляющіе своею властью, могутъ быть подвергнуты по суду внушеніямъ и лишенію родительской власти, а опека надъ дѣтьми вѣряется кому-либо другому на счетъ виновнаго отца или матери.

II.

Обширность существовавшей въ древнемъ русскомъ правѣ родительской власти видна изъ того уже, что ни законъ, ни обычай не знали никакихъ предѣловъ праву родителей исправлять своихъ дѣтей ¹⁾. Уложеніе Алексѣя Михайловича не только не даетъ дѣтямъ суда по жалобамъ ихъ на родителей, но повелѣваетъ бить ихъ кнутомъ за самое принесеніе жалобъ, а потомъ все-таки отдавать родителямъ (гл. 22, ст. 6). Кромѣ принятія противъ дѣтей тѣхъ или другихъ исправительныхъ мѣръ, родителямъ предоставлено было право приносить на дѣтей и жалобы правительству. Указанное право родителей употреблять противъ непокорныхъ дѣтей исправительныя мѣры было подтверждено законодательствомъ Петра Великаго (Воинск. Артик.) и признавалось потомъ неизмѣнно. Но на случай безуспѣшности такихъ мѣръ, родителямъ были предоставлены слѣдующія права: 1) отдавать дѣтей въ

¹⁾ К. Неволинъ, Исторія Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ, т. I. Спб. 1851, стр. 324. Д. Мейеръ, Гражд. Право, 1868 г., стр. 600.

смирительные дома и 2) приносить на них жалобы въ судахъ.

Учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г. повелѣвалось устроить такіе дома для помѣщенія въ нихъ «людей обоего пола непотребной и невоздержной жизни, каковы сыновья или дочери, которые не повинуются своимъ родителямъ или ведутъ дурную жизнь и ни къ чему доброму не склонны». Соотвѣтственно съ этимъ, какъ въ Сводѣ гражданскихъ законовъ, такъ впослѣдствіи въ Уложеніе о наказаніяхъ внесено было постановленіе о правѣ родителей, за упорное неповиновеніе имъ со стороны дѣтей, развратную жизнь и другіе явные пороки, подвергать ихъ, *безъ особаго судебнаго разсмотрѣнія*, заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ 3 до 6 мѣсяцевъ. Что же касается жалобъ родителей на дѣтей, то онѣ разсматривались до 1802 года общими судами. Но въ этомъ году было Высочайше утверждено мнѣніе Общаго Собранія Правительствующаго Сената, которое, найдя, что по «рѣдкости вышеупомянутаго толико противнаго самой природѣ преступленія (оскорбленія дѣтьми родителей), не можетъ имѣть оное инаго источника, какъ или разумъ помраченный или развращенную нравственность, полагало сужденіе преступниковъ сего рода приличнѣйшимъ въ Судахъ Совѣстныхъ, гдѣ правосудіе, соединенное съ благотворительностью, свободнѣе силу закона съ важностью случая соображать можетъ, въ облегченіе судьбы впадающихъ въ столь тяжкое преступленіе паче по припадкамъ душевнымъ, нежели по намѣреніямъ злостнымъ». При производствѣ дѣлъ въ названныхъ судахъ не требовалось никакихъ доказательствъ отъ родителей и не производилось никакого формальнаго слѣдствія.

Съ закрытіемъ смирительныхъ домовъ, заключеніе строптивыхъ дѣтей въ эти дома замѣнено тюремнымъ заключе-

ніемъ на время отъ 2-хъ до 4-хъ мѣсяцевъ, причемъ въ редакціи ст. 1592 Уложенія о Наказ. осталось прежнее выраженіе, что наказанію этому дѣти подвергаются по требованію родителей «безъ особаго судебнаго разсмотрѣнія». Въ дѣйствительности, однако-же, съ отмѣною совѣстныхъ судовъ, родители, въ случаѣ желанія воспользоваться правомъ наказывать строптивыхъ дѣтей, должны обращаться, какъ это разъяснено Угол. Кас. Деп. ¹⁾, въ суды общаго порядка, которые обязаны жалобамъ этимъ давать дальнѣйшій ходъ на законномъ основаніи, ни мало не стѣсняясь употребленнымъ въ ст. 1592 Улож. о Нак. выраженіемъ «безъ особаго судебнаго разсмотрѣнія». Еще менѣе, конечно, можетъ быть признано право за родителями на заключеніе дѣтей въ тюрьму или другія карательныя заведенія, помимо обращенія къ судебной власти. Существовавшее въ прежнемъ изданіи устава о содержащихся подъ стражею постановленіе о дѣтяхъ, поступающихъ въ смирительные дома *по требованію родителей*, нынѣ отмѣнено, вслѣдствіе чего право заключать дѣтей въ тюрьму можетъ быть осуществлено нынѣ родителями только путемъ обращенія къ судебной власти ²⁾.

Зато въ совершенной неприкосновенности осталось право родителей на употребленіе домашнихъ исправительныхъ мѣръ, причемъ въ законѣ не сдѣлано никакихъ въ этомъ отношеніи ограниченій. Если же имѣть въ виду, что по силѣ ст. 168 т. X, ч. 1, въ личныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ отъ дѣтей на родителей не приѣмлетя никакого иска, ни гражданскимъ, ни уголовнымъ порядкомъ, что преданіе родителей суду можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если они

¹⁾ Рѣшеніе Угол. Кассац. Деп. Сената 1868 г., № 555 по дѣлу Чулкова.

²⁾ Рѣшеніе Общаго Собранія Сената 1888 г., № 4.

покушаются въ отношеніи своихъ дѣтей на такія дѣянія, которыя подлежатъ наказанію уголовному по общимъ законамъ, то оказывается, что усмотрѣнію родителей отведено довольно простора для употребленія домашнихъ исправительныхъ мѣръ и что въ числѣ ихъ могутъ быть и мѣры, вредныя для физическаго или нравственнаго развитія дѣтей, и мѣры жестокия, и оскорбленія дѣйствіемъ, и легкіе побои. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что обязанность повиновенія родителямъ прекращается лишь смертью послѣднихъ и что обязанность эта лежитъ на дѣтяхъ не только малолѣтнихъ, но и совершеннолѣтнихъ. Такимъ образомъ принятіе указанныхъ выше домашнихъ мѣръ исправленія (напр. сѣченіе розгами) возможно было бы у насъ и по отношенію къ дѣтямъ взрослымъ, даже женатымъ.

Въ нашемъ гражданскомъ кодексѣ нѣтъ прямого указанія на право родителей требовать, чтобы дѣти не отлучались отъ нихъ безъ ихъ дозволенія, но такъ какъ при отсутствіи такого права невозможны были бы ни надзоръ, ни воспитаніе, то практика наша признала такое право за родителями. Въ рѣшеніи Сената 1876 года № 199 установлено, что родители вправе требовать возвращенія къ себѣ дѣтей отъ всякаго лица, удерживающаго ихъ у себя, вопреки волѣ родителей. Рѣшеніе это вполне согласно съ общимъ духомъ нашихъ законовъ и подтверждается также постановленіемъ ст. 170 Уст. о паспортахъ, въ силу коей мѣстожителство дѣтей полагается при родителяхъ.

III.

Къ числу личныхъ обязанностей, возлагаемыхъ обыкновенно закономъ на родителей, относится и представительство ихъ за несовершеннолѣтнихъ дѣтей, какъ на судѣ, такъ и внѣ суда, въ отношеніи ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ. Необходимость въ такомъ представительствѣ вытекаетъ изъ того соображенія, что дѣти, недостижшія еще физической и умственной зрѣлости и нравственной твердости, неспособны сами, какъ слѣдуетъ и безъ вреда для себя, располагать самостоятельно своею личностью и управлять своимъ имуществомъ, вслѣдствіе чего имъ необходимъ въ извѣстныхъ случаяхъ представитель, который бы вполне замѣнялъ ихъ личность, а въ другихъ — совѣтчикъ, указаніями котораго они могли бы пользоваться. Такое именно представительство лежитъ на родителяхъ, а при существованіи опеки — на опекунахъ.

Въ нашихъ гражданскихъ законахъ нѣтъ такого общаго правила, которымъ представительство за несовершеннолѣтнихъ было-бы возложено на родителей или опекуновъ; тѣмъ не менѣе такое представительство можетъ быть выведено изъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ обязанностей, возлагаемыхъ законами на тѣхъ и другихъ. Такъ, въ случаѣ личной обиды, несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ нанесенной, родители имѣютъ право вступаться за нихъ и производить искъ законнымъ порядкомъ (т. X, ч. 1 ст. 175). Тоже самое право или вѣрнѣе обязанность также самая лежитъ и на опекунѣ (ст. 265). Имущественными дѣлами дѣтей до совершеннолѣтія ихъ управляютъ

родители на правѣ опекунскомъ (ст. 180), а это управленіе выражается между прочимъ въ томъ, что по денежнымъ претензіямъ малолѣтняго опекунъ чинить въ надлежащій срокъ взысканіе съ должниковъ, а въ случаѣ неплатежа, употребляетъ постановленныя въ законахъ мѣры (ст. 274), и что опекунъ обязанъ имѣть ходатайство по всемъ тяжбымъ дѣламъ малолѣтняго, подавать за него, куда слѣдуетъ и въ сроки, законами опредѣленные, просьбы и апелляціи и вообще избирать способы, которые могли-бы доставить ему спокойное владѣніе его имуществомъ (ст. 282).

Тоже самое имѣетъ мѣсто въ дѣлахъ о причиненіи дѣтямъ тѣлесныхъ поврежденій, оскорбленій дѣйствіемъ или словомъ, гдѣ возбужденіе преслѣдованія начинается какъ по жалобѣ потерпѣвшаго, такъ и по жалобѣ его родителей или опекуновъ.

Хотя во всехъ приведенныхъ статьяхъ говорится, главнымъ образомъ, о судебномъ представительствѣ, несомнѣнно, однако же, что такое-же представительство лежитъ на родителяхъ и вѣ суда, въ случаяхъ заключенія отъ имени малолѣтняго договора, принятія или исполненія его имущественныхъ обязательствъ и т. п. Во всемъ этомъ родители или опекуны, будучи представителями несовершеннолѣтняго, замѣняютъ его личность и устраняютъ его дѣятельность.

Исключеніе изъ этого правила составляютъ нѣкоторыя сдѣлки личнаго найма. Хотя по общему правилу (т. X, ч. 1 ст. 2202) несовершеннолѣтнія дѣти не могутъ наниматься безъ позволенія родителей или опекуновъ, но для найма несовершеннолѣтнихъ на фабрики, заводы и мануфактуры законъ не требуетъ особаго дозволенія родителей или опекуновъ, если только несовершеннолѣтній имѣетъ отдѣльный видъ на жительство (ст. 95 т. XI, ч. 2 изд. 1887 г.). Тоже самое повторено

въ положеніи о наймѣ на сельскія работы (ст. 10 т. XII, ч. 2 изд. 1886 г.). Въ послѣднемъ случаѣ законъ допускаетъ возможность нанимать, безъ дозволенія родителей или опекуновъ, такихъ несовершеннолѣтнихъ, которые и не имѣютъ отдѣльныхъ видовъ на жительство, прибавляя, однако-же, что наниматель обязанъ отпустить нанявшагося немедленно по заявленному о томъ требованію родителей или опекуна (тамъ же, ст. 11).

Воспрещая несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ наниматься, въ указанныхъ случаяхъ, безъ дозволенія родителей, законъ нашъ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ въ виду ограждать дѣтей отъ возможной ихъ эксплуатаціи со стороны самихъ родителей, и по этому воспрещаетъ и послѣднимъ отдавать своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей на работы, безъ ихъ собственнаго на то согласія (т. X, ч. 1, ст. 2203).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Обязанность почитанія родителей. Согласіе на бракъ дѣтей.

I.

Забота родителей о дѣтяхъ, доставленіе имъ пропитанія, одежды, образованія, уходъ за ними во время ихъ болѣзни и т. д. вызываетъ естественно въ дѣтяхъ по отношенію къ родителямъ чувства любви и уваженія. Чувства эти крѣпнущъ, когда ребенокъ видитъ, что всѣ окружающіе въ семьѣ относятся къ родителямъ съ уваженіемъ, когда онъ, знакомясь съ религіею, узнаетъ, что и Богъ велитъ почитать родителей и повиноваться имъ, когда онъ опытомъ убѣждается, что неповиновеніе родителямъ, пренебреженіе ихъ совѣтами и наставленіями всегда влечетъ за собою непріятныя или невыгодныя послѣдствія. Процессъ зарожденія въ дѣтскихъ душахъ любви и уваженія къ родителямъ, процессъ, въ которомъ немалую роль играетъ и вложенный природою инстинктъ, самъ по себѣ невидимъ, но результатъ его—уваженіе къ родителямъ—явленіе столь обычное, что слова нашего закона: *«дѣти должны оказывать родителямъ чистосердечное почтеніе, послушаніе, покорность и любовь»*—можно было-бы замѣнить словами: *«дѣти оказываютъ родителямъ и т. д.»*

Съ другой стороны, несомнѣнно, что мы встрѣчаемся иногда съ противоположными явленіями, что бываютъ случаи, когда по тѣмъ или другимъ причинамъ (большею частью по винѣ самихъ родителей, не давшихъ дѣтямъ надлежащаго воспитанія и не сѹмѣвшихъ внушить къ себѣ уваженіе) дѣти не чувствуютъ къ родителямъ должнаго уваженія или почитанія. Само собою разумѣется, что помочь этому законъ безсиленъ. Можно, конечно, поручать, какъ это дѣлаетъ нашъ законъ (ст. 122 Уст. о пред. и прес. прест.), полиціи *«имѣть попеченіе, чтобы молодые и младшіе почитали старшихъ и старшихъ и чтобы дѣти повиновались родителямъ»*, но было-бы слишкомъ наивно вѣрить въ спасительное дѣйствіе этого попеченія или полагаться на любовь, поставленную подъ надзоръ полиціи. Ни законъ, ни судъ не могутъ создать того цемента, который скрѣпляются естественныя отношенія между родителями и дѣтьми, и подобно тому, какъ судъ безсиленъ присудить семьѣ миръ и счастье ¹⁾, онъ не властенъ внушить дѣтямъ почтеніе и уваженіе къ родителямъ.

Хотя, такимъ образомъ, постановленіе о томъ, что дѣти должны оказывать родителямъ почтеніе, послушаніе и любовь и что личность родителей для нихъ священна, встрѣчающаеся во всѣхъ почти европейскихъ кодексахъ, и представляется съ перваго взгляда нравственнымъ афоризмомъ, тѣмъ не менѣе оно не чуждо и нѣкоторыхъ юридическо-практическихъ послѣдствій.

Въ римскомъ правѣ послѣдствія эти сказывались въ томъ, что сынъ не могъ безъ согласія претора вызывать отца въ судъ и что дѣти лишены были права на нѣкоторые искъ противъ родителей, а именно на уголовные искъ вообще и

¹⁾ А. Боровиковскій, н. с. т. II стр. 214.

на тѣ гражданскіе, которые влекутъ для отвѣтчика безчестіе (infamia).

Современное западноевропейское право также знает нѣкоторыя ограниченія дѣтей въ правѣ ихъ искать противъ родителей. Такъ напр. дѣти не могутъ просить о личномъ задержаніи родителей, при объявленіи ихъ несостоятельными, не могутъ требовать отъ нихъ отчетности въ доходахъ, полученныхъ отъ управленія ихъ имуществомъ, во время ихъ малолѣтства и т. п.

По нашему праву отъ дѣтей не пріемлется никакихъ исковъ на родителей ни гражданскимъ, ни уголовнымъ порядкомъ въ личныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ (т. X, ч. 1 ст. 168).

Другимъ весьма важнымъ послѣдствіемъ существованія особыхъ личныхъ отношеній между родителями и дѣтьми является устраненіе дѣтей отъ свидѣтельства противъ родителей. Соображенія ¹⁾, которыми руководился законодатель при установленіи этого ограниченія, заключаются въ томъ, что въ большей части случаевъ дѣтямъ не чуждо понятіе о безотчетной любви къ родителямъ и слѣдовательно, если они знаютъ, что родители ихъ неправы, то никакого сомнѣнія быть не можетъ въ томъ, что обязанность ихъ дать гласно на судѣ показаніе противъ родителей ставить ихъ въ положеніе борьбы между совѣстью, внушающею имъ говорить правду, и привязанностью къ родителямъ, дѣлающею для нихъ страшную тягостю всякое показаніе ко вреду родителей. Вслѣдствіе этого показаніе дѣтей по дѣлу родителей не имѣетъ главнаго юридическаго основанія—достоверности: показаніе ихъ въ пользу родителей оставляетъ въ судѣ сомнѣніе, не объясняется-ли таковое по-

¹⁾ Объяснительная записка къ уставу гражд. судопр. 1863 г. ч. I стр. 254—258.

казаніе безочетною любовью къ родителям; показаніе ихъ противъ родителей возбуждаетъ предположеніе о какой-либо семейной враждѣ и гибельныхъ ея послѣдствіяхъ, и вслѣдствіе этого показаніе, можетъ быть и справедливое, утрачиваетъ въ глазахъ судьи всякую достовѣрность.

По этимъ соображеніямъ дѣти безусловно устраниются отъ показаній противъ родителей (ст. 371 уст. гр. суд.). Этимъ же соображеніемъ надо объяснить и законъ, воспреещающій присяжнымъ повѣреннымъ дѣйствовать въ судѣ въ качествѣ повѣренныхъ противъ своихъ родителей и дѣтей (ст. 401 Учр. Суд. Уст.).

Родители же не безусловно устранены отъ показаній въ дѣлахъ, гдѣ заинтересованы ихъ дѣти: они могутъ быть допрашиваемы, если сами не отказываются отъ дачи показаній и если не отводятся по заявленіямъ противной стороны (ст. 370 и 373 Уст. Гр. Суд.).

Въ дѣлахъ уголовныхъ родителямъ и дѣтямъ предоставлено право устранивать себя отъ свидѣтельства за или противъ друга друга, но если они не желаютъ пользоваться этимъ правомъ, то допрашиваются безъ присяги (ст. 705 Уст. Угол. Суд.).

II.

Важнѣйшимъ послѣдствіемъ обязанности дѣтей оказывать своимъ родителямъ почтеніе является необходимость испрашивать дозволеніе родителей на вступленіе въ бракъ. Современное воззрѣніе на бракъ, какъ на добровольный, по взаимному согласію брачующихся, заключаемый союзъ, не всегда, какъ мы видѣли, признавалось и было время, когда о взаимномъ со-

гласіи вступающихъ въ бракъ вовсе не заботились ¹⁾). Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы случаи заключенія браковъ, вынужденныхъ родителями, были очень рѣдки и въ наши дни. Но если законодательства всѣхъ цивилизованныхъ народовъ представляютъ первымъ условіемъ для заключенія брачнаго союза взаимное согласіе брачующихся, если общественное мнѣніе осуждаетъ браки, заключаемые по воздѣйствію родителей, то во всякомъ случаѣ тѣ же законодательства и то же общественное мнѣніе требуютъ, чтобы вступленіе дѣтей въ бракъ происходило съ согласія родителей, по крайней мѣрѣ, до достиженія дѣтьми извѣстнаго возраста. Основанія для такого требованія заключаются частью въ томъ, что совершеніе акта, отъ котораго иногда зависитъ свобода и вся будущность дѣтей, не можетъ быть предоставлено самостоятельному усмотрѣнію несовершеннолѣтняго или вообще молодого человѣка, недостаточно сознающаго важность событія, а главнымъ образомъ въ томъ уваженіи, которымъ дѣти обязаны своимъ родителямъ и которое не допускаетъ совершенія дѣтьми такого важнаго шага безъ согласія и благословенія родителей. «Ты не долженъ вѣнчаться безъ вѣдома и противъ воли твоихъ родителей, — пишетъ Лютеръ, — ибо они заслуживаютъ, чтобы къ нимъ обращались за разрѣшеніемъ на вступленіе въ бракъ. Тѣ, которые не дѣлаютъ этого, поступаютъ не только дурно, но и глупо. Несчастный бракъ—великое зло, которое можно предотвратить, во время посовѣтовавшись со своими родителями».

Этою доктриною проникнуто не только протестантское каноническое

¹⁾ По законодательству индусовъ браки въ нормальномъ порядкѣ заключаются родителями безъ участія брачующихся. Законы Ману идутъ еще далѣе въ этомъ отношеніи, порицая браки, заключаемые по взаимному согласію, такъ какъ въ нихъ усматривается чувственное влеченіе и необдуманность (И. Г. Оршанскій, н. с. стр. 41).

ническое право, но и законодательства католическихъ странъ. Въ Австріи согласіе отца на бракъ требуется только до достиженія брачующимися совершеннолѣтія. Но если бракъ заключенъ и безъ согласія родителей, онъ самъ по себѣ не признается ничтожнымъ, но родителямъ предоставляется право оспаривать его дѣйствительность. Искъ объ этомъ долженъ быть заявленъ до прекращенія родительской власти. Въ Пруссіи такое же право отца ограничено 6-ти мѣсячнымъ срокомъ со дня совершенія брака.

Весьма строгими представляются по этому предмету постановленія французскаго гражданскаго кодекса. По французскому праву сынъ до достиженія 25-ти лѣтняго возраста и дочь до достиженія 21-го года не могутъ вступать въ бракъ безъ согласія обоихъ родителей. Если мнѣнія родителей расходятся, тогда достаточно согласія одного отца (С.с. art. 148). Въ случаѣ смерти одного изъ родителей, его отсутствія или вообще невозможности получить его согласіе, можно довольствоваться согласіемъ того изъ родителей, который имѣется на лицо (ст. 149). Если оба родителя умерли или отсутствуютъ, нужно согласіе другихъ восходящихъ родственниковъ (art. 150). Но и по достиженіи названнаго возраста дѣти не освобождаются отъ обязанности довести извѣстнымъ торжественнымъ способомъ до свѣдѣнія указанныхъ лицъ о своемъ намѣреніи вступить въ бракъ и выслушать ихъ совѣтъ, который, однакоже, въ такомъ случаѣ для нихъ не обязательенъ. Исключеніе не сдѣлано и для незаконныхъ дѣтей, которыя въ случаѣ признанія ихъ, должны получить согласіе родителей, а въ противномъ случаѣ должна быть учреждена спеціально на этотъ предметъ опека. Французское право весьма строго охраняетъ требованіе согласія родителей на вступленіе дѣтей въ бракъ: бракъ, заключенный безъ согласія родителей тамъ,

гдѣ оно по закону необходимо, можетъ быть признанъ недѣйствительнымъ, а должностныя лица, допустившія заключеніе его, не удостовѣрившись предварительно въ полученномъ согласіи, подвергаются довольно значительному наказанію.

Положеніе о брачномъ союзѣ, дѣйствующее въ губерніяхъ Царства Польскаго, отступаетъ отъ указанныхъ началъ французскаго права, устанавливая, что дозволеніе на бракъ нужно лишь отъ отца, и только въ случаяхъ, если отецъ умеръ, или состоитъ подъ прещеніемъ, или находится въ безвѣстномъ отсутствіи, — согласіе отца замѣняется согласіемъ матери; когда же и ея нѣтъ, то согласіе дается опекуномъ или опекунскимъ начальствомъ (ст. 15 и 16). Необходимость испрашивать согласія кончается съ достиженіемъ общаго совершеннолѣтія, т. е. 21 года. Смягчена также, въ сравненіи съ французскимъ правомъ, и санкція, въ случаѣ неисполненія указанныхъ предписаній закона: законъ разрѣшаетъ родителямъ уменьшить до половины законную часть наслѣдства, слѣдующую непочтительному ребенку, но самый бракъ остается въ силѣ (ст. 19, тамъ-же).

III.

Исторія нашего права свидѣтельствуетъ, что заключеніе браковъ насильственныхъ, вынужденныхъ родителями, было у насъ весьма частымъ явленіемъ. Законодатели издавали различныя постановленія, угрожали родителямъ наказаніями за такое злоупотребленіе властью, но все это оказывало очень мало дѣйствія. Уже Церковный Уставъ Ярослава подвергаетъ родителей ответственности, если сынъ или дочь сдѣлаютъ надъ собою что-нибудь, не желая вступать въ бракъ по требова-

нію родителей ¹⁾). Тѣмъ не менѣ Петру приходится бороться съ этимъ же зломъ и въ 1724 году, заявляя о продолжающихся насильственныхъ бракахъ, онъ требуетъ передъ вѣнчаніемъ брать съ родителей присягу, что они не принуждаютъ дѣтей. По дѣйствующему закону припужденіе дѣтей къ браку составляетъ уголовное преступленіе, наказуемое тюремнымъ заключеніемъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ (ст. 1586 улож. о наказ.).

Въ отношеніи необходимости испрашивать согласія родителей на бракъ дѣтей дѣйствующее русское право идетъ еще далѣе французскаго, воспрещая вступать въ бракъ безъ дозволенія родителей, безразлично, въ какомъ-бы возрастѣ ни были дѣти и какое бы положеніе они не занимали (т. X, ч. I, ст. 6). Отъ обязанности испрашивать согласія родителей не освобождены и такія дѣти, которыя уже состояли прежде въ бракѣ. Законъ не опредѣляетъ при этомъ, какъ быть въ случаѣ разногласія родителей. Надо думать, что по общему началу, признаваемому всѣми законодательствами, и въ этомъ вопросѣ голосъ отца имѣетъ преимущество предъ голосомъ матери.

Но установивъ безусловную обязанность дѣтей испрашивать дозволенія родителей на вступленіе въ бракъ, законодательство наше не поражаетъ, однакоже, недействительностью такіе браки, которые заключены безъ такого согласія. Статья 37 т. X, ч. I, согласно со ст. 217 Устава Духовныхъ Консисторій, перечисляя браки, которые, по выраженію закона, «не признаются законными и дѣйствительными», не относитъ къ нимъ брака, заключеннаго безъ согласія родителей. Законодательство принимаетъ лишь извѣстныя мѣры къ тому, чтобы такіе браки не могли имѣть мѣсто или являлись

¹⁾ С. Шпилевскій, н. с. стр. 176.

по крайней мѣрѣ рѣдкими исключеніями. Въ этихъ видахъ ст. 18 инструкціи благочиннымъ воспрещаетъ священникамъ вѣнчать безъ согласія родителей ¹⁾.

Точно также и ст. 1566 Уложенія о наказ. подвергаетъ виновныхъ во вступленіи въ бракъ безъ дозволенія родителей извѣстнымъ наказаніямъ, но самаго брака не объявляетъ ничтожнымъ. Наказаніе, установленное приведенною статьею «за вступленіе въ бракъ, явно или тайно, противъ рѣшительнаго запрещенія родителей, или безъ испрошенія согласія ихъ», тождественно съ наказаніемъ, положеннымъ за похищеніе незамужней женщины, учиненное съ согласія самой похищенной, а именно заключеніе въ тюрьмѣ или монастырѣ на время отъ 4 до 8 мѣсяцевъ или же уединенная жизнь въ домѣ родителей подъ ихъ строгимъ приемотромъ и кромѣ того лишеніе виновнаго права наследовать въ имѣніи оскорбленнаго родителя (ст. 1566 и 1549 Улож. о нак.). Возбужденіе самаго преслѣдованія въ уголовномъ порядкѣ обусловливается жалобою родителей, которымъ предоставлено право прощать виновныхъ дѣтей и возстановлять вполнѣ или частью утраченныя ими права на законное послѣ нихъ наследованіе ²⁾.

Законъ не даетъ указаній, чѣмъ можетъ быть замѣнено согласіе родителей, если послѣдніе препятствуютъ браку. Исключеніе составляютъ Черниговская и Полтавская губерніи, въ коихъ, если отецъ или мать, имѣя въ своемъ опекунскомъ управленіи имѣніе, принадлежащее совершеннолѣтней дочери,

¹⁾ Инструкція эта, впрочемъ, говоритъ лишь о дѣтяхъ, „не достигшихъ *известнаго* возраста,“ не опредѣляя, однакоже, какого именно (И. Г. Оршанскій. Исслѣдованія по русскому праву обычному и брачному. Спб. 1879 г. стр. 249—250).

²⁾ Рѣшеніе Угол. Кассац. Деп. Сената 1875 г. № 457 по дѣлу Карповича.

будеть препятствовать выходу ея въ замужество, то ей предоставляется объявить о томъ въ судѣ и съ его разрѣшенія вступить въ бракъ (т. X, ч. I ст. 7). Тоже самое право принадлежит дочери и въ томъ случаѣ, если она состоитъ подъ особою опекою при жизни матери, и если опекунъ, желая удержать имѣніе въ своемъ управленіи, не даетъ согласія на ея бракъ (ст. 264 тамъ-же).

Довольно подробныя правила о согласіи родителей на бракъ дѣтей установлены для лютеранъ въ Уставѣ Евангелическо-лютеранской церкви (т. XI, ч. I, Уставы духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій). Безусловно требуется согласіе родителей до достиженія дѣтми совершеннолѣтія, при чемъ при жизни обоихъ родителей достаточно согласіе отца. По достиженіи дѣтми совершеннолѣтія они уже не обязаны болѣе просить согласія родителей на вступленіе въ бракъ, но послѣдніе могутъ объявленіемъ въ присутственномъ мѣстѣ запретить сыну или дочери бракъ по одной изъ 8-ми указанныхъ въ законѣ причинъ (ст. 201—203) ¹⁾.

¹⁾ Причины эти слѣдующія: 1) если то лицо, съ коимъ ихъ сынъ или дочь желаютъ вступить въ бракъ, приговорено къ позорному наказанію или къ лишенію чести; 2) если доказано, что сіе лицо предано пьянству, распутству, безумной расточительности или инымъ грубымъ порокамъ; 3) если оно одержимо заразительною или паучею болѣзнью; 4) если оно своихъ родителей или прародителей или же родителей или прародителей другой стороны, грубо и съ намѣреніемъ оскорбило и не получило прощенія; 5) если дѣти, не испрашивая или не получивъ дозволенія на бракъ, дали тайное рѣшительное въ томъ обѣщаніе или же похищеніемъ и иными не позволенными средствами старались вынудить сіе дозволеніе; 6) если другая сторона была уже разведена и въ разводномъ приговорѣ признана виновною; 7) *если въ летахъ, воспитаніи и образованіи сторонъ слишкомъ большое неравенство* и 8) если другая сторона исповѣдуетъ не христіанскую религію (ст. 203).

По народнымъ возрѣніямъ, выразившимся въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, хотя преобладающая роль въ устройствѣ браковъ принадлежитъ родителямъ, но главнымъ образомъ лишь въ смыслѣ инициативы и установленія условій относительно приданого и проч. Но волостной судъ не охотно подвергаетъ наказанію дѣтей, вступившихъ въ бракъ безъ согласія родителей и, наоборотъ, штрафуетъ родителей за устрaиваніе браковъ безъ вѣдома и согласія брачующихся ¹⁾).

¹⁾ Труды, т. III, 85, т. IV, 381.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Опека и попечительство родителей.

Неспособность дѣтей до извѣстнаго возраста самимъ охранять свои права и интересы и заботиться о своемъ образованіи и своемъ имуществѣ вызываетъ необходимость въ защитѣ ихъ со стороны другихъ лицъ. При жизни родителей эта защита лежитъ на нихъ, послѣ ихъ смерти является необходимость въ замѣнѣ ихъ другимъ лицомъ. Замѣна эта выражается въ учрежденіи опеки, составляющей такимъ образомъ какъ-бы искусственную родительскую власть, на которую возлагаются тѣ же обязанности, которыя лежатъ на родителяхъ, т. е. забота о личности малолѣтняго и его имуществѣ. Поэтому, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такъ или иначе проявляется родительская власть, ея мѣсто, въ случаѣ отсутствія ея, заступаетъ опекунъ. Идетъ-ли рѣчь объ обязанности давать дѣтямъ надлежащее образованіе и воспитаніе, о необходимости для дѣтей испрашивать согласія на бракъ, о правѣ возбуждать уголовныя преслѣдованія за обиды, причиненныя несовершеннолѣтнимъ, объ отвѣтственности за вредъ и убытки, происшедшіе отъ недостаточности надзора за малолѣтними и т. п., — вездѣ на ряду съ родительскою властью законъ называетъ и опеку. При всемъ томъ существуетъ извѣстное различіе въ отношеніяхъ между дѣтьми и родителями и дѣтьми и опекунами.

Различіе это вытекаетъ изъ того обстоятельства, что родители и дѣти связаны между собою кровнымъ родствомъ и особою нравственною близостью, которыя не предполагаются въ отношеніяхъ опекуна съ лицомъ, находящимся подъ опекою. Естественно поэтому, что законъ не можетъ требовать отъ дѣтей такой любви и почтенія къ опекунамъ, которая лежитъ на нихъ въ отношеніи родителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ давать и опекунамъ такой власти въ отношеніи исправленія непослушныхъ и неповинующихся дѣтей, какая представлена родителямъ. Указать въ подробности, въ какихъ предѣлахъ власть опекунская надъ личностью дѣтей отступаетъ отъ власти родительской, представляется чрезвычайно труднымъ, но нужно лишь имѣть въ виду, что опекунская власть установлена *исключительно* въ интересахъ дѣтей, а потому никакихъ самостоятельныхъ правъ у опекуна быть не можетъ, и всѣ его права допустимы лишь на столько, на сколько это нужно въ названныхъ интересахъ. Съ другой стороны, надо имѣть въ виду, что опекунская обязанность разсматривается какъ публичная повинность, съ которою для опекуна не должны быть связаны какія-либо имущественныя жертвы. Вотъ почему лежащая на родителяхъ обязанность содержанія своихъ дѣтей по ихъ состоянію, къ опекунамъ не относится и послѣдніе обязаны лишь какъ слѣдуетъ управлять имуществомъ малолѣтняго, не отвѣчая своимъ собственнымъ въ случаѣ, если имущества недостаточно для надлежащаго содержанія дѣтей.

Изъ изложеннаго ясно, что при жизни родителей нѣтъ, въ сущности говоря, поводовъ къ учрежденію опеки. Тѣ обязанности, которыя возлагаются закономъ на опекуновъ по воспитанію и образованію малолѣтнихъ, по надзору за ними, по представительству ихъ интересовъ на судѣ и внѣ суда и т. п. — исполняются родителями какъ въ силу принадлежащей имъ ро-

дательской власти, такъ и вслѣдствіе естественной ихъ любви къ дѣтямъ. Если родителей называютъ естественными опекунами своихъ дѣтей, то этимъ указывается, во 1-хъ, лишь на то, что власть родительская въ существѣ своемъ должна быть построена на принципѣ опекуномъ и что родителямъ надлежитъ разсматривать свою власть и свои права, какъ данныя имъ въ интересахъ заботы и охраны дѣтей, и во 2-хъ, что родители, исполняя лежащія на нихъ въ отношеніи дѣтей обязанности, не должны нуждаться въ утвержденіи ихъ въ качествѣ опекуновъ, такъ какъ уже по природѣ своей являются такими.

Тѣмъ не менѣе, однако же, смертью родителей не исчерпываются случаи учрежденія опеки, и послѣдняя нерѣдко имѣетъ мѣсто при жизни обоихъ родителей или одного изъ нихъ. Основанія для такого учрежденія опеки при жизни родителей кроются въ указанной выше цѣли опеки: охранѣ личныхъ и имущественныхъ правъ дѣтей. Поэтому, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда родители признаются неспособными выполнить какъ слѣдуетъ эту задачу, — ихъ замѣняетъ или къ нимъ приходитъ на помощь опека. Такая необходимость возникаетъ при лишеніи или ограниченіи родительской власти, при фактической невозможности для родителей осуществлять заботы о дѣтяхъ вслѣдствіе долговременнаго отсутствія, поступленія въ монастырь или болѣзни, при столкновеніи ихъ правъ съ правами дѣтей, нравственной негодности родителей и т. п.

Но независимо отъ этихъ случаевъ, въ которыхъ опека при жизни обоихъ родителей или одного изъ нихъ, возлагается на постороннее лицо — опекуна, законодательства знаютъ такой случай, когда сами родители являются опекунами въ чистомъ такъ сказать видѣ, охраняя интересы малолѣтнихъ дѣтей своихъ не въ силу родительской своей власти, а на та-

кихъ же основаніяхъ, какъ постороннія лица. Это имѣть мѣсто тогда, когда несовершеннолѣтнему, состоящему подъ родительскою властью, достается какое-либо имущество (по наследству, дару или завѣщанію). При существующей у насъ полной раздѣльности имуществъ родителей и дѣтей, по отношенію къ такимъ доставшимся несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ имуществамъ, которыя постунаютъ обыкновенно въ завѣдываніе родителей, они являются въ качествѣ опекуновъ и подобно послѣднимъ подлежатъ ревизіи, представляютъ отчеты и т. п.

Разсмотрѣніе вопроса объ опекахъ и опекунскихъ установленіяхъ, объ условіяхъ ихъ дѣятельности и т. п. не входитъ въ нашу задачу. Здѣсь мы остановимся на законодательствѣ объ опекахъ лишь на столько, на сколько оно касается правъ и обязанностей родителей.

Большинство иностранныхъ законодательствъ предоставляютъ родительскую опеку отцу, и только въ случаѣ смерти отца, опека можетъ быть ввѣрена матери. Нашему праву это начало преимущественной власти отца также извѣстно, хотя оно проводится не повсюду. Такъ, родительская власть принадлежитъ у насъ родителямъ безраздѣльно въ личныхъ отношеніяхъ къ дѣтямъ и представительствѣ за нихъ. По крайней мѣрѣ въ главѣ о власти родительской вездѣ говорится о «родителяхъ», безъ указанія какого либо различія въ правахъ отца и матери. Тоже самое повторяется и при опредѣленіи родительской власти по имуществу. «Во время несовершеннолѣтія дѣтей, указано въ ст. 180 т. X. ч. 1, родители управляютъ имуществомъ, собственно дѣтямъ принадлежащимъ, на правѣ опекуномъ, по правиламъ, въ слѣдующемъ раздѣлѣ постановленнымъ». Но въ этомъ слѣдующемъ раздѣлѣ уже дѣлается различіе между правами отца и матери, такъ какъ «опека надъ имуществомъ, дошедшимъ въ собственность ма-

долѣтнимъ дѣтямъ, при жизни ихъ родителей, принадлежить *отцу* (ст. 226), а слѣдовательно мать призывается къ управленію этимъ имуществомъ лишь тогда, когда отца нѣтъ въ живыхъ или же онъ устраненъ почему-либо отъ опеки.

Управляя имуществомъ несовершеннолѣтнихъ на правѣ опекунскомъ, родители подчиняются у насъ всеѣмъ правиламъ, установленнымъ въ законѣ для дѣятельности опекуновъ. Они должны быть утверждены въ своемъ званіи опекунскими учрежденіями, должны испрашивать разрѣшенія на продажу, залогъ и закладъ имѣнія несовершеннолѣтнихъ, должны представлять ежегодные отчеты, подлежатъ ревизіи опекунскихъ учрежденій, отвѣчаютъ передъ дѣтьми за убытки, причиненные имуществу послѣднихъ ихъ нерадѣніемъ, упущеніемъ или даже просто несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, а также получаютъ за труды свои изъ доходовъ малолѣтняго пять процентовъ ежегодно ¹⁾. Западно-европейское право не сравниваетъ и въ этомъ случаѣ вполне родителей съ посторонними опекунами. Оно освобождаетъ обыкновенно родителей отъ обязанности отчитываться въ полученныхъ доходахъ и произведенныхъ расходахъ, находя, что такой отчетъ частью несовмѣстимъ съ достоинствомъ родительской власти, а частью излишенъ, такъ какъ родители въ громадномъ большинствѣ случаевъ не только не берутъ дѣтскаго имущества, но сами жертвуютъ своимъ, стараясь своими сбереженіями обезпечить по возможности участь дѣтей. Если въ рѣдкихъ случаяхъ такой учетъ и сберегъ бы дѣтямъ часть ихъ доходовъ, то полученная матеріальная выгода ничтожна сравнительно съ тѣмъ нравственнымъ вредомъ, который могутъ принести подчиненіе родителей учету въ повседневныхъ издержкахъ на дѣтей и возможность взысканія

¹⁾ Т. X, ч. I ст. 251, 284, 288, 290, 291 и 294.

дѣтьми съ родителей по расчетамъ въ доходахъ и расходахъ ¹⁾). За то большинство иностранныхъ законодательствъ не признаютъ за родителями права на получение процентнаго вознагражденія за управленіе имуществомъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей, считая, что родители и безъ того, въ силу своихъ отношеній къ дѣтямъ, обязаны заботиться объ ихъ имуществѣ. У насъ, какъ указано, принципъ раздѣльности имуществъ родителей и дѣтей, проведенъ необыкновенно строго и родители вполне сравнены въ управленіи имуществомъ дѣтей съ посторонними опекунами.

Если родители при жизни своей устраняютъ надобность въ учрежденіи особой опеки надъ ихъ дѣтьми, то они въ тоже время являются наиболѣе заинтересованными въ выборѣ на случай ихъ смерти опекуна, который призванъ будетъ какъ бы продолжать и замѣнять ихъ родительскую власть, послѣ ихъ смерти. Естественно поэтому, что по общему началу, принятому всеми западноевропейскими законодательствами, назначеніе къ дѣтямъ опекуна на случай смерти родителей ближайшимъ образомъ должно быть представлено самимъ родителями. Только при отсутствіи такого распоряженія родителей или невозможности по какимъ-либо основательнымъ причинамъ выполнить желаніе родителей, назначеніе опекуна можетъ быть предоставлено опекунской власти.

Указанное здѣсь примѣнимо и къ нашему праву. На основаніи 227 статьи т. X, ч. 1, родители имѣютъ право назначить въ духовномъ завѣщаніи къ остающимся послѣ ихъ смерти малолѣтнимъ дѣтямъ и ихъ имуществу опекуновъ по своему собственному избранію. Если они объ этомъ не позаботились, то послѣ смерти одного родителя опека принадлежитъ другому,

¹⁾ Проектъ Устава объ опекѣ и попеч. изд. Редакц. Комисіи по составл. гражд. улож. стр. 87.

если онъ отъ опеки не отказывается. При наличности же причинъ, устраняющихъ остающагося родителя отъ опеки, или при отказѣ его отъ принятія на себя этой обязанности, или наконецъ, по смерти обоихъ родителей, опекуны избираются и назначаются правительствомъ (ст. 229 — 231). Причины, лишающія остающагося въ живыхъ родителя права на опеку надъ несовершеннолѣтними своими дѣтьми, несмотря даже на назначеніе его опекуномъ въ завѣщаніи умершаго родителя, тѣ же, которыя вообще устраняютъ возможность исправленія опекунскихъ обязанностей и всякимъ другимъ постороннимъ лицомъ. Такъ какъ задача опекуновъ по отношенію къ личности опекаемыхъ сводится къ тому, чтобы дать несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ надлежащее по ихъ положенію и состоянію воспитаніе, внушить имъ правила религіи и нравственности, приготовить ихъ къ жизни, а по отношенію къ ихъ имуществу, чтобы управлять имъ наилучшимъ образомъ, сберегая и приумножая достояніе малолѣтнихъ, то поэтому не могутъ быть опекунами: 1) расточившіе собственное или родительское имѣніе, 2) имѣющіе явные и гласные пороки, или же лишеныя всѣхъ или нѣкоторыхъ правъ, 3) извѣстные своими суровыми поступками, 4) имѣвшіе ссору съ родителями малолѣтняго (этотъ пунктъ къ родителямъ малолѣтняго, очевидно, не имѣетъ примѣненія) и 5) несостоятельные.

Предусматривая, такимъ образомъ, случаи, когда не только постороннія лица, но и остающійся въ живыхъ родитель, лишаются права исправлять обязанности опекуновъ, законы наши не даютъ никакихъ указаній относительно возможности учрежденія опеки для огражденія личности дѣтей въ случаяхъ злоупотребленія родителями ихъ властью, пренебреженія воспитаніемъ дѣтей, поощренія ихъ на путь безнравственности и порока, а равно въ случаяхъ столкновенія правъ родителей и дѣтей

или необходимости вступить между собою въ сдѣлки по имуществу. Иностранныя законодательства и законы, дѣйствующіе на нашихъ окраинахъ, устраняютъ при такихъ условіяхъ родительскую власть и учреждаютъ при жизни родителей опеку, которой передаютъ все права и на которую возлагаютъ все обязанности родителей.

Законы, дѣйствующіе въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, отступаютъ нѣсколько отъ изложенныхъ здѣсь правилъ объ опекѣ. Такъ, кромѣ указанныхъ выше лицъ, лишенныхъ права исправлять обязанности опекуновъ, въ этихъ губерніяхъ не могутъ быть назначены опекунами: 1) не состоящіе въ російскомъ подданствѣ и 2) не имѣющіе собственнаго имущества, достаточнаго къ обезпеченію опеки (ст. 258). Последнее условіе не обязательно, однакоже, въ примѣненіи къ опекунамъ, избраннымъ родителями въ своихъ завѣщаніяхъ. Право назначенія такихъ опекуновъ принадлежитъ отцу. При отсутствіи завѣщательнаго назначенія, опека надъ малолѣтними дѣтьми принадлежитъ оставшемуся въ живыхъ родителю, мать же исправляетъ ее вмѣстѣ съ назначенными отъ дворянской опеки или сиротскаго суда старшими родственниками малолѣтнихъ, преимущественно съ отцовской стороны, а за неимѣніемъ ихъ и посторонними лицами. Въ отношеніи правъ родителей опекуновъ на имущество несовершеннолѣтнихъ дѣтей законы названныхъ губерній представляютъ слѣдующія особенности. Принадлежащее малолѣтнему имуществу, какимъ-бы способомъ и отъ кого оно къ нему ни перешло, отецъ удерживаетъ въ своемъ управленіи до совершеннолѣтія сыновей и до выхода въ замужество дочерей; управляя имѣніемъ на правѣ опекуномъ, отецъ не даетъ отчета въ вырученныхъ доходахъ; за труды по управленію имуществомъ отецъ не получаетъ опредѣленнаго законами другимъ опекунамъ вознагражденія. Въ

такомъ же положеніи находится и мать, если ей, по завѣщанію отца, принадлежит опека и если она при этомъ пользуется правомъ пожизненнаго владѣнія въ имуществѣ малолѣтняго; въ противномъ же случаѣ она сравнивается по своимъ правамъ съ посторонними опекунами (ст. 295).

Что касается попечительства, то въ этомъ отношеніи положеніе родителей ничѣмъ не отличается отъ положенія постороннихъ лицъ: подобно послѣднимъ, они играютъ исключительно отрицательную роль въ имущественныхъ вопросахъ, и, не имѣя права на какое-либо самостоятельное распоряженіе по имуществу несовершеннолѣтняго, они могутъ лишь выражать или же не выражать своего согласія на сдѣлки и распоряженія, предпринимаемыя самими несовершеннолѣтними.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Имущественныя отношенія родителей и дѣтей.

I

Имущественныя отношенія между родителями и дѣтьми опредѣляются законодательствами различно. По общему началу право дѣтей на имущество родителей открывается только въ наслѣдствѣ, по смерти родителей безъ завѣщанія. Пока родители живы, дѣти не вправѣ ни распоряжаться ихъ имуществомъ, ни требовать себѣ выдѣла какой либо части послѣдняго. Таково положеніе этого вопроса и у насъ. Хотя нашъ законъ различаетъ дѣтей *отдѣленныхъ* и *неотдѣленныхъ*, но въ смыслѣ права дѣтей распоряжаться имуществомъ родителей это различіе не играетъ роли, такъ какъ ни тѣ, ни другія не могутъ распоряжаться родительскимъ имуществомъ (ст. 183 и 191 т. X, ч. 1) безъ ихъ согласія.

Нѣкоторымъ иностраннымъ законодательствамъ извѣстны, однакоже, такіе случаи, когда дѣти при жизни родителей вправѣ требовать себѣ выдѣла извѣстной части изъ имущества послѣднихъ. Такое право принадлежитъ именно дѣтямъ по прусскому законодательству послѣ смерти одного изъ родителей и вступленія другого во второй бракъ, а по австрійскому праву—по случаю вступленія въ бракъ сына или внука. Другія законодательства, подобно нашему, такого

права дѣтей на имущество родителей при жизни ихъ не знаютъ. Нашъ законъ обязываетъ лишь родителей давать несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ пропитаніе и одежду. Хотя обязанность эта помѣщена у насъ въ томъ отдѣлѣ гражданскихъ законовъ, въ которомъ трактуется о *власти* родительской въ *личныхъ* отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе по содержанию своему она несомнѣнно является обязанностью имущественною и неисполненіе ея, вопреки мнѣнію г. Побѣдоносцева¹⁾, можетъ влечь за собою вмѣшательство судебной власти, въ случаѣ предъявленія напр. опекуномъ несовершеннолѣтняго иска къ отцу или къ матери. Поэтому нужно признать правильнымъ постановленіе тѣхъ законодательствъ (напр. саксонскаго, калифорнскаго), которыя, не возлагая вообще на родителей отвѣтственности за долги дѣтей, исключаютъ лишь тотъ случай, когда третье лицо добросовѣстно снабдило дѣтей предметами первой необходимости, другими словами, выполнило за родителей обязанность послѣднихъ давать дѣтямъ пропитаніе и одежду.

Не будучи такимъ образомъ обязаны выдѣлять что нибудь дѣтямъ при жизни своей, родители могутъ, однакоже, это сдѣлать, и нерѣдко въ дѣйствительности дѣлаютъ, по случаю достиженія сыномъ совершеннолѣтія или выхода дочери въ замужество. Отсюда и получается различіе между дѣтьми отдѣленными и неотдѣленными. Если выдѣляемая въ указанныхъ случаяхъ дѣтямъ часть имущества составляетъ все, на что дѣти вправѣ были бы претендовать послѣ смерти родителей въ видѣ наслѣдства, и дѣти считаютъ себя въ этомъ смыслѣ удовлетворенными, тогда мы имѣемъ понятіе *выдѣла* въ техническомъ смыслѣ. Если рѣчь идетъ при этомъ о дочери и выдѣлъ производится по случаю выхода ея замужъ,

¹⁾ Курсъ, т. II, стр. 177.

то выдѣляемая часть называется *приданнымъ*. Коль скоро выдѣль произведенъ, выдѣленное имущество поступаетъ въ полную собственность и свободное распоряженіе того, кому оно выдѣлено. Выдѣленнымъ родителями имуществомъ дѣти распоряжаются такъ же самостоятельно, не испрашивая согласія или дозволенія родителей, какъ и тѣмъ имуществомъ, которое доходить къ нимъ отъ другихъ лицъ. Съ другой стороны, родители, выдѣливши извѣстное имущество дѣтямъ, не имѣютъ уже на это имущество никакого права и за убытки, причиненные этому имуществу, отвѣчаютъ наравнѣ съ лицомъ постороннимъ (ст. 193).

Если, такимъ образомъ, дѣти по общему началу не вправѣ ни пользоваться, ни распоряжаться имуществомъ родителей при жизни послѣднихъ, то далеко нельзя сказать того же про родителей въ отношеніи имущества дѣтей. Права родителей на имущество дѣтей ведутъ свое происхожденіе отъ римскаго права и наиболѣе широко поставлены въ законодательствахъ римско-германскаго типа. Первоначально въ римскомъ правѣ не могло быть вовсе и рѣчи объ отдѣльномъ имуществѣ дѣтей. Все, что дѣтьми наживалось и приобрѣталось, принадлежало главѣ семейства, такъ какъ дѣти, подобно рабамъ, рассматривались лишь какъ его орудія приобрѣтенія. Съ теченіемъ времени, однако же, потребности жизни создали институтъ такого имущества, которое отдавалось отцомъ въ безсрочное управленіе своему сыну, съ правомъ послѣдняго на извѣстныя самостоятельныя распоряженія по отношенію къ этому имуществу. Тѣмъ не менѣе не только въ этомъ имуществѣ, но и въ приобрѣтенномъ дѣтьми на службѣ военной или гражданской (*peculium castrense* и *quasi castrense*) или полученномъ, помимо отца, отъ матери или посторонняго лица (*bona materna*, *bona adventitia*) отецъ имѣлъ право пожизненнаго пользованія и управленія.

Приблизительно въ такомъ видѣ сохранились права родителей на имущество дѣтей въ Западной Европѣ. Такъ, прусское право и проектъ обще-германскаго гражданскаго уложенія, предоставляютъ родителямъ пользоваться доходами съ имущества дѣтей до совершеннолѣтія ихъ (имуществомъ дочерей—до выхода ихъ замужъ), но исключаютъ изъ такого пользованія имущество, приобретенное дѣтьми внѣ дома трудомъ, промысломъ или службою, и имущество, полученное дѣтьми въ даръ или по завѣщанію, съ прямымъ указаніемъ на то, чтобы родители имъ не пользовались. Французское право исключаетъ изъ пользованія имущество, нажитое дѣтьми собственнымъ трудомъ или же полученное въ даръ на указанномъ выше условіи, но вообще пользованіе родителей продолжается только до 18-ти лѣтняго возраста дѣтей. Точно также даютъ родителямъ право пользованія дѣтскимъ имуществомъ законы губерній Остзейскихъ, Царства Польскаго, Черниговской и Полтавской.

При обширности власти, принадлежащей по нашему праву родителямъ надъ дѣтьми въ личныхъ отношеніяхъ, слѣдовало бы ожидать, что пользованіе дѣтскимъ имуществомъ предоставлено родителямъ и у насъ. На самомъ же дѣлѣ это не такъ, и право пользоваться имуществомъ дѣтей родителямъ не принадлежитъ. Единственное право, какое имѣютъ родители надъ имуществомъ дѣтей во время ихъ несовершеннолѣтія, заключается лишь въ правѣ на *управленіе*, вытекающемъ изъ преимущественнаго права на опеку. Но очевидно, что право управленія имуществомъ на началахъ опекунскихъ есть уже по существу своему обязанность, а не право. Въ особенности это дѣлается яснымъ, если принять во вниманіе, что опека учреждается вообще въ интересѣ опекаемаго, что родители становятся здѣсь на одинаковыхъ основаніяхъ съ посторонними лицами и, подобно послѣднимъ, обязаны отчетностью

передъ опеками (ст. 294, т. X, ч. 1) и что, тратя доходы съ имущества дѣтей на ихъ содержаніе и воспитаніе, родители не имѣютъ у насъ и того права на излишекъ въ этихъ доходахъ, который предоставленъ имъ, напр., по австрійскому закону. Правда, что родители могутъ у насъ отказаться отъ опекунскаго управленія, но если они не отказываются, то имѣютъ исключительно опекунскія права и качество родителей не прибавляетъ ничего къ этимъ правамъ,

Единственная имущественная повинность, которую законъ возлагаетъ у насъ на дѣтей въ отношеніи родителей, заключается въ обязанности дѣтей давать своимъ родителямъ, находящимся въ бѣдности, дряхлости или немощахъ, средства на пропитаніе и содержаніе по самую ихъ смерть (ст. 194 т. X, ч. 1). Гражданскій законъ не указываетъ при этомъ, чѣмъ опредѣляется размѣръ пособія, которое дѣти обязаны давать своимъ родителямъ, но очевидно, что размѣръ этотъ зависитъ прежде всего отъ средствъ, которыми располагаютъ дѣти, а затѣмъ уже отъ степени нужды родителей. Обязанность дѣтей доставлять содержаніе и пропитаніе нуждающимся родителямъ не обуславливается ни особыми какими либо имущественными между родителями и дѣтьми отношеніями, ни тѣмъ обстоятельствомъ, что родители въ свое время тратились на содержаніе и воспитаніе дѣтей. Поэтому не лишены права требовать отъ дѣтей содержанія и пропитанія также такіе родители, которые въ свое время не тратили своихъ средствъ на содержаніе и воспитаніе дѣтей, потому-ли, что не имѣли средствъ, потому-ли, что дѣти воспитывались и содержались на чужіи средства, потому-ли даже, что родители преступно пренебрегали своею обязанностью. Разсматриваемая обязанность дѣтей вытекаетъ изъ особыхъ личныхъ отношеній между родителями и дѣтьми и коренится въ нравственномъ чувствѣ долга, связы-

вающемъ ихъ между собой, почему и не переходитъ напр. на наследниковъ дѣтей ¹⁾).

Но это право родителей требовать себѣ отъ дѣтей пропитанія и содержанія, которое прекращается въ случаѣ естественной смерти ребенка, не утрачивается, согласно нашей судебной практикѣ, если смерть лица, обязаннаго содержать своихъ родителей, послѣдовала по винѣ посторонняго лица. Въ этомъ случаѣ лежавшая прежде на самомъ потерпѣвшемъ обязанность содержать своихъ родителей, переносится на того, кто былъ причиною смерти обязаннаго лица ²⁾).

Обязанность дѣтей доставлять содержаніе нуждающимся родителямъ не только подлежитъ понудительному исполненію въ гражданскомъ порядкѣ, но охраняется также и уголовною санкцію. За отказъ въ доставленіи нуждающимся родителямъ необходимыхъ для жизни пособій ст. 143 Устава о наказ. подвергаетъ дѣтей, имѣющихъ достаточныя къ тому средства, аресту до 3-хъ мѣсяцевъ и сверхъ того дѣти обязываются къ производству родителямъ соразмѣрнаго съ ихъ средствами пособия уже въ качествѣ гражданского послѣдствія уголовного преступленія ³⁾).

II.

Отвѣтственность одного лица — личная или имущественная, за дѣйствія или упущенія другаго представляется несовмѣсти-

1) Рѣшеніе Гр. Кас. Деп. Сената 1871 г. № 995.

2) Рѣшеніе Гражд. Кас. Деп. Сената 1887 г., № 103.

3) Уголовный Кассационный Департаментъ Сената въ рѣшеніи за 1874 г. № 286, по дѣлу Шпилева ошибочно считаетъ, будто обязанность дѣтей давать родителямъ пособіе, какъ послѣдствіе уголовного правонарушенія, не можетъ быть разсма-
траваемо въ судѣ гражданскомъ. Сенатъ забываетъ при этомъ о ст. 194 т. X, ч. 1.

мою съ современнымъ правосознаніемъ; она противорѣчить принципу индивидуальности наказанія и отвѣтственности и противна элементарнымъ началамъ справедливости. Если современное право знаетъ нѣкоторые случаи отвѣтственности кого-либо не за собственные дѣйствія, то это объясняется или тѣмъ, что такого рода отвѣтственность принята добровольно (напр. поручительство за долгъ другаго, отвѣтственность наследника за долги наследодателя), или же тѣмъ, что въ неправильныхъ дѣйствіяхъ одного лица заключается, въ сущности говоря, вина другаго (напр. отвѣтственность хозяина за слугъ). Къ послѣднему роду случаевъ относится и отвѣтственность родителей за дѣтей.

Исторія взаимныхъ отношеній родителей и дѣтей убѣждаетъ насъ, что вопросъ объ отвѣтственности однихъ за другихъ переживалъ различные моменты и подвергался различнымъ измѣненіямъ. Въ римскомъ правѣ, въ эпоху господства неограниченной отцовской власти, неуплата долга отцомъ влекла за собою обращеніе въ рабство и его дѣтей. Рядомъ съ этимъ, въ случаѣ, если кто либо изъ подчиненныхъ отцовской власти причинилъ какой либо вредъ постороннему лицу, отцу принадлежалъ выборъ—или уплатить причиненный вредъ и убытки, или выдать головою виновника. Отвѣтственность отца въ этомъ случаѣ вызывалась, однако-же, не признаніемъ виновности его въ причиненныхъ убыткахъ, а господствовавшимъ взглядомъ на дѣтей, какъ на собственность отца. Позднѣе отецъ отвѣчалъ за обязательства, заключенныя дѣтми, но при извѣстныхъ условіяхъ: именно, если подвластный дѣйствовалъ по приказанію или съ согласія своего отца, или если имущество, прибрѣтенное посредствомъ обязательства, обратилось въ пользу отца, или же если обязательство, заключенное подвластнымъ, относилось къ имуществу, которое

отецъ ввѣрилъ его управленію. Эти начала перешли при посредствѣ Кормчихъ книгъ къ намъ въ Россію и оказали свое вліяніе на выработку у насъ законодательства о взаимной отвѣтственности родителей и дѣтей ¹⁾).

Въ древнемъ нашемъ правѣ несомнѣнно можно видѣть слѣды даже личной отвѣтственности дѣтей за преступленія родителей. По Русской Правдѣ вмѣстѣ съ виновнымъ въ государственномъ преступленіи были ссылаемы въ заточеніе и дѣти его; тоже самое мы видимъ и въ договорахъ съ нѣмецкими городами. Но въ позднѣйшихъ узаконеніяхъ, гдѣ говорится о взысканіи съ виновныхъ или должниковъ, не встрѣчается указаній, чтобы дѣти отвѣчали за преступленія и долги своихъ родителей, а въ Соборномъ Уложеніи 1649 года уже опредѣленно выражено правило, что у дѣтей измѣнника, не знавшихъ объ измѣнѣ, не слѣдуетъ отбирать отдѣльное ихъ имущество и что дѣти не отвѣчаютъ за долги своихъ родителей, точно такъ же, какъ и родители освобождены отъ отвѣтственности за преступленія и долги своихъ дѣтей. Тѣ же самыя правила были неоднократно повторяемы и послѣ Уложенія, и установили такимъ образомъ то начало, что въ имущественномъ отношеніи родители и дѣти представляются самостоятельными единицами и что по заемнымъ письмамъ и другимъ долговымъ актамъ родители не отвѣчаютъ, если сіи письма и акты были даны безъ ихъ согласія и уполномочія.

По дѣйствующему праву не можетъ быть, конечно, и рѣчи о какой-либо уголовной отвѣтственности родителей за преступленія дѣтей, или дѣтей за преступленія родителей. Если дѣти сосланныхъ въ Сибирь на поселеніе, не достигшія извѣстнаго возраста, должны слѣдовать за родителями въ мѣсто ихъ ссылки, то это является лишь выраженіемъ нерасторжимости родитель-

¹⁾ К. Неволинъ—назв. соч., стр. 340.

ской власти и не может быть разсматриваемо, какъ наказаніе дѣтей. Точно также нѣтъ рѣчи о какой-либо отвѣтственности дѣтей за долги родителей при ихъ жизни: отвѣтственность эта можетъ имѣть мѣсто лишь послѣ смерти родителей, въ случаѣ вступленія ихъ дѣтей въ наслѣдство, оставшееся послѣ нихъ. Что же касается имущественной отвѣтственности родителей за дѣтей, то здѣсь необходимо различать отвѣтственность по обязательствамъ, выданнымъ дѣтьми, и отвѣтственность за вредъ и убытки, причиненные ихъ неправильными или преступными дѣйствіями. По общему началу за долги дѣтей по всякимъ письмамъ и актамъ родители при жизни своей не отвѣчаютъ (ст. 188). Они отвѣчаютъ за нихъ только въ томъ случаѣ, если эти обязательства выданы неотдѣленными дѣтьми съ ихъ письменнаго согласія и полномочія и въ размѣрѣ выраженнаго согласія (ст. 184—187). На другомъ совершенно принципѣ построена отвѣтственность родителей за вредъ и убытки, причиненные малолѣтними дѣтьми. Законъ исходитъ изъ того положенія, что малолѣтній не имѣетъ надлежащаго понятія не только о своихъ правахъ и обязанностяхъ, но и о свойствѣ совершаемыхъ имъ дѣяній. Въ виду этого онъ и возлагаетъ надзоръ за малолѣтнимъ на его родителей, а при отсутствіи послѣднихъ—на опекуна. Поэтому, если малолѣтній причинилъ кому либо вредъ или убытокъ вслѣдствіе того, что родители не исполняли, какъ слѣдуетъ, возложенной на нихъ обязанности надзора, то виновными въ причиненныхъ убыткахъ и вредѣ должны быть признаны они, а не дѣти, а потому и отвѣтственность за этотъ вредъ или убытокъ должна пасть на ихъ собственное имущество. Для того, чтобы родители отвѣчали своимъ имуществомъ за вредъ, причиненный дѣтьми, нужно, такимъ образомъ, установить ихъ вину. Но такъ какъ постороннія лица лишены почти

возможности доказать вину родителей въ недостаточности надзора за малолѣтними, то нѣкоторыя законодательства (французское, италіанское) устанавливаютъ презумпцію такой виновности, возлагая на родителей обязанность опровергать эту презумпцію и доказывать, что они приняли все мѣры предосторожности къ предупрежденію несчастія. Другія законодательства—какъ австрійское, проектъ германскаго уложенія и частью нашъ десятый томъ не знаютъ такого предположенія виновности родителей, а потому примѣняютъ при установленіи вины общую систему доказательствъ. Такъ, по нашему праву (ст. 653 и 686) родители платятъ вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные малолѣтнимъ изъ своего имущества, хотя бы за симъ малолѣтнимъ и числилось собственное имѣніе,—въ томъ случаѣ, если будетъ признано по окончательному судебному приговору, что они, имѣя все средства предупредить причиненіе вреда, не приняли надлежащихъ къ тому мѣръ и допустили совершеніе онаго по явной съ ихъ стороны небрежности. Въ противномъ же случаѣ, то есть, когда родители докажутъ, что не имѣли никакихъ средствъ къ предупрежденію дѣянія малолѣтняго, они освобождаются отъ отвѣтственности, которая въ такомъ случаѣ падаетъ на собственное имѣніе малолѣтняго.

Слѣдуетъ еще упомянуть о томъ, что торговое право знаетъ отвѣтственность дѣтей за долги несостоятельныхъ родителей, ограниченную, однако же, тѣмъ имуществомъ, которое перешло къ нимъ отъ родителей въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ до ихъ несостоятельности, если этотъ переходъ былъ безмезднымъ ¹⁾.

1) Ст. 553 и 554 Устава Судопр. Торг., т. XI, ч. 2, изд. 1887 г.

III.

Близостью родителей къ дѣтямъ и нравственной связью, ихъ соединяющею, объясняется установленный закономъ порядокъ наслѣдованія. По естественному началу, въ случаѣ смерти кого-либо безъ завѣщательныхъ распоряженій, наслѣдство идетъ въ семью, т. е. къ тѣмъ родственникамъ умершаго, которые ближе всѣхъ были ему по крови, а слѣдовательно, предполагается, и по нравственной связи. При господствѣ патриархальнаго строя, когда родство опредѣлялось по матери и когда ближайшими родственниками считались братья матери, наслѣдство, какъ мы видѣли, переходило не къ роднымъ дѣтямъ умершаго, а къ дѣтямъ его сестры, т. е. его племянникамъ. Съ возникновеніемъ патриархальнаго строя, этотъ порядокъ наслѣдованія измѣняется, и ближайшими родственниками, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ближайшими наслѣдниками, исключаящими всѣхъ другихъ родственниковъ умершаго, являются его дѣти. Этотъ порядокъ наслѣдованія существуетъ, одинаково во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ, съ нѣкоторыми лишь отличіями въ частностяхъ, напримѣръ, въ вопросахъ о наслѣдованіи сыновей и дочерей, отдѣленныхъ и неотдѣленныхъ дѣтей, законныхъ и незаконныхъ, о наслѣдованіи въ имуществахъ движимыхъ или недвижимыхъ, родовыхъ или благопріобрѣтенныхъ, о допущеніи въ большей или меньшей степени права представленія и т. п.

По дѣйствующему русскому законодательству ближайшее право наслѣдованія, послѣ отца или матери, принадлежитъ законнымъ ихъ дѣтямъ мужскаго пола (ст. 1127 т. X, ч. 1).

Дочери получают лишь указную часть, а именно по $\frac{1}{14}$ части въ недвижимомъ имѣніи и по $\frac{1}{8}$ въ движимомъ. За выдѣломъ дочерей, а равно и указной части оставшемуся въ живыхъ супругу, дѣти мужскаго пола дѣлятъ между собою наслѣдство по равнымъ частямъ, при чемъ въ случаѣ смерти сына его замѣняютъ, по праву представленія, внуки, правнуки и т. д. Если бы при выдачѣ указныхъ частей дочерямъ и дѣленіи потомъ остатка между сыновьями, дочери должны были получить болѣе сыновей, то выдѣла дочерямъ не производится, а все наслѣдство дѣлится поровну между всеми дѣтьми умершаго. Наравнѣ съ законными дѣтьми наслѣдуютъ и такія дѣти, которыя сопричтены къ законнымъ, по особымъ Высочайшимъ указамъ, если они введены во все права, по роду и наслѣдству, законнымъ дѣтямъ принадлежащія (т. же ст. 1119), а равно и дѣти, узаконенныя послѣдующимъ бракомъ ихъ родителей (ст. 144¹). Усыновленные дѣти, хотя и вступаютъ по отношенію къ своимъ усыновителямъ во все права и обязанности законныхъ дѣтей, въ томъ числѣ и въ право наслѣдованія, однакоже, не вполне сравнены съ законными: они пользуются правомъ наслѣдованія лишь въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ усыновителя, и притомъ, въ случаѣ отсутствія у усыновителя родныхъ сыновей, дѣлятся наслѣдствомъ съ дочерьми усыновителя поровну (156¹).¹⁾ Но за то они не лишены права на наслѣдованіе по закону и послѣ своихъ естественныхъ родителей (ст. 156⁷).

Въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской дочери тоже не наслѣдуютъ при сыновьяхъ въ имѣніи отца, но вмѣсто

¹⁾ Здѣсь закономъ имѣется въ виду, очевидно, тотъ случай, когда послѣ усыновленія у усыновителя рождаются дочери, такъ какъ усыновленіе возможно по закону лишь при бездѣтности усыновителя (ст. 145).

указной части надѣляются приданнымъ изъ четвертой части оставшагося послѣ отца имѣнія (ст. 1005 п. 2 и 1133).

Обратнаго порядка наслѣдованія родителями своимъ дѣтямъ наше право, въ противоположность нѣкоторымъ западно-европейскимъ законодательствамъ, не знаетъ. Статья 1141 т. X ч. I категорически указываетъ, что родители не наслѣдуютъ послѣ дѣтей ихъ въ приобрѣтенномъ ими послѣдними имуществомъ. Въ случаѣ смерти дѣтей бездѣтными, имущество ихъ переходитъ къ боковымъ родственникамъ, родителямъ же предоставляется лишь право пожизненнаго владѣнія таковыми. Исключеніе составляетъ лишь то имущество или тѣ денежные капиталы, которые дошли къ дѣтямъ отъ родителей при жизни ихъ въ видѣ дара. Такое имущество возвращается дарителю. Въ такомъ же совершенно видѣ опредѣлены права усыновителя въ отношеніи благоприобрѣтеннаго имущества бездѣтно умершаго усыновленнаго (ст. 156⁵). Отдѣльно стоятъ законы губерній Черниговской и Полтавской, по которымъ родители наслѣдуютъ въ благоприобрѣтенномъ имуществѣ дѣтей своихъ въ случаѣ, когда сынъ или дочь умрутъ бездѣтными и не оставятъ по себѣ ни родныхъ, ни единокровныхъ, ни единокровныхъ братьевъ или сестеръ или ихъ нисходящихъ (ст. 1143).

IV.

Такимъ образомъ по естественному порядку наслѣдство, въ случаѣ отсутствія завѣщательныхъ распоряженій, переходитъ къ ближайшимъ наслѣдникамъ умершаго и прежде всего къ его дѣтямъ. Переходъ этотъ оправдывается тою нравственною близостью, которая существуетъ между родителями и дѣтьми. Спрашивается, могутъ-ли родители пренебречь указаннымъ

чувствомъ близости и лишить своихъ дѣтей или одного изъ нихъ права наслѣдства? Вопросъ о правѣ и о предѣлахъ власти собственника распорядиться путемъ завѣщанія принадлежащимъ ему имуществомъ въ ущербъ законнымъ дѣтямъ, не имѣеть еще за собою до сихъ поръ *communis opinio doctorum* и различно разрѣшается законодательствами. Большинство склоняется къ тому убѣжденію, что закономъ должна быть опредѣлена извѣстная обязательная наслѣдственная доля, которой родители не могутъ лишать своихъ дѣтей (*Pflichtteil, droit de reserve*). Правда, нѣтъ сомнѣнія, что въ большинствѣ случаевъ по крайней мѣрѣ родители лучше всякаго законодателя знаютъ, какъ имъ надлежитъ распорядиться своимъ имуществомъ для блага своихъ дѣтей, и вмѣшательство законодателя можетъ оказаться не только не полезнымъ, но прямо вреднымъ. Бываютъ случаи, когда родители имѣютъ уважительныя причины быть недовольными своими дѣтьми, а въ особенности къ-мъ-либо однимъ изъ дѣтей и когда лишеніе ихъ права надѣлять того или другаго своего ребенка большею долей наслѣдственнаго имущества было-бы и несправедливо по отношенію къ родителямъ и вредно для достоинства родительской власти. Тѣмъ не менѣе указанныя соображенія не оправдываютъ безусловной свободы въ распоряженіи наслѣдственнымъ имуществомъ и права совершеннаго лишенія кого-либо изъ дѣтей участія въ наслѣдованіи¹⁾. Родителямъ должна быть предоставлена извѣстная свобода завѣщанія своего имущества, но часть этого послѣдняго должна быть изъята изъ этой свободы и лишеніе ея законныхъ дѣтей должно имѣть мѣсто лишь за какія-либо преступленія и не иначе, какъ по распоряженію судебной власти. Распоряженіе родителями этою обязательною долей наслѣдства не въ пользу дѣтей должно

¹⁾ А. К. Рихтеръ. О необходимомъ наслѣдованіи. Спб. 1896 г.
Родители и дѣти.

быть признано незаконнымъ и недѣйствительнымъ. «Когда воля завѣщателя, замѣчаетъ французскій писатель Beauteups-Beaupré, противна справедливости и здравому смыслу, когда вмѣсто того, чтобы приводить въ исполненіе одно изъ прекраснѣйшихъ правъ природы — завѣщать свое имущество своимъ дѣтямъ, онъ нарушаетъ это право, когда эту волю внушило чувство несправедливости и безпорядка, тогда законъ только освобождаетъ волю завѣщателя отъ вредныхъ страстей, онъ не уничтожаетъ, а только ограничиваетъ право завѣщателя» ¹⁾).

«Развѣ люди, — говорить по этому же предмету Эспинэ въ своемъ изслѣдованіи «La liberté de tester et la copropriété familiale», — всегда дѣйствуютъ разумно, справедливо и согласно здравому смыслу? Развѣ завѣщатели лучше прочихъ людей защищены отъ вліянія страсти? Развѣ цѣлый рядъ завѣщаній не является дѣломъ самаго простаго каприза? Стоитъ посмотрѣть на сборники рѣшеній, чтобы убѣдиться, какъ опасна возможность завѣщать. Одинъ лишаетъ наслѣдства своихъ дѣтей, чтобы обогатить вторую жену, съумѣвшую забрать его въ руки; другой оставитъ свое состояніе слугамъ, которые умѣли ему угодить или, еще лучше, женщинѣ зазорнаго поведенія, ставшей любовницею у его очага, — и все это будетъ дѣлаться во вредъ дѣтей. А то наслѣдодатель чувствуетъ отвращеніе къ одному изъ своихъ дѣтей, потому ли, что онъ менѣе одаренъ, чѣмъ его братья, или просто по капризу. Часто случается, что болѣе достойный нравится меньше, чѣмъ другой, болѣе остроумный и любезный. Забываютъ моряковъ, военныхъ, живущихъ, по обязанностямъ ихъ тяжелой службы, вдали отъ престарѣлыхъ родителей, и предпочитаютъ лѣнтяя, котораго съумѣетъ напомнить о себѣ...»

¹⁾ Любавскій, н. с. т. III стр. 26.

Въ приведеннымъ соображеніямъ нельзя не прибавить еще одного: во многихъ случаяхъ дѣти участвуютъ вмѣстѣ съ родителями въ созданіи общаго благосостоянія семьи, а слѣдовательно лишеніе ихъ всякаго права на наслѣдованіе является прямымъ нарушеніемъ ихъ правъ и явную несправедливостью.

Что касается положительныхъ законодательствъ, то въ римскомъ правѣ, въ эпоху господства законовъ XII таблицъ, не могло быть, конечно, и рѣчи о какихъ либо ограниченіяхъ завѣщательныхъ распоряженій. Въ числѣ наиболѣе безспорныхъ и отличительныхъ правъ римскаго гражданина полагалось право дѣлать завѣщанія о своемъ имуществѣ по своему свободному усмотрѣнію. *Pater familias uti legassit ita jus esto*— такъ гласитъ законъ. Но жизнь взяла свое и указанное неограниченное право завѣщанія со временемъ сократилось и сѣзусилось. Закономъ Фальцидія воспрещено было завѣщать постороннимъ лицамъ болѣе $\frac{3}{4}$ оставляемаго наслѣдодателемъ имущества; одна четвертая часть (такъ называемая *quarta Falcidia*) должна была непременно оставаться въ пользу законныхъ его дѣтей. Впослѣдствіи въ 115 новеллѣ Юстиніана (541 г.) эта законная доля была увеличена до $\frac{1}{3}$, въ случаѣ, если оставалось четверо дѣтей и до $\frac{1}{2}$, если ихъ было больше. Въ этомъ послѣднемъ размѣрѣ обязательная доля извѣстна теперь почти всѣмъ западно-европейскимъ законодательствамъ, за исключеніемъ Англій, гдѣ относительно движимости существуетъ свобода завѣщательныхъ распоряженій.

Нашему праву институтъ обязательной доли, въ томъ видѣ, какъ онъ выработанъ въ другихъ законодательствахъ, совершенно неизвѣстенъ. У насъ владѣлецъ благопріобрѣтеннаго имущества можетъ располагать имъ *свободно и не ограниченно*, онъ можетъ дарить и завѣщать его по собственному

произволу (ст. 1011 и примѣч.) и дѣти ничего этому произволу не могутъ противопоставить. Нельзя не пожалѣть объ этомъ недостаткѣ нашихъ законовъ. Благодаря ему у насъ весьма нерѣдки случаи, когда законныя дѣти богатыхъ родителей оказываются послѣ смерти послѣднихъ буквально выброшенными на улицу и лишенными всякихъ средствъ къ существованію, а все имущество наслѣдодателя переходитъ къ постороннему лицу, съумѣвшему путемъ происковъ и интригъ воздѣйствовать на слабую предсмертную волю завѣщателя и устранивъ отъ наслѣдства законныхъ наслѣдниковъ. Нерѣдки у насъ и такіе случаи, когда несправедливымъ раздѣломъ имущества искусственно создается и поддерживается вражда между дѣтьми, изъ коихъ одни получаютъ львинныя доли, а другія жалкія крохи, а нерѣдко и совершенно лишаются права наслѣдства. Оттого такъ часты у насъ и споры о недѣйствительности духовныхъ завѣщаній на томъ основаніи, будто завѣщатель въ моментъ составленія его страдалъ разстройствомъ умственныхъ способностей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ умственныя способности его были совершенно нормальны, но онъ увлекался лишь временнымъ, быть можетъ, и справедливымъ гнѣвомъ противъ кого-либо изъ своихъ законныхъ наслѣдниковъ или чьими либе интригами и, поощряемый предоставленнымъ ему закономъ неограниченнымъ произволомъ, распорядился своимъ имуществомъ явно несправедливо. Введеніе обязательной наслѣдственной доли несомнѣнно упорядочило бы и личныя и имущественныя отношенія между родителями и дѣтьми и устранило бы много темныхъ сторонъ нашей семейной жизни. Введеніе этого начала тѣмъ болѣе возможно, что по отношенію къ одному виду имущества, а именно къ родовымъ имѣніямъ, законъ не только не задумывается ограничить свободу завѣщательныхъ распоряженій, но совершенно ее уни-

чтожасеть, устанавливая въ статьѣ 1068 т. X, ч. 1 правило о томъ, что родовыя имѣнія не подлежатъ завѣщанію, и допуская изытіе лишь для лицъ, не имѣющихъ ни дѣтей, ни иныхъ по прямой линіи отъ него нисходящихъ.

Народное правосознаніе стоитъ въ этомъ отношеніи выше оффиціального законодательства. По свидѣтельству изслѣдователей нашего обычнаго права ¹⁾, крестьяне думаютъ, что завѣщать имущество помимо законныхъ наслѣдниковъ, нельзя: «этой неправды міръ допустить не можетъ». Въ соотвѣтствіи съ этимъ началомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не принимаются къ явкѣ и исполненію завѣщанія въ пользу одного наслѣдника изъ многихъ.

1) И. Г. Оршанскій, назв. сочин. стр. 149.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Родители и дѣти въ уголовномъ правѣ.

I.

Особыя отношенія кровнаго родства и нравственной связи между родителями и дѣтьми оказываютъ свое вліяніе и въ вопросѣ объ уголовномъ наказаніи въ тѣхъ случаяхъ, когда субъектомъ и объектомъ преступленія являются родители и дѣти. Вліяніе это проявляется троякимъ образомъ. Во-первыхъ, существуетъ извѣстная группа преступленій, которыя непосредственнымъ своимъ содержаніемъ имѣютъ нарушеніе нормъ гражданского и публичнаго права, ограждающихъ взаимныя отношенія родителей и дѣтей. Во-вторыхъ, общія преступленія караются особенно усиленнымъ образомъ, когда виновниками и жертвами являются родители и дѣти, или же, наоборотъ, разсматриваются, какъ преступленія болѣе привилегированныя. Въ третьихъ, наконецъ, извѣстныя дѣянія становятся преступленіями и влекутъ за собою преслѣдованіе и наказаніе лишь по желанію пострадавшихъ, если таковыми являются родители или дѣти.

Объемъ первой группы преступленій и проступковъ находится въ прямой зависимости отъ тѣхъ обязанностей, которыя возложены закономъ на родителей и дѣтей въ отношеніи другъ друга и нарушеніе которыхъ вызываетъ карательную дѣятель-

ность государства. Такъ какъ главная обязанность родителей сводится къ содержанію и надлежащему образованію и воспитанію своихъ дѣтей, то и преступленія родителей по отношенію къ дѣтямъ заключаются почти исключительно въ неисполненіи ими этой именно обязанности. Относительно нашего права приходится и здѣсь повторить, что обязанность родителей содержать своихъ дѣтей, не огражденная никакими постановленіями гражданскаго права, не влечетъ за собою, въ случаѣ нарушенія ея, и какой-либо уголовной отвѣтственности родителей. Установленное въ уголовныхъ законахъ (ст. 1513, 1514 и 1515 Улож. о наказ. и 144 ст. Уст. о наказ.) наказаніе родителей за подкинутіе или оставленіе ребенка имѣетъ въ виду не нарушеніе правъ семейственныхъ, а общее преступленіе, — именно оставленіе челоуѣка въ опасности и неподаніе помощи погибающему. Такимъ образомъ по нашему праву преступленія родителей въ отношеніи дѣтей касаются лишь области религіознаго и нравственнаго воспитанія, а также надзора.

Такъ, ст. 190 Улож. о наказ. подвергаетъ родителей, обязанныхъ воспитывать дѣтей своихъ въ православной вѣрѣ, если они будутъ крестить ихъ или приводить къ прочимъ таинствамъ и воспитывать по обрядамъ другаго христіанскаго исповѣданія, — тюремному заключенію на время отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ и отобранію отъ нихъ дѣтей для передачи на воспитаніе родственникамъ или опекунамъ православнаго исповѣданія. Родители подвергаются извѣстному наказанію, а именно аресту до 3 мѣсяцевъ, и въ томъ случаѣ, если они знаютъ, что дѣти ихъ намѣрены отступить отъ православнаго вѣроисповѣданія и не будутъ стараться отклонить ихъ отъ сего намѣренія и не примутъ никакихъ зависящихъ отъ нихъ по закону мѣръ для воспрепятствованія

нія исполненію означеннаго отступленія (ст. 192 Улож.). За неприведеніе къ исповѣди дѣтей своихъ, достигнувшихъ уже положеннаго на сіе возраста (именно 7-ми лѣтъ) родители подвергаются особому внушенію отъ духовнаго и замѣчанію отъ мѣстнаго гражданскаго начальства (ст. 209 Улож. о нак.).

Обязанность родителей воспитывать своихъ дѣтей въ доброй нравственности и имѣть за ними надлежащій надзоръ и попеченіе находитъ свою санкцію въ ст. 51 Уст. о наказ. 993 и 998 Улож. о нак. Первая изъ нихъ подвергаетъ родителей, виновныхъ въ допущеніи дѣтей къ прошенію милости, аресту до 15 дней или денежному взысканію до 50 рублей, а въ случаѣ обращенія сего проступка въ ремесло, — тюремному заключенію до 3-хъ мѣсяцевъ. Вторая статья караетъ за склоненіе малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ къ непотребству и другимъ порокамъ или же за побужденіе ихъ къ тому своими внушеніями или обольщеніями, а третья подвергаетъ весьма тяжкому наказанію (лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь) отца или мать, избличенныхъ въ сводничествѣ своихъ дѣтей.

Гораздо скуднѣе представляются тѣ мѣры, которыя направлены къ обезпеченію правильнаго умственнаго образованія дѣтей. Законъ караетъ лишь обученіе дѣтей лицами, не получившими надлежащихъ свидѣтельствъ, но, какъ указано выше, вовсе не устанавливаетъ никакихъ наказаній для тѣхъ родителей, которые совершенно пренебрегаютъ умственнымъ развитіемъ своихъ дѣтей и не обучаютъ послѣднихъ ни дома, ни въ учебныхъ заведеніяхъ.

Преступленія, заключающіяся въ нарушеніи спеціальныхъ обязанностей дѣтей въ отношеніи родителей, обнимаютъ собою по нашему праву всѣ виды такихъ извѣстныхъ закону

обязанностей. Такъ ст. 143 Уст. о нак. караетъ дѣтей за отказъ въ доставленіи нуждающимся родителями пропитанія и содержанія, ст. 1592 Улож. о нак. предусматриваетъ упорное неповиновеніе родительской власти, ст. 1566 — вступленіе въ бракъ безъ дозволенія родителей и 1572 — несправедливое показаніе о такомъ дозволеніи.

II.

Преступныя посягательства, направленныя противъ жизни и другихъ благъ человѣка, когда они совершаются между родителями и дѣтьми, вызываютъ усиленную репрессию со стороны закона. Въ особенности это имѣетъ мѣсто тогда, когда виновниками преступленія являются дѣти, а жертвами — родители. Въ этихъ случаяхъ тяжкая уголовная отвѣтственность обуславливается тѣми соображеніями, что посягательство виновнаго на благо другаго лица соединяется при этомъ съ нарушеніемъ особыхъ его отношеній къ жертвѣ преступленія, что преступленіе заключаетъ въ себѣ въ такихъ случаяхъ разрушеніе кровной и нравственной связи между виновнымъ и жертвою преступленія, что преступникъ нарушаетъ такимъ образомъ естественную власть родителей надъ дѣтьми, вслѣдствіе чего преступное дѣяніе виновнаго пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе и наиболѣе возмущаетъ общественную совѣсть ¹⁾. Вотъ почему преступленія дѣтей противъ родителей считаются у всѣхъ народовъ особенно тяжкими преступленіями и вызываетъ усиленіе нормальныхъ наказаній, положенныхъ въ законѣ за то или другое дѣяніе ²⁾.

1) Рѣшеніе Угол. Кас. Деп. Сената 1887 г. № 7 по д. Дердюка.

2) Объясненіе къ проекту особенной части уголовного уложенія, составленному Редакціонною Коммисією, стр. 34—38.

Но объемъ преступленій, признаваемыхъ квалифицированными и размѣръ усиленія отвѣтственности представлялись въ различныя времена и въ различныхъ кодексахъ не одинаковыми. Современные кодексы европейскихъ народовъ выдвигаютъ, какъ особо преступныя, — посягательства противъ жизни, тѣлесныхъ благъ и чести родителей. Наше право, со времени выдѣленія квалифицированныхъ видовъ убійства въ особыя преступленія, подводило подъ нихъ убійство родителей. Уложеніе 1649 г. содержало въ себѣ постановленіе, что «буде который сынъ или дочь учинить отцу своему или матери смертное убійство и ихъ за отеческое или за матерное убійство казнить смертию *безъ всякія пощады*». Замѣчательно, однако, что Уложеніе устанавливало при этомъ для отцеубійцы обыкновенную смертную казнь и не считало нужнымъ слѣдовать примѣру литовскаго статута, изъ котораго буквально заимствовано приведенное постановленіе Уложенія и въ которомъ за убійство родителей полагалось «публичное рваніе тѣла клещами, зашитіе въ шкуру вмѣстѣ съ собакою, курицею, ужомъ и кошкою и утопленіе». Лишь въ Воинскихъ Артикулахъ впервые опредѣлено было усиленное наказаніе за отцеубійство, а именно колесованіе.

Въ дѣйствующемъ правѣ убійство отца или матери наказывается значительно строже обыкновеннаго убійства (ст. 1449 Ул. о нак.). Законъ не различаетъ отбѣнокъ злой воли и назначаетъ какъ за предумышленное, такъ и за не предумышленное убійство — лишеніе всѣхъ правъ состоянія и каторгу безъ срока и безъ права на переводъ изъ разряда испытываемыхъ въ разрядъ исправляющихся. Преступленіе это, подобно нѣкоторымъ преступленіямъ государственнымъ, не погашается обыкновенною десятилѣтнею давностью, и лишь въ томъ случаѣ, если со времени содѣянія преступленія прошло

двадцать лѣтъ и при наличности указанныхъ въ законѣ условій (ст. 161 Уложенія), виновные вмѣсто каторжной работы присуждаются къ ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

Точно также квалифицируетъ дѣйствующее право и обратный случай, т. е. убійство родителями своихъ дѣтей (1451), назначая за это каторгу безъ срока. Любопытно отмѣтить, что прежнее наше право тоже выдѣляло такого рода убійство, но не какъ квалифицированное, а напротивъ того, какъ привилегированное, наказуемое гораздо легче обыкновеннаго убійства. Законодатель исходилъ при этомъ изъ того соображенія, что родителямъ принадлежитъ естественная власть надъ дѣтьми и право подвергать ихъ извѣстнымъ наказаніямъ, и поэтому, если родители убили своего ребенка, то это должно быть разсматриваемо не какъ убійство, а какъ злоупотребленіе родительскою властью, какъ бы превышеніемъ предѣловъ предоставленнаго имъ закономъ права. Поэтому Уложеніе Алексея Михайловича постановляло: «а буде отецъ или мать сына или дочь убьетъ до смерти и ихъ за то посадить въ тюрьму на годъ, а смертью отца и матери за сына и за дочь не казнить». Взглядъ этотъ сохранился въ петровскомъ законодательствѣ и такъ укоренился въ народѣ, что составители Свода 1832 года сочли нужнымъ оговорить въ законѣ (ст. 170 т. X, ч. 1), что родители не имѣютъ права на жизнь дѣтей и за убійство ихъ судятся и наказываются по уголовнымъ законамъ.

Причиненіе тяжкихъ поврежденій здоровью, увѣчья и ранъ наказывается тремя степенями строже, когда они учинены дѣтьми по отношенію къ родителямъ и двумя степенями, если они совершены родителями въ отношеніи дѣтей. Точно также усиливается наказаніе дѣтямъ за лишеніе свободы отца или

матери, за угрозы, клевету, за составленіе или распростра-
неніе сочиненій или изображеній оскорбительныхъ для чести
родителей, за обиду, нанесенную родителямъ на словахъ, или
на письмѣ или дѣйствиѣмъ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ
наказаніе доходитъ до лишенія всѣхъ особенныхъ правъ и
преимуществъ и ссылки въ Сибирь или отдачи въ арестантскія
отдѣленія на время отъ одного до полутора года¹⁾.

Обратнаго случая, т. е., оскорбленія родителями дѣтей наши
уголовные законы не только не квалифицируютъ, но даже
вовсе не считаютъ правонарушеніемъ, подлежащимъ вѣдѣнію
государственной власти. Обязанность дѣтей оказывать родите-
лямъ почтеніе, послушаніе, покорность и любовь, сносить
родительскія увѣщанія и исправленія терпѣливо и безъ ро-
пота, съ одной стороны, и право родителей принимать для
исправленія строптивыхъ и неповинующихся дѣтей домашнія
исправительныя мѣры съ другой, были-бы совершенно пара-
лизованы, если-бы родители были отвѣтственны за всякое
оскорбительное слово, сказанное ими дѣтямъ въ цѣляхъ ихъ
исправленія, или вообще должны были опасаться такой от-
вѣтственности. Это уничтожило бы всякій авторитетъ роди-
тельской власти, дѣлало-бы невыносимымъ какое-бы то ни
было воспитаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ создало-бы почву для вся-
кихъ интригъ и домашнихъ дразгъ. Вотъ почему ст. 168
т. X, ч. I и постановляетъ, что въ личныхъ обидахъ или
оскорбленіяхъ отъ дѣтей на родителей не пріемлется ника-
кого иска ни гражданскимъ, ни уголовнымъ порядкомъ. Этимъ
однако же, само собою понятно, не отмѣняется ни отвѣтствен-
ность родителей за другія преступленія въ отношеніи своихъ
дѣтей, ни отвѣтственность ихъ за жестокое злоупотребленіе

¹⁾ Улож. о Нак. ст. 1492, 1534, 1539, 1544, 1547 и Уст. о Нак.
ст. 132.

родительскою властью, ни наконецъ обязанность ихъ имѣть въ виду, что предоставляемая имъ безнаказанность можетъ быть оправдываема лишь на столько, на сколько она необходима для огражденія правильно понятаго достоинства родительской власти и для успѣшности воспитанія и надзора за дѣтьми.

Особо привилегированнымъ образомъ наказываются у насъ нѣкоторыя преступленія, противъ незаконнорожденныхъ. Такъ, по ст. 1451 Улож. о наказ. положенное за убійство наказаніе смягчается тремя степенями, въ случаѣ, когда убійство незаконнорожденныхъ сына или дочери совершено матерью отъ стыда и страха при самомъ рожденіи младенца. Законодатель не раздѣляетъ уже прежнихъ воззрѣній нашего права, по которымъ убійства незаконнорожденныхъ должны были «казниться смертью безъ всякія пощады, чтобы на то смотря, иныя такого беззаконнаго и сквернаго дѣла не дѣлали и отъ блуда унялися». Законъ указываетъ и мотивы допускаемаго имъ смягченія наказанія, а именно предполагаемый *стыдъ* и *страхъ* матери ребенка, которые могутъ невольно толкнуть ее на мысль объ убійствѣ. Мотивы эти нельзя не признать очень серьезными и жизненными. Положеніе женщины, въ особенностяхи незамужней, родившей незаконнаго ребенка, дѣйствительно въ высшей степени тяжело какъ въ виду взглядовъ, существующихъ въ обществѣ по этому предмету, такъ и вслѣдствіе суроваго отношенія закона къ такимъ дѣтямъ. Слабая у всякой вообще роженицы вслѣдствіе сильныхъ физическихъ и нравственныхъ потрясеній воля ослабляется еще болѣе при рожденіи незаконнорожденнаго, когда мать волнуема стыдомъ передъ общественнымъ мнѣніемъ и страхомъ за участь ребенка. Съ этими соображеніями приходится считаться при опредѣленіи наказанія и ими объясняется, почему

убійство незаконнорожденного ребенка матерью при самомъ его рожденіи выдѣляется всѣми законодательствами, кромѣ французскаго, какъ особый видъ преступленія, называемый «дѣтоубійствомъ» и караемый снисходительнымъ образомъ. Само собою понятно, что на снисхожденіе это не можетъ претендовать ни отецъ новорожденного, ни всякое постороннее лицо, участвующее въ убійствѣ незаконнорожденного, ни наконецъ сама мать, если преступленіе совершается ею не при самомъ рожденіи младенца. По нашему закону мать лишается права на смягченіе наказанія и въ томъ случаѣ, если преступленіе это совершено ею не въ первый разъ.

По указаннымъ выше соображеніямъ объ испытываемыхъ матерью чувствахъ стыда и страха, смягчено также наказаніе за умышленное оставленіе матерью незаконнорожденного младенца безъ помощи (ст. 1460 Улож. о нак.).

III.

Соображенія, которыя заставляютъ всѣ законодательства выдѣлить извѣстные преступленія, какъ наказуемыя только по жалобѣ потерпѣвшаго, въ особенности примѣнимы тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о преступленіяхъ, совершаемыхъ одними членами семейства противъ другихъ. Даже тѣ ученые, которые относятся несочувственно къ такому выдѣленію «частныхъ преступленій» и настаиваютъ на томъ, чтобы кругъ этихъ преступленій былъ по возможности суженъ и ограниченъ, и тѣ дѣлаютъ исключенія для преступленій, совершенныхъ въ предѣлахъ одного семейнаго союза ¹⁾).

Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что непрошенное вмѣшательство общественной и государственной власти въ

¹⁾ Koestlin,—System des deutschen Strafrechts, стр. 513.

тѣхъ случаяхъ, когда потерпѣвшій отъ преступленія и виновный—члены одного семейства, можетъ очень нерѣдко не только не исправить сдѣланное зло, но и окончательно уничтожить поколебленную уже совершеніемъ преступленія святость семейныхъ отношеній, которыя иначе, быть можетъ, и возстановились бы легко путемъ раскаянія съ одной стороны и прощенія съ другой. Поэтому вполне справедливо, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе не выходитъ изъ семейной сферы и направлено противъ такого блага, которое вознаграждаемо (напр., имущество, честь, здоровье), самое возбужденіе преслѣдованія должно зависѣть отъ воли потерпѣвшаго лица. Преслѣдованіе и наказаніе помимо желанія потерпѣвшаго—не говоря уже противъ его желанія,—могло бы быть нерѣдко болѣе тяжкимъ наказаніемъ для него, чѣмъ для виновнаго. «Ce sont ici des cas, сказалъ извѣстный французскій юристъ Dumont, ou le delict vous a fait une égratignure et ou le ministère public la convertit en blessure mortelle» ¹⁾. Наказанія установлены въ интересахъ общества и общественнаго порядка, но цѣлость и ненарушимость семейства необходимы для того же общества и порядка. Поэтому, когда обществу и порядку грозитъ бѣлая опасность отъ вмѣшательства въ семейныя отношенія, чѣмъ отъ оставленія виновнаго безъ наказанія, государство поступаетъ совершенно послѣдовательно, отказываясь въ этихъ случаяхъ отъ принадлежащаго ему по общему началу права наказанія ²⁾.

Указанныя соображенія, справедливыя въ отношеніи всякихъ преступленій, совершаемыхъ въ предѣлахъ одного и того

¹⁾ „Это тѣ случаи, когда преступленіе причиняетъ вамъ лишь царапину, а государственный прокуроръ (возбуждая преслѣдованіе) превращаетъ ее въ смертельную рану“.

²⁾ А. фонъ Розенъ. О преступленіяхъ, наказуемыхъ только по жалобѣ потерпѣвшаго. Спб. 1882 г., стр. 54—58.

же семейнаго союза, получаютъ особенное значеніе въ дѣлахъ объ имущественныхъ преступленіяхъ. Знать въ подробности имущественныя отношенія въ каждомъ семействѣ, знать права каждаго члена семьи на извѣстныя вещи—едвали возможно для лица посторонняго или для общественной власти. Имущественныя отношенія нерѣдко установлены, благодаря-ли обычаю, благодаря-ли разнымъ другимъ причинамъ, совершенно несогласно съ положительнымъ закономъ, а влѣдствіе этого дѣяніе, носящее, съ внѣшней стороны, всѣ признаки преступленія, можетъ не заключать въ себѣ ничего преступнаго, и наоборотъ. Поэтому всякое постороннее вмѣшательство въ имущественныя семейныя дѣла будетъ не только излишнимъ, но и часто весьма опаснымъ для ненарушимости семейнаго союза, разъ не нашлось лица, которое считаетъ себя потерпѣвшимъ и требуетъ наказанія провинившагося члена семейства.

Дѣйствующія законодательства вполне раздѣляютъ изложенныя соображенія, и наши уголовные законы не отступаютъ отъ нихъ въ этомъ отношеніи. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, перечисляя въ ст. 18 тѣ проступки противъ чести и правъ частныхъ лицъ, которые преслѣдуются не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго обиду, вредъ или убытокъ, указываетъ далѣе въ ст. 19, что въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми и такія преступленія, какъ кража, мошенничество и присвоеніе чужаго имущества подлежатъ наказанію не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго убытокъ лица. Уложеніе о наказаніяхъ, повторяя тоже самое въ статьяхъ 1664 и 1675, прибавляетъ къ нимъ и тѣ преступленія, которыя заключаются въ нарушеніи взаимныхъ обязанностей родителей и дѣтей. Такъ, ст. 1592 пре-

доставляет усмотрѣнію родителей требовать наказанія для дѣтей, упорно неповинующихся ихъ власти; статья 1591 подвергаетъ дѣтей, дозволившихъ себѣ какое-либо насильственное противъ родителей дѣйствіе извѣстнымъ наказаніямъ лишь по жалобѣ оскорбленнаго родителя; тоже самое условіе выставляютъ ст. 1546 и 1550 для наказуемости вступленія въ бракъ безъ дозволенія родителей и т. д.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Законныя и незаконнорожденные дѣти. Узаконеніе.

I.

Изложенныя въ предыдущихъ главахъ взаимныя права и обязанности родителей и дѣтей примѣнимы въ полномъ объемѣ лишь по отношенію къ законнымъ дѣтямъ; въ примѣненіи же къ дѣтямъ незаконнымъ или незаконнорожденнымъ они подвергаются значительнымъ измѣненіямъ. Установленіе указаннаго различія между дѣтьми законными или незаконными, должно быть признано явленіемъ *историческимъ*, въ томъ смыслѣ, что во времена глубокой древности, когда люди стояли на самой низкой ступени цивилизаціи, все дѣти пользовались въ семьѣ одинаковыми правами. Физическая природа не знаетъ этого различія, обязаннаго своимъ происхожденіемъ возникновенію опредѣленнаго *брачнаго сожитія*. Хотя многіе ученые оспариваютъ существованіе такой эпохи человечества, когда вовсе не было брачной организаціи, и доказываютъ, что представленіе о «безпорядочномъ половомъ сожитіи» (гетеризмъ) возникло лишь благодаря частью тому, что мы оцѣниваемъ явленія тогдашней жизни съ современной точки зрѣнія на бракъ, какъ на союзъ одного мужчины съ одной женщиною, а частью тому, что не обращаемъ должнаго вниманія на груп-

повыя соединенія мужчинъ и женщинъ, но какъ-бы то ни было, появленіе класса незаконнорожденныхъ совпадаетъ съ установленіемъ господства моногаміи и подчиненіемъ брачнаго сожитія опредѣленнымъ условіямъ. Большая или меньшая строгость послѣднихъ то расширяетъ, то суживаетъ кругъ лицъ, считающихся незаконнорожденными, причемъ это расширение и суживаніе объясняется соображеніями то религіознаго, то нравственнаго свойства, то кастоваго или сословнаго обособленія, то общественной, то государственной пользы и т. п. Но вездѣ, гдѣ существуетъ бракъ, существуютъ и ограниченія общественныхъ и гражданскихъ правъ лицъ, родившихся не отъ законнаго брака. Современная европейская жизнь вступила на правильный путь смягченія этихъ ограниченій, а наука и литература посвящаютъ положенію незаконнорожденныхъ много труда, силъ и вниманія. Тѣмъ не менѣе было-бы ошибочно думать, что въ вопросѣ о правахъ незаконнорожденныхъ сказано уже послѣднее слово и что положеніе указанной категоріи лицъ не требуетъ никакихъ дальнѣйшихъ улучшеній.

Прежде чѣмъ излагать законодательство о незаконнорожденныхъ, остановимся на выясненіи условій, при которыхъ дѣти признаются *законными*: тогда для насъ станетъ яснымъ, какія лица обнимаются понятіемъ *незаконнорожденныхъ*.

По общему началу законными признаются дѣти, родившіяся отъ извѣстныхъ отца и матери, состоящихъ въ законномъ бракѣ. Такъ какъ отношеніе человѣка къ матери опредѣляется самимъ событіемъ рожденія, которое можетъ быть строго юридически доказано, то очевидно, что о неизвѣстности можетъ идти рѣчь лишь по отношенію къ отцу. Рожденіе ребенка отъ извѣстнаго отца не можетъ быть доказано строго юридически, ибо зачатіе младенца принадлежитъ къ тайнамъ природы и про-

исходить невидимымъ образомъ. Доказать, что именно мужъ матери ребенка, а не иной кто либо участвовалъ въ зачатіи, — строго говоря, невозможно, во всякомъ случаѣ чрезвычайно затруднительно. Но допускать вообще необходимость и возможность разслѣдованія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, дѣйствительно-ли ребенокъ зачатъ мужемъ его матери, значило-бы колебать основы гражданскаго порядка и оставлять неопредѣленными такія условія, отъ которыхъ зависятъ важнѣйшія права человѣка, связанныя съ извѣстнымъ именемъ и происхожденіемъ. Поэтому во всѣхъ законодательствахъ установлено предположеніе, что коль скоро женщина состоитъ въ законномъ бракѣ, отцомъ ребенка долженъ считаться мужъ матери (*pater est, quem nuptiae demonstrant*). Правда, что предположеніе это въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ быть и опровергаемо, но общимъ образомъ оно строго охраняется закономъ, который, съ одной стороны, не допускаетъ свободы доказывать противное, ограничивая споры какъ краткими сроками, такъ и способами доказательствъ и лицами, могущими оспаривать названное предположеніе, а съ другой стороны, признаетъ за этимъ предположеніемъ силу, освобождающую рожденныхъ въ законномъ бракѣ дѣтей отъ обязанности доказывать свою кровную связь съ своими родителями и ставящую ихъ лишь въ положеніе отвѣтчиковъ, въ случаѣ оспариванія этого предположенія.

Самое значеніе этого предположенія понимается законодательствами не одинаково. Такъ какъ зачатіе ребенка и рожденіе его не совпадаютъ, а между ними всегда протекаетъ извѣстный промежутокъ времени, то и приведенное предположеніе—*pater est, quem nuptiae demonstrant* — приурочивается то исключительно къ моменту зачатія ребенка, то и къ моменту его рожденія. Въ римскомъ правѣ, которому мы обязаны самимъ формулированіемъ разсматриваемаго предположе-

нія, послѣднее относилось только къ моменту зачатія ребенка. Для признанія ребенка законнымъ необходимо было, чтобы между его рожденіемъ и зачатіемъ прошло не менѣе 180 и не болѣе 300 дней. Поэтому, если ребенокъ родился хотя и въ законномъ бракѣ, но ранѣе шести мѣсяцевъ, т. е. 180 дней со дня заключенія послѣдняго, ребенокъ признавался незаконнымъ, ибо зачатіе его должно было быть отнесено, по признававшемуся римлянами фізіологическому закону, къ тому времени, когда родители не состояли еще въ законномъ бракѣ. Съ другой стороны, если ребенокъ родился въ то время, когда родители его уже не состояли въ законномъ бракѣ, напр. послѣ развода или послѣ смерти отца, но между указанными событіями и рожденіемъ ребенка прошло не болѣе 10 мѣсяцевъ, ребенокъ признавался законнымъ, ибо *зачатіе* его *могло имѣть* мѣсто тогда, когда родители его состояли въ законномъ бракѣ. Важенъ былъ моментъ зачатія ребенка, но не рожденія, и лишь въ вопросѣ о сословныхъ правахъ ребенка римское право допускало отступленіе отъ этого начала, принимая въ интересахъ ребенка во вниманіе, какъ моментъ зачатія, такъ и моментъ рожденія, смотря по тому, что было выгоднѣе для ребенка.

Совершенно того же взгляда держится и французскій гражданскій кодексъ, опредѣляющій въ art. 312, что отцомъ ребенка, *зачатаго* во время брака, считается мужъ матери. (*l'enfant conçu pendant le mariage a pour père le mari*); предположеніе это послѣдній можетъ опровергнуть, доказавъ, что въ промежутокъ времени между 180-мъ и 300-мъ днемъ до рожденія ребенка онъ не могъ по той или другой причинѣ сожителствовать съ женою.

По нашему праву, какъ и по прусскому законодательству, принимаются во вниманіе оба момента—и зачатіе и рожде-

ніе, смотря, что болѣе выгодно для ребенка: законнымъ почитается ребенокъ, *зачатый* или *рожденный* въ законномъ бракѣ. На основаніи 119 ст. т. X ч. I, признаются законными всѣ дѣти, *рожденныя* въ законномъ бракѣ, хотя бы они родились по естественному порядку слишкомъ рано отъ совершенія брака или же по прекращеніи или расторженіи брака. Но съ другой стороны, если ребенокъ *зачатъ* тогда, когда отецъ его пользовался полнотою гражданскихъ правъ, а родился, когда отецъ лишенъ былъ правъ, состояніе младенца опредѣляется моментомъ зачатія ¹⁾. Точно также и по вопросу о правѣ наслѣдованія принимается во вниманіе не только рожденіе ребенка, но и зачатіе его, такъ какъ въ силу ст. 1106 т. X ч. I, «отъ права наслѣдованія не устраняются дѣти, хотя-бы оныя не были еще рождены, но токмо зачаты при жизни отца».

Указанные выше минимальный и максимальный сроки беременности (6 мѣсяцевъ и 10 мѣсяцевъ—у насъ 306 дней) извѣстны и нашему праву, но они имѣютъ лишь то значеніе, что въ случаѣ рожденія ребенка ранѣе 6-ти мѣсяцевъ со дня заключенія брака или же позже 306 дней по его расторженіи или прекращеніи, законность рожденія *можетъ быть оспорена*. Въ случаѣ рожденія ребенка по истеченіи 306 дней послѣ смерти мужа или послѣ расторженія брака, право оспаривать законность рожденія ребенка принадлежитъ всѣмъ тѣмъ, права коихъ—личныя или имущественныя—были-бы нарушены чрезъ признаніе ребенка законнорожденнымъ, но право ихъ на искъ ограничивается 6-ти мѣсячнымъ срокомъ послѣ рожденія ребенка (т. X ч. I ст. 131). Въ случаѣ же рожденія ребенка во время состоянія родителей въ брачномъ союзѣ,

¹⁾ Т. IX ст. 11.

по ранѣе 180-ти дней со времени заключенія его, право оспаривать законность рожденія принадлежит только отцу ребенка, но и онъ ограниченъ извѣстными, довольно строгими условіями. Такъ, споръ противъ законности рожденія ребенка не допускается, если младенецъ записанъ въ метрической книгѣ законнорожденнымъ и при сей записи росписался мужъ матери младенца или кто либо другой по его просьбѣ (ст. 1348 и 1349 уст. гр. суд.). Споръ этотъ долженъ быть заявленъ мужемъ не позже года со времени рожденія младенца, если во время рожденія онъ находился въ предѣлахъ Россіи и двухъ лѣтъ, если онъ находился за границею (ст. 1350 т.-же), и только въ случаѣ, если жена скрывала отъ мужа рожденіе ребенка, указанные выше годовой и двухгодовой сроки исчисляются со дня, въ который мужъ узналъ о рожденіи младенца (т.-же ст. 1351).

Еще болѣе строгія условія для спора противъ законности рожденія встрѣчаются въ нѣкоторыхъ иностранныхъ законодательствахъ. Такъ, по англійскому праву не имѣютъ значенія ни минимальный, ни максимальный сроки беременности; по французскому праву мужъ лишень права спорить противъ законности родившагося хотя-бы и слишкомъ рано младенца, если онъ зналъ о беременности своей невѣсты или если подписаль актъ о рожденіи ребенка. Оспаривать законность рожденія ребенка отецъ можетъ лишь въ теченіе *одного мѣсяца*, когда онъ присутствовалъ при рожденіи ребенка и двухъ мѣсяцевъ, когда онъ отсутствовалъ. Только въ случаѣ, если мужъ умеръ до рожденія ребенка или до истеченія предоставленнаго ему закономъ срока и не заявилъ о признаніи ребенка законнорожденнымъ или вообще не проявилъ по отношенію къ нему тѣмъ или другимъ способомъ отцовскихъ чувствъ, право на предъявленіе иска о незаконности ребенка переходить къ на-

слѣдникамъ, которые должны начать свой искъ не позднѣе двухъ мѣсяцевъ со дня смерти мужа или рожденія ребенка. По нашему праву въ этомъ послѣднемъ случаѣ наследникамъ дается трехмѣсячный срокъ (ст. 1353 уст. гр. суд.).

Стѣсня и ограничивая право спора противъ законности младенца, родившагося во время брака, законодательство не желаетъ, однакоже, насильно вводить въ семью явно незаконнорожденныхъ, а потому не лишаетъ мужа права оспаривать указанную выше презумпцію въ томъ случаѣ, когда виновникомъ зачатія ребенка, родившагося во время существованія законнаго брака и не ранѣе минимальнаго срока, былъ все-таки не онъ, мужъ матери. По нашему праву такой споръ возможенъ въ одномъ случаѣ, а именно, когда мужъ докажетъ, что въ теченіе всего времени, когда могло быть зачатіе ребенка, онъ находился въ непрерывной разлукѣ съ женою (ст. 1348 уст. гр. суд.), другими словами, что ребенокъ происходитъ отъ прелюбодѣнія. Французское право допускаетъ такой споръ и въ случаѣ доказанной физической неспособности сожитія. Но и при этомъ имѣютъ силу указанные выше ограниченія какъ въ отношеніи сроковъ, такъ и недопущенія спора при доказанности проявленія къ ребенку предполагаемымъ его отцомъ дѣйствительно родительскихъ чувствъ.

Такимъ образомъ отреченіе отца отъ ребенка, рожденнаго въ законномъ бракѣ, не можетъ быть произвольнымъ и голословнымъ ¹⁾. Отецъ долженъ заявить свой споръ и доказать его, т. е. доказать, что по обстоятельствамъ дѣла рожденный подъ именемъ его ребенокъ не могъ отъ него произойти. Недостаточно одного подозрѣнія, а необходимо несомнѣн-

¹⁾ К. Побѣдоносцевъ, Курсъ т. II, стр. 140.

ное убѣжденіе, выразившееся въ несомнѣнной юридической формѣ.

Что касается матери ребенка, то по общепринятому началу ей не принадлежитъ право оспаривать законность ребенка, рожденнаго ею въ бракѣ; признаніе ея, что ребенокъ зачатъ ею не отъ мужа, а отъ посторонняго лица, можетъ имѣть значеніе лишь въ вопросѣ о ея виновности въ прелюбодѣяннн, но не можетъ вредить ребенку и уничтожать законность его рожденія, коль скоро послѣдняя не оспаривается его отцомъ. Еще римляне ¹⁾ совершенно правильно указывали, что признаніе вредитъ только признающемуся, и не можетъ имѣть обязательной силы для третьихъ, постороннихъ лицъ, какими являются въ вопросѣ о законности рожденія ребенокъ и его отецъ. Придавать значеніе признанію матери было-бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ и опасно, такъ какъ такое признаніе можетъ явиться результатомъ не только желанія опорочить мужа и причинить ему страданіе, но и корыстныхъ побужденій въ тѣхъ случаяхъ, когда отсутствіе законныхъ дѣтей увеличиваетъ права жены на наслѣдованіе, на полученіе содержанія и т. п.

Приведенными спорами противъ законности рожденія младенца не исчерпываются случаи признанія дѣтей незаконнорожденными. Съ признаніемъ по суду брака между родителями недѣйствительными, рожденныя въ такомъ бракѣ дѣти признаются незаконными. Тоже самое имѣетъ мѣсто, когда бракъ расторгнутъ по доказанной неспособности мужа къ супружескому сожитію, такъ какъ такое расторженіе брака, допускаемое исключительно вслѣдствіе *природной* неспособно-

¹⁾ Л. Загурскій—ученіе о законнорожденности и незаконнорожденности по римскому праву. Харьковъ. 1880, стр. 27.

сти мужа, съ очевидностью доказываетъ, что дѣти рождены не отъ мужа, а отъ посторонняго лица (ст. 133 и 134 т. X, ч. 1).

II.

Въ Римѣ, гдѣ основою семьи служила власть ея главы—*patria potestas*, незаконнорожденные не принадлежали къ семьѣ и были въ ней совершенно безправными. Они не имѣли права ни на содержаніе отъ своего отца, ни на наслѣдованіе послѣ него. Общественное ихъ положеніе опредѣлялось положеніемъ матери, какъ это видно изъ извѣстнаго афоризма «*infans sequitur ventrem*» (дитя слѣдуетъ за утробою). Но и въ отношеніи матери всѣ права ихъ исчерпывались правомъ на пропитаніе до извѣстнаго возраста. Даже право наслѣдованія послѣ матери было неизвѣстно Риму въ эпоху законовъ XII таблицъ и появилось лишь въ II-мъ вѣкѣ по Р. X., подъ влияніемъ преторскаго эдикта.

Христіанскіе императоры, дѣйствуя подъ влияніемъ церкви, смотрѣвшей на внѣбрачныя связи, какъ на явленія, противныя началамъ новой религіи, первое время ухудшили положеніе незаконнорожденныхъ. Особенно ухудшилось положеніе одной группы незаконнорожденныхъ, именно спуріевъ (*spurii*), т. е. такихъ дѣтей, которыя родились отъ союзовъ, особенно ненавидимыхъ церковью, напр., отъ кровосмѣсительныхъ, отъ прелюбодѣйныхъ и т. п. Не говоря уже о томъ, что такія дѣти не имѣли отца, хотя-бы онъ *de facto* и былъ извѣстенъ, христіанскіе императоры посягаютъ даже на связь ихъ съ матерью. Лишь законодательство Юстиніана Великаго проявило впервые гуманное отношеніе къ незаконнорожденнымъ, допустивъ ихъ къ наслѣдованію послѣ отца по завѣщанію, а при отсут-

ствіи законныхъ наслѣдниковъ—даже и безъ завѣщанія, и установивъ за ними безусловное право на полученіе содержанія изъ имущества умершаго ихъ отца. Но наиболѣе важною заслугою законодательства названнаго императора въ этомъ отношеніи нужно признать допущеніе имъ возможности узаконенія незаконнорожденныхъ и опредѣленіе условій такого узаконенія, какъ *постояннаго* учрежденія, путемъ послѣдующаго брака отца съ матерью незаконнорожденнаго (*per subsequens matrimonium*), а въ случаѣ невозможности такого брака—по особому повелѣнію императора (*per rescriptum principis*). Узаконеніе дѣтей путемъ послѣдующаго брака родителей получаетъ съ этого времени широкое распространеніе, примѣняясь каноническимъ правомъ даже по отношенію къ такимъ дѣтямъ, которыя произошли отъ связи неженатаго съ замужнею. При этомъ всѣ дѣти, не исключая даже происшедшихъ отъ прелюбодѣянія и кровосмѣшенія, пользовались правомъ на содержаніе отъ родителей, а въ извѣстныхъ случаяхъ и отъ ихъ наслѣдниковъ.

Германское право, напротивъ того, относилось къ незаконнорожденнымъ крайне враждебно и отрицательно; оно рассматривало незаконнорожденнаго, какъ совершенно безроднаго, не принадлежавшаго ни къ семьѣ отца, ни къ семьѣ матери, а потому и не имѣющаго права ни на какое-бы то ни было наслѣдованіе, ни на содержаніе. Оно почти приравнивало его къ рабу. Общественныя права и преимущества были недоступны незаконнорожденнымъ даже въ то время, когда подъ вліяніемъ римско-католическаго права стало допускаться узаконеніе путемъ послѣдующаго брака. «Считая ихъ людьми позора и безчестія, средневѣковое законодательство лишало ихъ права быть избираемыми въ общественныя должности, не допускало къ присягѣ и къ свидѣтельскимъ показаніямъ; не признавая

за ними въ общественномъ быту права на человѣческое достоинство и честь, оно не дозволяло имъ защищать ее на дуэли; отрицая у нихъ всякія высшія духовныя стремленія, оно не упустило воспретить имъ пріобрѣтеніе степени доктора богословія». ¹⁾).

Мало по малу, однакоже, смягченіе нравовъ и распространеніе просвѣщенныхъ идей оказало свое вліяніе и на законодательство о незаконнорожденныхъ. Въ особенности значительный толчекъ къ ограниченію безправія незаконнорожденныхъ дало общее движеніе, охватившее Европу въ концѣ прошлаго столѣтія и выразившееся съ особенною силою во Франціи. «Въ государствѣ, основанномъ на свободѣ, — сказалъ извѣстный Камбассересъ, — никто не долженъ быть жертвою ошибокъ своего отца; лишеніе наслѣдства есть наказаніе за тяжкія преступленія, а рождающееся внѣ брака дитя развѣ совершило ихъ? Бракъ учрежденіе великое, но сила его не можетъ простираться до уничтоженія человѣческой личности и правъ гражданина». — Подъ вліяніемъ такихъ воззрѣній и составилось французское законодательство о незаконнорожденныхъ, принятое съ незначительными измѣненіями законодательствами италіанскимъ, бельгійскимъ, голландскимъ, баденскимъ, гражданскимъ уложеніемъ Царства Польскаго и большинствомъ швейцарскихъ кантоновъ.

Современное положеніе незаконнорожденныхъ въ западноевропейскихъ законодательствахъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Узаконеніе послѣдующимъ бракомъ (*legitimatio per subsequens matrimonium*) примѣняется во всѣхъ законодатель-

¹⁾ Историческая записка о правовомъ состояніи незаконнорожденныхъ у различныхъ народовъ, стр. 32.

ствахъ, безъ исключенія. Французское право не допускаетъ его только для дѣтей, происшедшихъ отъ прелюбодѣянія или кровосмѣшенія, другія же, какъ австрійское, прусское, саксонское и проектъ германскаго уложенія, справедливо не видятъ основанія къ такому изъятію и допускаютъ узаконять и такихъ дѣтей. Узаконеніе вводитъ дѣтей въ семью и создаетъ имъ такое же положеніе, какъ будто бы они были законными съ самаго рожденія. Узаконеніе это можетъ имѣть мѣсто даже послѣ смерти незаконнорожденнаго, если это нужно для оставленнаго имъ потомства. Кромѣ узаконенія послѣдующимъ бракомъ родителей возможно узаконеніе и *per gestum principis* (его не знаетъ французское право), въ тѣхъ случаяхъ, когда бракъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ представляется для какой либо стороны невозможнымъ. Французскому праву извѣстенъ, кромѣ узаконенія, институтъ *признанія* незаконнорожденныхъ въ актѣ о рожденіи или въ особомъ формальномъ актѣ, совершаемомъ у нотариуса. Признанное такимъ способомъ дитя поступаетъ подъ родительскую власть признавшаго его и имѣетъ право какъ на полученіе алиментовъ отъ отца, такъ и на законное послѣ него наследованіе, причемъ доля его въ наследствѣ зависитъ отъ того, остались ли у признавшаго законные наследники и въ какой близости родства они находятся съ признавшимъ. При отсутствіи законныхъ наследниковъ, все имущество признавшаго можетъ перейти къ признанному имъ ребенку.

Этотъ институтъ признанія, перенесенный и въ гражданское уложеніе Царства Польскаго, неизвѣстенъ германскимъ законодательствамъ. Зато послѣднія признаютъ законными, кромѣ узаконенныхъ послѣдующимъ бракомъ и рескриптомъ монарха, также и такихъ дѣтей, которыя рождены невѣстою отъ жениха, хотя бы послѣдующій бракъ и не имѣлъ мѣста.

По шведскому же законодательству, а также и по дѣйствующему въ Финляндіи, кромѣ того причисляются къ законнымъ дѣти, рожденныя отъ матери, ставшею беременною въ виду обѣщанія женитьбы, а также рожденныя отъ изнасилованія. Дѣти, рожденныя отъ браковъ, внослѣдствіи признанныхъ незаконными или недѣйствительными, въ принципѣ признаются незаконными, развѣ если будетъ установлено, что одинъ изъ супруговъ добросовѣстно заблуждался или не зналъ законныхъ препятствій къ браку. По прусскому же праву и по проекту германскаго уложенія завѣдомая недобросовѣтность даже обоихъ родителей не влечетъ за собою признанія дѣтей незаконными, если только самый бракъ заключенъ съ соблюденіемъ законныхъ формъ; недобросовѣстные родители лишаются только правъ родительской власти.

Всѣ дѣти безъ исключенія, не узаконенныя и не признанныя, не пользуясь по отношенію къ своимъ родителямъ личными правами, напр. правомъ на фамилію и родительскую опеку, имѣютъ, однакоже, право на содержаніе и могутъ разыскивать судебнымъ порядкомъ какъ мать, такъ и отца. Исключеніе составляетъ французское право, категорически воспрещающее незаконнорожденному и его матери отыскивать отца (*la recherche de la paternité est interdite*)¹⁾. Отыскиваніе матери судебнымъ порядкомъ допускается и французскимъ правомъ, но самый искъ можетъ быть начатъ лишь по представленіи какихъ либо письменныхъ доказательствъ (*un commencement de preuves par écrit*), и только въ случаѣ недостаточ-

¹⁾ По этому поводу Герингъ весьма остроумно замѣтилъ на сѣздѣ германскихъ юристовъ: «читая законъ о запрещеніи розыска отца, явно видно только, что мужчина, писавшій его, имѣлъ въ виду только себя. Я называю это плутовствомъ».

ности ихъ могутъ быть приняты во вниманіе свидѣтельскія показанія.

Нахожденіе матери ребенка одновременно въ связи съ другими лицами служить по однимъ законодательствамъ основаніемъ для предполагаемаго отца отказаться отъ содержанія. Такимъ же основаніемъ является извѣстная распущенная жизнь матери или же вступленіе въ связь за вознагражденіе. Другія же законодательства (какъ саксонское, проектъ германскаго улож.) не придаютъ возраженію *plurium concubentium* значенія обстоятельства, освобождающаго отца отъ обязанности давать алименты; оно является лишь основаніемъ для солидарной или долевоѣ ответственности всѣхъ возможныхъ виновниковъ рожденія. Точно также не допускается возраженіе, что мать дурная женщина, «потому что, какъ справедливо указываютъ мотивы къ проекту германскаго уложенія, нѣтъ ничего легче, какъ собрать дурные отзывы о дѣвухнѣ или женщинѣ изъ пролетаріата».

По нѣкоторымъ законодательствамъ право на искъ объ алиментахъ признается не за матерью, а за самимъ незаконнорожденнымъ, надъ которымъ въ виду этого учреждается опека въ лицѣ особаго опекуна. Размѣръ платимаго содержанія опредѣляется необходимыми потребностями ребенка, считая и расходы по воспитанію и подготовкѣ къ извѣстному роду занятій. Обязанность платить алименты переходитъ и на наслѣдниковъ отца незаконнорожденнаго ребенка въ случаѣ, если отецъ умеръ до достиженія послѣднимъ 14 лѣтняго возраста.

Въ отношеніи наслѣдованія большинство законодательствъ, не сравнивая незаконнорожденныхъ съ законными дѣтьми, даетъ имъ, однакоже, извѣстную небольшую часть въ имуществѣ отца, но есть и такія страны (Австрія и Швеція),

которыя вовсе отрицають всякое право незаконнорожденныхъ на наследованіе въ имуществѣ отца.

Что касается отношенія незаконнорожденныхъ дѣтей къ матери, то, хотя родство ихъ лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія, тѣмъ не менѣе по нѣкоторымъ законодательствамъ это родство не идетъ далѣе самой матери, а потому какъ семейственныя, такъ и наследственныя права существуютъ только между дѣтьми и матерью и не распространяются на родственниковъ послѣдней.

Изложенное здѣсь о положеніи незаконнорожденныхъ показываетъ, что законодательства Западной Европы идутъ по правильному пути смягченія безправнаго положенія незаконнорожденныхъ, хотя и оставляютъ еще желать многого. Въ отношеніяхъ общественныхъ незаконнорожденные не составляютъ уже болѣе ни паріевъ, ни особаго класса людей позора и безчестія, имѣя право отправлять всякія обязанности и занимать самыя почетныя мѣста и званія; общество все болѣе и болѣе проникается сознаніемъ, что сами дѣти, по тѣмъ или другимъ причинамъ признаваемыя незаконными, ни въ чемъ рѣшительно не повинны, и потому нѣтъ никакихъ справедливыхъ основаній къ отягощенію ихъ участи, и безъ того всегда неприглядной. Но, тѣмъ не менѣе, интересы этихъ дѣтей еще нерѣдко приносятся въ жертву чрезмѣрной заботливости объ охранѣ святости брака отъ посягательства родителей и желанію ухудшеніемъ участи невинныхъ дѣтей наказать виновныхъ родителей.

III.

Въ нашемъ законодательствѣ позднѣе другихъ проявилось различіе въ правахъ законнорожденныхъ и незаконнорожденныхъ дѣтей, но зато различіе это зашло очень крѣпко и держится очень

упорно. Только въ самые послѣдніе дни, съ изданіемъ закона 12 марта 1891 года, показался и у насъ свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ и сдѣлана попытка улучшить тяжелое положеніе незаконнорожденныхъ. Попытка эта, къ сожалѣнію, довольно еще робкая и успокоиваться на ней невозможно.

Исторія свѣтскаго законодательства о незаконнорожденныхъ въ нашемъ отечествѣ начинается лишь съ Соборнаго Уложенія Алексея Михайловича; памятники предшествующаго времени не сохранили почти никакихъ указаній относительно ограниченія правъ незаконнорожденныхъ, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ юридическомъ. Извѣстно лишь отрывочное замѣчаніе пространной Русской Правды о томъ, что дѣти, рожденныя отъ рабы, не наследуютъ своему отцу, а вмѣстѣ съ матерью получаютъ свободу¹⁾. Объясненіе этому кроется въ томъ, что вообще дѣла о законности и незаконности рожденія подлежали суду духовенства, которое руководилось при этомъ постановленіями греко-римскаго права и рѣшенія котораго не проникали въ свѣтское законодательство и мало касались послѣдняго. Уложеніе 1649 года впервые устанавливаетъ (ст. 280, гл. X), что «если кѣмъ-либо прижито будетъ отъ наложницы дитя, то къ законнымъ дѣтямъ того, кто его у наложницы приживетъ, не причитати и вотчинъ того, кто его незаконно прижилъ, не давать». Это положеніе неизмѣнно повторялось потомъ въ послѣдующихъ указахъ, рѣшеніяхъ и различныхъ узаконеніяхъ и перешло наконецъ въ Сводъ Законовъ, составляя нынѣ статью 136 т. X, ч. I.

Только Петръ Великій, слѣдуя законамъ западной Европы, гдѣ въ то время *legitimatio per subsequens matrimonium* было

¹⁾ К. Неволинъ, „Исторія Россійскихъ законовъ“; Спб. 1851, т. I, стр. 371.

обычнымъ явленіемъ и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ признавались извѣстныя обязанности отца по отношенію къ своимъ незаконнымъ дѣтямъ, установилъ въ Воинскихъ Артикулахъ, что отецъ незаконнаго ребенка обязанъ давать содержаніе ему и матери и кромѣ того «онъ тюрьмою и церковнымъ покаяніемъ имѣетъ быть наказанъ, развѣ что онъ потомъ на ней женится и возьметъ ее за сущую жену». Установленная этимъ закономъ обязанность отца незаконнаго ребенка давать содержаніе ему и матери связана, какъ видно, съ присужденіемъ виновнаго отца къ тюремному заключенію и церковному покаянію, то есть разсматривается, какъ послѣдствіе преступленія, а не какъ результатъ признанія родственныхъ отношеній между незаконнорожденнымъ и его отцомъ. Взглядъ этотъ сохранился до сихъ поръ въ нашемъ законодательствѣ, и обязанность отца давать алименты незаконнорожденному и его матери помѣщена въ ст. 994 уложенія о наказаніяхъ и составляетъ послѣдствіе преступленія, предусмотрѣннаго этою статьею. Закономъ этимъ вмѣстѣ съ тѣмъ исчерпываются почти всѣ постановленія нашего права объ обязанностяхъ родителей по отношенію къ незаконно прижитымъ ими дѣтямъ.

Общественное положеніе незаконнорожденныхъ и ихъ состояніе, о которомъ древніе наши законы ничего не говорятъ, опредѣляется законодательствомъ первой половины XVIII столѣтія, по общему началу (*infans sequitur ventrem*), въ зависимости отъ состоянія матери. Начиная съ 1723 года, идетъ рядъ указовъ, на основаніи которыхъ незаконнорожденные, происшедшіе отъ владѣльческихъ крѣпостныхъ женъ и дѣвокъ, остаются крѣпостными владѣльцевъ, а незаконнорожденные отъ женъ и дѣвокъ свободнаго состоянія причисляются къ податнымъ состояніямъ и приписываются къ селамъ и дерев-

нямъ, гдѣ кто живетъ. При этомъ право принять къ себѣ незаконнорожденныхъ воспитанниковъ «равно, яко крѣпостныхъ», было предоставлено не только дворянамъ, но и лицамъ другихъ сословій, коимъ вообще не дозволялось имѣть крѣпостныхъ.

Слѣдую состоянію матери, незаконнорожденные не имѣли, однакоже, права наследовать ей въ ея имѣніи. До 1857 года объ этомъ, впрочемъ, не было прямого узаконенія, хотя это понималось само собою, по крайней мѣрѣ относительно родоваго имѣнія матери ¹⁾. Въ сводѣ же 1857 года упомянутая выше 136 ст. т. X ч. 1, лишавшая незаконныхъ дѣтей права на имя и наследованіе послѣ отца, дополнена словами «или послѣ матери своей».

Разсматриваемая статья подверглась тогда еще тому измѣненію, что вмѣсто слова «родителями» («незаконныя дѣти, хотя-бы они воспитаны были ихъ родителями...»), поставлено «тѣми, которые именуется ихъ родителями», что сдѣлано, очевидно, съ цѣлью подчеркнуть, что законъ не признаетъ въ дѣйствительности кровнаго родства между незаконнорожденнымъ и виновникомъ его рожденія.

Единственнымъ отраднымъ явленіемъ, которое можно замѣтить въ прошломъ столѣтіи въ законодательствѣ о незаконнорожденныхъ, представляется учрежденіе въ царствованіи Екатерины II-ой воспитательныхъ домовъ, съ предоставленіемъ ихъ питомцамъ и питомицамъ и ихъ потомству оставаться навсегда *вольными* людьми и заниматься всякими промыслами. Хотя учрежденіе это могло внести улучшеніе въ положеніе незаконнорожденныхъ дѣтей лишь въ крайне ничтожныхъ размѣрахъ, и притомъ привилегіи, установленныя для питомцевъ этихъ домовъ, не

¹⁾ К. Невольнъ, н. с. стр. 379

распространялись на другихъ незаконнорожденныхъ, но важна была уже сама по себѣ забота о незаконнорожденныхъ, остроумно названныхъ Императрицею Маріею Федоровною «сиротами при живыхъ родителяхъ» ¹⁾. Забота о названныхъ домахъ продолжалась и впослѣдствіи, причемъ учреждены были особые классы для обученія питомцевъ и питомицъ языкамъ и музыкѣ и «для подготовленія способнѣйшихъ изъ нихъ къ поступленію въ университеты, въ училище аптекарей или даже въ медико-хирургическую академію» ²⁾.

Первая четверть нынѣшняго столѣтія была очень благопріятна для законодательства о незаконнорожденныхъ, въ особенности для вопроса объ узаконеніи послѣднихъ. Примѣнявшееся и прежде по особой монаршей милости соприсчисленіе незаконнорожденныхъ изъ дворянъ къ законнымъ дѣтямъ приняло особенно широкіе размѣры, благодаря тому, что Императоръ Александръ I считалъ узаконеніе внѣбрачныхъ дѣтей мѣрою вполне справедливою. «Запретивъ сіе усыновленіе (т. е. узаконеніе), сказано въ запискѣ, составленной ³⁾ по указанію названнаго императора тайнымъ совѣтникомъ Трощинскимъ, «не отяготится ли судьба сего рода людей, кои по естественному ихъ происхожденію, имѣя всѣ права на права ихъ родителей, должны оныхъ отвергнуться по гражданскому установленію тѣмъ съ большимъ чувствомъ несправедливости, что воспитаніе, какое по большей части они получаютъ, отдаляя ихъ отъ прочихъ состояній, ставитъ въ горестной необходимости стыдиться собственнаго своего бытія и даже сожалѣть о своемъ провѣщеніи, раздражающемъ только ихъ желанія

¹⁾ А. Кистяковскій. „О незаконнорожденныхъ“. Журн. Гражд. и Угол. Права 1880 г., кн. II.

²⁾ Полное собраніе законовъ 1820 г. № 23, 305.

³⁾ Названная „Историческая записка“, стр. 40.

и указывающѣмъ имъ мѣсто, къ коему они были рождены и воспитаны и коего, однакожъ, никогда занимать они не могутъ. Присоединить къ сему должно, что и въ самое среднее состояніе понесутъ они съ собою пятно общимъ мнѣніемъ на нихъ наложенное и не иначе, какъ актомъ усыновленія совершенно изгладиться могущее. *И все сіе должны они вытерпѣть безъ всякой вины и часто имѣя всѣ достоинства и права на уваженіе».*

Руководствуясь изложеннымъ воззрѣніемъ и желая установить въ видѣ общаго закона примѣнявшееся, какъ указано выше, въ широкихъ размѣрахъ узаконеніе по особой монаршей милости, Государственный Совѣтъ выработалъ въ 1801-мъ году проектъ, по которому узаконеніе внѣбрачныхъ дѣтей, родители коихъ вступили въ бракъ между собою, должно было дѣйствовать въ видѣ общаго закона. Это мнѣніе Государственного Совѣта, удостоившееся Высочайшаго утвержденія, любопытно въ томъ отношеніи, что для узаконенія внѣбрачныхъ дѣтей приходилось обращаться къ обоимъ способамъ, установленнымъ Юстиніаномъ, т. е. и *subsequens matrimonium* и *rescriptum principis*. Просьбы объ узаконеніи подавались на Высочайшее Имя, вносились въ Государственный Совѣтъ и по удостовѣреніи въ томъ, что бракъ состоялся между родителями дѣтей, послѣдніе узаконялись.

Къ сожалѣнію проектъ гражданскаго уложенія, въ который должно было войти и приведенное мнѣніе Государственного Совѣта, не получилъ законодательной санкціи, а вслѣдствіе этого и самое мнѣніе Государственного Совѣта осталось въ видѣ отдѣльной мѣры, и не разсматривалось какъ общій законъ¹⁾.

¹⁾ Б. Дылевскій, „объ узаконеніи дѣтей, прижитыхъ внѣ брака“, стр. 16.

Поэтому, когда въ концѣ 20-хъ годовъ наступила общая реакція, то и законодательство о незаконнорожденныхъ получило другое направленіе. Высочайшимъ указомъ, объявленнымъ статсъ-секретарю у принятія прошеній 28 января 1829 года, велѣно было всё приносимыя Его Величеству прошенія объ узаконеніи незаконнорожденныхъ дѣтей или воспитанниковъ, а также о сопрічисленіи къ законнымъ дѣтямъ рожденныхъ до брака съ настоящею женою, *оставлять безъ движенія, не внося даже въ комиссію прошеній.*

Законодательство этого времени коснулось и вопроса объ общественныхъ правахъ незаконнорожденныхъ, установивъ сначала, что пріемъ ихъ на гражданскую службу можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ по припискѣ ихъ къ податному сословію, полученіи затѣмъ увольненія изъ онаго и окончаніи курса въ соотвѣтственномъ учебномъ заведеніи, а затѣмъ и совершенно закрывъ для нихъ возможность какъ поступленія на государственную службу, такъ и посѣщенія училищъ, гимназій и тому подобныхъ заведеній.

Несмотря на приведенное категорическое воспрещеніе закона принимать прошенія объ узаконеніи незаконнорожденныхъ, ходатайства объ этомъ не прекращались и многія изъ нихъ имѣли успѣхъ. Въ борьбѣ закона съ жизнью жизнь снова взяла верхъ и въ 1858 году Канцелярія Втораго Отдѣленія составила проектъ *секретнаго* наставленія статсъ-секретарю у принятія прошеній для руководства при разсмотрѣніи просьбъ объ усыновленіи и узаконеніи незаконнорожденныхъ. Наставленіемъ этимъ опредѣлено было между прочимъ: приступать къ разсмотрѣнію сихъ просьбъ не иначе, какъ по испрошеніи на то предварительнаго Высочайшаго повелѣнія; при разсмотрѣніи сихъ просьбъ обращать особенное вниманіе на заслуги, оказанныя просителемъ или тѣми его дѣтьми, ко-

торыхъ онъ желаетъ узаконить, а заключеніе вмѣстѣ съ собранными свѣдѣніями снова представлять на Высочайшее усмотрѣніе.

Но даже и въ такомъ, уже смягченномъ видѣ, запрещеніе усыновлять своихъ воспитанниковъ и узаконять добрачныхъ дѣтей, не имѣло силы: просьбы о такомъ узаконеніи постоянно подавались въ значительномъ количествѣ, и Верховная Власть, сама сознавая всю несправедливость этого запрещенія, дѣлала частыя отъ него отступленія. Тѣмъ не менѣе неудобства такого порядка были очевидны и въ 1881 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе, объявленное статсъ-секретаремъ у принятія прошеній, о пересмотрѣ правилъ секретнаго наставленія 1858 года объ узаконеніи добрачныхъ дѣтей, путемъ послѣдующаго брака ихъ родителей.

Выработанный согласно этому повелѣнію Министерствомъ Юстиціи проектъ какъ по этому предмету, такъ и по вопросу объ усыновленіи внесенъ былъ въ Государственный Совѣтъ въ 1890 году и съ небольшими измѣненіями получилъ силу закона въ видѣ правилъ 12 марта 1891 года.

Какъ нетерпѣливо ожидалось обществомъ измѣненія въ существовавшихъ положеніяхъ о незаконнорожденныхъ, какой насущной потребности призваны были удовлетворять новыя правила 12 марта 1891 года, можно судить по вступительнымъ словамъ объяснительной записки Государственнаго Совѣта, составленной при разсмотрѣніи названнаго проекта Министерства Юстиціи. «Соединенные департаменты, — читаемъ мы въ этой запискѣ, — гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, законовъ и государственной экономіи... *единодушно приветствовали* настоящій проектъ Министерства Юстиціи, стремящейся исправить судьбу дѣтей, несчастныхъ по своему рожденію. Проникнутыя заботою о семь челоѣколюбивыя пред-

положенія министерства юстиціи раздѣляются и всѣми прочими соображавшими сіе дѣло вѣдомствами».

IV.

Со времени изданія означенныхъ выше правилъ 12 марта 1891 года положеніе незаконнорожденныхъ по нашему праву представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Нормальнымъ способомъ введенія незаконнорожденного въ семью его является узаконеніе послѣдующимъ бракомъ его родителей. Узаконеніе дѣтей происходитъ при этомъ помимо воли какъ родителей, такъ и дѣтей, и связано непосредственно съ бракомъ ихъ родителей. Постановляемое о семьѣ опредѣленіе суда *удостоверяетъ* лишь *происшедшее* узаконеніе, и вовсе его не производитъ, что видно между прочимъ и изъ того, что узаконенныя дѣти почитаются законными со дня вступленія ихъ родителей въ бракъ и пользуются съ этого времени всѣми правами законныхъ дѣтей, отъ сего брака рожденныхъ.

Просьбы объ узаконеніи дѣтей подаются окружному суду по мѣсту постоянного жительства родителей ребенка или сего послѣдняго; причемъ подача этихъ просьбъ черезъ повѣренныхъ не допускается (ст. 1460¹ уст. гр. суд.). При просьбѣ должны быть представлены: письменное заявленіе отца и матери о томъ, что ребенокъ происходитъ отъ нихъ, и метрическія свидѣтельства о рожденіи ребенка и о бракѣ родителей. Впрочемъ практика, истолковывая этотъ законъ въ благоприятномъ для узаконяемыхъ смыслѣ, допускаетъ и всякія другія доказательства признанія родителями ребенка своимъ, не исключая даже частной переписки и свидѣтельскихъ показаній. По узаконеніи ребенка, вмѣсто прежняго метрическаго

свидѣтельства выдается отъ суда другое свидѣтельство, въ коемъ уже нѣтъ указаній на незаконнорожденность ребенка.

Но приведенный способъ узаконенія доступенъ, однакоже, не всѣмъ и не по отношенію ко всѣмъ незаконнорожденнымъ дѣтямъ. Такъ, прежде всего узаконеніе послѣдующимъ бракомъ возможно только для лицъ, исповѣдующихъ одну изъ христіанскихъ религій. Ст. 144¹ т. X, ч. 1 начинается словами: «для христіанскаго населенія постановлены слѣдующія правила о дѣтяхъ узаконенныхъ»¹). Такимъ образомъ для евреевъ, магометанъ и другихъ иновѣрцевъ этотъ нормальный способъ узаконенія недоступенъ и имъ остается по прежнему единственный путь—обращеніе къ монаршей милости. Что касается раскольниковъ, то, такъ какъ они принадлежатъ къ христіанскому населенію, надо считать, что узаконеніе добрыхъ дѣтей имъ разрѣшено.

Разрѣшая узаконять дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, правила 12 марта дѣлаютъ исключеніе для дѣтей, происшедшихъ отъ прелюбодѣяній.

Соображенія, которыя послужили основаніемъ къ такому исключенію, сводятся къ тому, «что узаконеніе послѣдующимъ бракомъ теоретически находитъ себѣ оправданіе лишь въ томъ предположеніи, что во время зачатія ребенка союзъ родителей имѣлъ всѣ внутреннія свойства семьи, всѣ необходимыя условія для освященія сего союза именемъ церкви и закона: правоспособность сторонъ ко вступленію въ супружество и искреннее ихъ на то согласіе. Наличие перваго удостоверяется несуществованіемъ въ то время законныхъ препятствій къ заключенію сторонами брака, фактическимъ

¹) Въ проектѣ Министерства Юстиціи не было этого ограниченія и оно внесено Государственнымъ Совѣтомъ.

доказательствомъ второго—послѣдующее вступленіе между собою въ супружество родителей ребенка. При отсутствіи же какъ самаго брака, такъ и несомнѣннаго удостовѣренія въ нравственныхъ свойствахъ существовавшихъ между упомянутыми родителями отношеній, едва-ли представлялось-бы возможнымъ для такихъ случаевъ внѣбрачнаго рожденія постановить въ законѣ какое либо общее и постоянное правило, которое бы, вводя рожденныхъ внѣ брака лицъ въ права законныхъ дѣтей, не колебалось-бы тѣмъ самымъ въ общественномъ сознаніи высокаго значенія и святости брачнаго обряда» ¹⁾).

Такимъ образомъ чрезмѣрная заботливость о святости брачнаго обряда и опасеніе нанести ему какой-либо ущербъ послужили основаніемъ къ оставленію дѣтей, явившихся послѣдствіемъ прелюбодѣянія, въ прежнемъ положеніи, которое, по собственному сознанію Государственнаго Совѣта, не можетъ быть признано нормальнымъ по современнымъ условіямъ общественнаго и государственнаго быта. Не надо забывать при этомъ, что всѣ тѣ соображенія, которыя приводятся въ защиту незаконорожденныхъ и которыми руководился законъ при изданіи правилъ 12 марта 1891 г., примѣнимы одинаково и къ дѣтямъ прелюбодѣйнымъ. Невинность самихъ дѣтей въ появленіи ихъ на свѣтъ, разрывъ самую природою установленной кровной связи между родителями и дѣтьми и т. д. — всѣ эти соображенія говорятъ въ пользу облегченія участи и этихъ дѣтей; это тѣмъ болѣе необходимо сдѣлать, что съ одной стороны, усыновленіе собственныхъ незаконныхъ дѣтей по прежнему осталось закрытымъ для всѣхъ сословій, кромѣ крестьянъ, а съ

¹⁾ Представленіе Мин. Юст. за № 411 стр. 24.

другой стороны, не только лучшіе западноевропейскіе кодексы, но и дѣйствующіе у насъ въ губерніяхъ Остзейскихъ и Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ устраняютъ всякое различіе въ правахъ между дѣтьми, происшедшими отъ сожитія неженатаго съ незамужнею и рожденными отъ прелюбодѣйной связи.

За выдѣленіемъ дѣтей, которыя узаконены послѣдующимъ бракомъ ихъ родителей и отношенія которыхъ къ родителямъ ничѣмъ не отличаются отъ отношеній законныхъ дѣтей къ ихъ родителямъ, остаются еще цѣлыя категоріи лицъ, признаваемыхъ незаконными, положеніе которыхъ представляется въ нашемъ правѣ въ высшей степени тяжелымъ. Законъ отрицаетъ въ принципѣ всякое родство ихъ не только съ отцомъ, но и съ матерью, не говоритъ ничего о родительской власти, отрицаетъ всякое право на наслѣдованіе. «Незаконныя дѣти, — говоритъ статья 136, т. X ч. I, — хотя-бы они и были воспитаны тѣми, которые именуются ихъ родителями, не имѣютъ права на имя фамиліи отца и законное послѣ него или послѣ матери своей въ имуществѣ наслѣдство». Даже элементарная обязанность отца давать содержаніе незаконнымъ дѣтямъ неизвѣстно нашему закону, какъ общее правило, которое вытекало-бы изъ кровной связи между родителями и дѣтьми. Частные случаи такой обязанности касаются лишь тѣхъ дѣтей, которыя явились послѣдствіемъ изнасилованія, обмана или принужденія къ заключенію брака, признаннаго впоследствии недействительнымъ (ст. 663 и 666 т. X, ч. I). Если мы прибавимъ къ этимъ двумъ постановленіямъ упомянутую ранѣе ст. 994 Улож. о Наказ., по которой, въ случаѣ противозаконнаго сожитія неженатаго съ незамужнею, по взаимному ихъ согласію, когда послѣдствіемъ такой порочной жизни было рожденіе младенца, отецъ обязанъ, сообразно съ состояніемъ своимъ, обезпечить

приличнымъ образомъ содержаніе младенца и матери, то мы исчерпаемъ весь законодательный матеріалъ по вопросу объ отношеніяхъ родителей къ незаконнымъ дѣтямъ. Но очевидно, что постановленія эти представляются крайне недостаточными уже по одному тому, что гражданская мѣра, въ нихъ предусмотрѣнная — обязанность давать содержаніе прижитымъ дѣтямъ, — можетъ явиться послѣдствіемъ лишь уголовного обвиненія, доступнаго еще матери незаконнорожденнаго, но совершенно невозможнаго для послѣдняго. Правда, что ст. 133, т. X ч. I, предусматриваетъ возможность обращенія къ монаршей милости съ просьбою о признаніи права законныхъ дѣтей за такими дѣтьми, которыя родились отъ брака, хотя и совершеннаго съ запискою въ метрическія книги, но признаннаго незаконнымъ и недѣйствительнымъ. Но очевидно, что мѣра эта представляется исключительною и возможность примѣненія ея весьма ограничена.

Если на отца законъ все-таки налагаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ обязанность давать незаконнорожденнымъ дѣтямъ содержаніе, то о правахъ незаконнорожденныхъ по отношенію къ матери наши законы совершенно умалчиваютъ. Подобное положеніе вещей, какъ указано выше, не встрѣчается болѣе ни въ одномъ законодательствѣ западной Европы, а также неизвѣстно уже и нашимъ окраинамъ, гдѣ родители обязаны давать содержаніе и воспитаніе незаконнымъ своимъ дѣтямъ, подъ угрозою предъявленія къ нимъ о семъ требованія въ судебномъ порядкѣ.

Законъ 12 Марта 1891 года внесъ то нововведеніе, что родители происшедшихъ отъ недѣйствительнаго брака дѣтей подчиняются, до совершеннолѣтія сихъ послѣднихъ, обязанностямъ, опредѣленнымъ въ ст. 172 т. X ч. I, т. е. должны давать своимъ дѣтямъ пропитаніе, одежду и воспитаніе. Но

при этомъ не указано, однакоже, кто обязанъ и вправѣ заботиться объ исполненіи родителями этой обязанности, въ случаѣ, если они уклоняются, а кромѣ того закономъ этимъ обнимаются далеко не всѣ незаконныя дѣти.

Умаленія правъ незаконнорожденныхъ не ограничиваются у насъ областью правъ гражданскихъ, а распространяются и на права государственной службы. По закону (ст. 12 уст. о сл. гр. изд. 1876) «подкидыши, непомнящіе родства и незаконнорожденные, хотя бы они воспитаны были дворянами, тогда только могутъ быть принимаемы въ гражданскую службу, когда, бывъ записаны сперва въ податное состояніе и изъ онаго законнымъ образомъ исключены, окончатъ курсъ ученія въ которомъ либо изъ учебныхъ заведеній, дающихъ на основаніи сего устава право на вступленіе на службу». Законъ озаботился, впрочемъ, чтобы даже, при соблюденіи всѣхъ этихъ условій, незаконнорожденные не сравнивались вполне съ законными дѣтьми, и въ ст. 93 того же устава о службѣ гражданской установлено, что окончившіе курсъ ученія безъ права на классный чинъ воспитанники гимназій изъ пансіонеровъ приказовъ общественнаго призрѣнія и сиротскихъ домовъ, могутъ быть опредѣлены въ канцелярскіе служители, хотя бы кто по званію своему не имѣлъ на то право, *за исключеніемъ однако воспитанниковъ изъ незаконнорожденныхъ или неизвѣстнаго происхожденія*. «Такимъ образомъ, — говоритъ по этому поводу упомянутая записка Государственнаго Совѣта (стр. 4), — для лицъ уже лишенныхъ, хотя и не по своей винѣ, естественной защиты и покровительства семьи, почти закрывается доступъ и въ среду общества, затрудняется возможность даже своими личными качествами смыть пятно рожденія своего».

Къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что существенное

отличіе въ правахъ законныхъ и незаконнорожденныхъ дѣтей проявляется и въ вопросѣ о правахъ состоянія и правѣ на фамилію. По общему началу законныя дѣти слѣдуютъ состоянію отца. Потомственный дворянинъ сообщаетъ состояніе свое всѣмъ его дѣтямъ, точно такъ же, какъ и потомственный почетный гражданинъ. Дѣти личныхъ дворянъ имѣютъ право на причисленіе къ потомственному почетному гражданству, а дѣти личныхъ почетныхъ гражданъ причисляются къ городскимъ обывателямъ. При этомъ лишеніе правъ состоянія не распространяется ни на дѣтей рожденныхъ, ни на зачатыхъ до осужденія (т. IX ст. 39, 502, 536, 537 и 767). Въ противоположность этому, незаконнорожденные дѣти не пользуются никакими правами состоянія ни своего отца, ни своей матери и причисляются всегда къ податному состоянію (т. IX ст. 522). Также не имѣютъ они права и на фамилію отца (т. X ч. I ст. 136). Впрочемъ, такъ какъ фамильное прозвище имѣетъ у насъ значеніе главнымъ образомъ въ высшихъ сословіяхъ—дворянствѣ и почетномъ гражданствѣ, незаконнорожденнымъ же права этихъ сословій не доступны, то и лишеніе ихъ права на фамилію отца, въ сущности говоря, особаго практическаго значенія не имѣетъ.

Потребности практической жизни, чувство справедливости и явно ненормальное положеніе незаконнорожденныхъ вынуждали и вынуждаютъ признавать извѣстную кровную и родственную связь между незаконнорожденнымъ и его родителями, несмотря на категорическое отрицаніе такого родства со стороны закона. Судебная практика столкнулась напр. съ вопросомъ о томъ, могутъ ли незаконныя дѣти быть отведены отъ свидѣтельства по дѣламъ ихъ родителей, и сенатъ нашелъ, что, хотя законъ не признаетъ юридической связи незаконныхъ дѣтей съ родителями, но изъ сего не слѣдуетъ,

чтобы законъ отвергалъ и всякую естественную между ними связь, когда она не подлежитъ сомнѣнiю или признается самими родителями. А такъ какъ отводъ свидѣтеля установленъ въ виду сомнѣнiя въ безпристрастiи его показанiя, то слѣдуетъ допускать такой отводъ и въ разсматриваемомъ случаѣ¹⁾).

Понятно, однакоже, что такими отдѣльными рѣшенiями не можетъ существенно улучшиться положенiе незаконнорожденныхъ, тѣмъ болѣе, что не всегда судебная практика идетъ по одному направленiю и нерѣдко она же еще усиливаетъ безправность незаконнорожденныхъ. Состоявшимся напр. въ послѣднiе дни рѣшенiемъ Сената по дѣлу Пакутиной²⁾ отвергается право незаконнорожденного на полученiе вознагражденiя за смерть его отца, причиненнаго по винѣ желѣзной дороги, несмотря на то, что отецъ признавалъ незаконнорожденного своимъ ребенкомъ и содержалъ его на свои средства. Въ этомъ рѣшенiи, какъ и во многихъ другихъ, Сенатъ исходитъ изъ того начала, что между незаконнорожденнымъ и его отцомъ не существуетъ родственной связи. Между тѣмъ начало это представляется не только несправедливымъ и неестественнымъ, но прямо невѣрнымъ, ибо, исходя изъ него, слѣдовало бы допустить, что отецъ имѣетъ право жениться на своей незаконнорожденной дочери.

Закономъ 12 марта 1891 года наше право сдѣлало первый шагъ къ сближенiю съ началами, выработанными лучшими кодексами Западной Европы. Будемъ надѣяться, что оно на этомъ шагѣ не остановится, и что сословные предразсудки и формальная мораль, нечуждая фарисейства, уступятъ скоро свое мѣсто чувству справедливости и гуманности.

¹⁾ Рѣшенiе Гражд. Кас. Дел. 1872 г., № 686.

²⁾ Журн. Мин. Юст. 1896 г., кн. I, статья К. Змирова.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Усыновленіе.

Отношенія, аналогичныя тѣмъ, которыя существуютъ между родителями и дѣтьми, устанавливаются не только естественнымъ путемъ рожденія, но и искусственнымъ путемъ *усыновленія*. Самое названіе этого института показываетъ, что онъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ случаи присоединенія одного лица къ другому въ качествѣ его сына. Объясненіе этому кроется въ той цѣли, которую первоначально преслѣдовало усыновленіе. Оно являлось чрезвычайно важнымъ религіознымъ установленіемъ, имѣвшимъ въ виду поддержаніе культа предковъ, давая возможность лицамъ, лишеннымъ собственныхъ потомковъ мужскаго пола, получать послѣ смерти жертвоприношенія. А такъ какъ поддержаніе семейной святыни и почитаніе предковъ лежало исключительно на лицахъ мужскаго пола, то только эти лица и могли быть введены въ чужую семью въ качествѣ усыновленныхъ дѣтей. Съ такимъ именно характеромъ усыновленія мы встрѣчаемся у римлянъ. У послѣднихъ усыновленіе отличалось еще тою особенностью, что имъ, съ одной стороны, совершенно уничтожалась всякая связь между усыновляемымъ и прежнею его семьею, вслѣдствіе чего усыновленію всегда предшествовала эмансипація усыновляемаго, т. е. выходъ его изъ прежняго

дома и освобожденіе отъ прежней власти и прежней домашней святыни, а съ другою стороны, усыновляемый входилъ въ новую семью въ качествѣ замѣняющаго естественнаго сына и пользовался всеми правами, принадлежащими этому послѣднему. Въ позднѣйшее время, когда религіозныя начала въ римской жизни ослабли, усыновленіе служило уже не столько поддержанію религіознаго семейнаго культа, сколько стремленію сохранить отъ вымирания знатныя патриціанскія фамиліи путемъ искусственнаго пополненія и обновленія ихъ изъ среды низшаго сословія.

Въ наше время религія не играетъ уже при усыновленіи никакой роли, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ побудительнаго стимула.

Усыновленіе имѣетъ свою цѣлью частью искусственное поддержаніе извѣстныхъ родовъ, которые безъ этого вымерли бы, частью вызывается экономическими соображеніями (преимущественно въ купеческой и крестьянской средѣ), потребностью нахожденія въ семьѣ лица мужскаго пола, которому можно было-бы передать веденіе торговли или хозяйства и отбываніе повинностей, но главнымъ образомъ имѣетъ назначеніемъ доставить родителямъ, не имѣющимъ собственныхъ дѣтей, возможность излить на чужихъ дѣтей родительскія чувства и находить въ нихъ ту утѣху и радость, которыхъ усыновители лишены за неимѣніемъ собственныхъ дѣтей¹⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ усыновленіе не создаетъ въ наше время отношеній, вполне тождественныхъ съ отношеніями, возникающими изъ естественнаго рожденія. Усыновляемый не прерываетъ вовсе своей связи съ прежнею своею семьею и кровными своими родственниками. По общему

¹⁾ К. Шматковъ. Узаконеніе и усыновленіе дѣтей. Спб. 1894 г. стр. 98.

началу, выраженному и въ нашихъ гражданскихъ законахъ (ст. 156 т. X ч. 1). усыновленный сохраняетъ право наслѣдованія по закону послѣ своихъ родителей и ихъ родственниковъ. Права состоянія усыновленного остаются прежнія, принадлежавшія ему до усыновленія. Съ другой стороны и въ новой семьѣ усыновленный не вполнѣ замѣняетъ естественнаго ребенка. Отношенія quasi-родительскія устанавливаются лишь между усыновленнымъ и его усыновителемъ и не распространяются на другихъ родственниковъ послѣдняго; поэтому, напримѣръ, усыновленіе не служитъ такимъ препятствіемъ къ браку, какъ кровное родство. Въ порядкѣ наслѣдованія это различіе идетъ еще далѣе: по нашему закону наслѣдственные права усыновленныхъ дѣтей не распространяются на родовыя имущества, на пенсію и на пособія за службу усыновителя (т. X ч. 1 ст. 156²), а по отношенію къ родственникамъ усыновителя усыновленный наслѣдуетъ только тогда, когда имѣетъ на это право по законному съ ними родству (тамъ-же, ст. 156³).

Имѣя своею цѣлью, какъ указано выше, замѣну для бездѣтныхъ людей недостающаго имъ потомства, усыновленіе допускается лишь при наличности извѣстныхъ условій, направленныхъ какъ къ устраненію возможности злоупотребленія и эксплуатаціи личности и имущества усыновляемаго, такъ и недопущенію отношеній quasi-родительскихъ тамъ, гдѣ это представляется неестественнымъ или недопустимымъ по соображеніямъ религіознаго, политическаго или нравственнаго свойства.

Такъ, прежде всего для возможности усыновленія необходимо, чтобы желающій усыновить былъ человекъ бездѣтный и по сану своему не обреченъ на безбрачіе. При этомъ безразлично, бездѣтенъ-ли усыновитель потому, что онъ холостъ, или потому, что бракъ его остался неплодоноснымъ, или же

дѣти его умерли и т. п. Но человекъ, имѣющій собственныхъ дѣтей, все равно законныхъ или узаконенныхъ, не можетъ усыновлять чужихъ. Точно также не можетъ усыновлять чужихъ дѣтей тотъ, кто лишенъ права вступать въ бракъ (напримѣръ, священники католической церкви). Если усыновленіе производится однимъ изъ супруговъ, то обыкновенно требуется согласіе другого супруга. Таковы, напримѣръ, постановленія французскаго права (art. 343, 344) и дѣйствующаго русскаго законодательства (ст. 150 т. X, ч. I). Другія законодательства (главнымъ образомъ германскія) обязываютъ только жену испрашивать согласія другого супруга на усыновленіе. Усыновитель, далѣе, долженъ быть самъ по себѣ старше извѣстнаго возраста и, кромѣ того, старше усыновляемаго на опредѣленное количество лѣтъ. Смысль этого постановленія заключается въ томъ, что усыновленіе допускается лишь въ случаяхъ невозможности для усыновляющаго рассчитывать на рожденіе собственныхъ дѣтей. Поэтому, если человекъ находится въ такомъ возрастѣ, что можетъ имѣть собственныхъ дѣтей, усыновленіе чужихъ должно быть для него закрыто. Такъ именно объясняютъ это условіе комментаторы западно-европейскихъ гражданскихъ кодексовъ (австрійскаго, прусскаго, французскаго), постановляющихъ, что усыновитель долженъ быть не моложе 50-ти лѣтъ. Нашъ законъ значительно отступаетъ въ этомъ отношеніи отъ названныхъ кодексовъ, опредѣляя этотъ возрастъ въ 30 лѣтъ. Очевидно, что приведенное выше соображеніе не раздѣляется нашимъ законодательствомъ, имѣющимъ въ виду лишь опредѣлить такой возрастъ для усыновителя, который обезпечиваетъ сознательное и обдуманное принятіе на себя связанныхъ съ усыновленіемъ обязанностей. По нашему праву, какъ и по австрійскому, усыновитель долженъ быть старше усыновляемаго по

крайней мѣрѣ на 18 лѣтъ, по французскому лишь на 15, а въ прусскомъ вовсе нѣтъ этого ограниченія.

Хотя усыновленіе, какъ указано выше, и не разрываетъ связи усыновляемаго съ кровными его родственниками, но такъ какъ усыновляемый выходитъ изъ подъ власти законныхъ своихъ родителей и вступаетъ во власть посторонняго лица, то для этого событія нужно согласіе родителей усыновляемаго, а въ случаѣ ихъ отсутствія, лишенія правъ и т. п., — согласіе его опекуновъ и попечителей (ст. 148). При этомъ въ законѣ не сдѣлано изъятія и для дѣтей, достигшихъ совершеннолѣтія. Такъ какъ по нашимъ законамъ власть родительская простирается на дѣтей всякаго возраста, то очевидно, что согласіе родителей на усыновленіе необходимо даже въ тѣхъ случаяхъ, когда усыновляемый достигъ уже совершеннолѣтія. Начиная съ четырнадцатилѣтняго возраста необходимо согласіе самаго усыновляемаго (тамъ же). Если усыновляемый незаконнорожденный и не узаконенный, то для усыновленія его кѣмъ-либо необходимо согласіе его матери.

Другое важное условіе для усыновленія, которое можно считать общимъ всѣмъ законодательствамъ, заключается въ разрѣшеніи и утвержденіи надлежащей правительственной власти. Французское право наиболѣе строго въ этомъ отношеніи: оно требуетъ предварительнаго разсмотрѣнія вопроса объ усыновленіи мировымъ судьей и затѣмъ утвержденія суда первой степени. У насъ разсмотрѣніе этого вопроса возложено было до изданія закола 12 марта 1891 г. на различныя учрежденія, смотря по тому, къ какому сословію принадлежали усыновитель и усыновленный. Усыновленіе православными священнослужителями и церковными причетниками (дьячками, пономарями и псаломщиками) производилось съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея (ст. 151 т. X ч. 1). Просьбы объ усы-

новленіи подавались въ Губернскія Правленія, постановленія которыхъ восходили на утвержденіе Сената. Въ такомъ же порядкѣ происходило усыновленіе у личныхъ дворянъ, съ тѣмъ, конечно, отличіемъ, что не требовалось предварительнаго разрѣшенія епархіальнаго архіерея. Просьбы объ усыновленіи купцами разсматривались мѣстными Казенными Палатами, постановленія которыхъ шли черезъ Губернатора на утвержденіе Сената.

Законъ 12 марта 1891 г. внесъ существенное измѣненіе въ этотъ порядокъ, установивъ, что просьбы объ усыновленіи должны быть подаваемы въ Окружный Судъ по мѣсту жительства усыновителя или усыновляемаго. Судъ, провѣривъ наличность законныхъ условій для усыновленія, постановляетъ о томъ свое опредѣленіе (ст. 1460²⁻⁹ Уст. Гр. Суд.). Прежній же порядокъ остался для крестьянъ и мѣщанъ, у которыхъ усыновленіе замѣняется припискою къ семейству усыновителя (ст. 155 т. X ч. 1).

Что касается потомственныхъ дворянъ, то до изданія закона 12 марта 1891 г. усыновленія въ собственномъ семейномъ смыслѣ для нихъ не существовало¹⁾. «Правила объ усыновленіи потомственными дворянами—сказано въ упомянутомъ выше представленіи Министра Юстиціи за № 411, — допуская усыновленіе только законныхъ и притомъ родственниковъ усыновителя, не имѣющаго ни потомковъ, ни сродниковъ мужскаго пола той же фамиліи, носятъ характеръ *исключительно генеалогическій*, имѣя и въ настоящее время, какъ и прежде, единственною цѣлью поддержаніе угасающаго рода въ высшемъ сословіи, и потому такое усыновленіе является совершенно независимымъ отъ усыновленія чисто семейнаго,

¹⁾ Шматовъ, и. с. стр. 69.

вызываемаго стремленіемъ закрѣпить силою закона существующія между опредѣленными лицами тѣсныя нравственныя узы, основанныя на кровной или иной связи. Нормированнаго положительнымъ закономъ способа указаннаго усыновленія потомственное дворянство не имѣло». Съ изданіемъ закона 12 марта 1891 года, усыновленіе въ смыслѣ семейномъ стало доступнымъ и для потомственныхъ дворянъ: ст. 145 т. X, ч. I, по продолженію 1891 года, дозволяетъ усыновленіе лицамъ всѣхъ состояній. При этомъ не требуется даже, чтобы усыновляемый и усыновитель принадлежали къ одному состоянію. Хотя по проекту Министерства Юстиціи мѣщанамъ и сельскимъ обывателямъ не дозволялось усыновлять лицъ, принадлежащихъ къ другимъ состояніямъ, но Государственный Совѣтъ не нашелъ основанийъ къ такому ограниченію. «Такъ какъ усыновляемый,—разсуждалъ Государственный Совѣтъ,—сохраняетъ сословныя права, принадлежавшія ему до усыновленія, то нѣтъ практическихъ основанийъ лишать мѣщанъ и сельскихъ обывателей права усыновленія лицъ, пользующихся правами другихъ состояній, тѣмъ болѣе, что сіи лица могутъ иногда найти въ такомъ усыновленіи не только матеріальную выгоду, но и нравственную поддержку».

Не усматривая такимъ образомъ препятствій къ усыновленію въ различіи состояній усыновителя и усыновляемаго, законъ нашъ видитъ его въ различіи вѣроисповѣданій. «Усыновленіе лицъ христіанскаго вѣроисповѣданія нехристіанами и сихъ послѣднихъ лицами христіанскаго вѣроисповѣданія воспрещается» (ст. 148 т. X, ч. I). Законъ не воспрещаетъ такимъ образомъ нехристіанамъ усыновлять своихъ единовѣрцевъ на общемъ основаніи. Другое ограниченіе, установленное примѣчаніемъ къ упомянутой 148-й статьѣ, воспрещаетъ лицамъ, принадлежащимъ къ раскольничьимъ и инымъ сек-

тамъ, усыновлять православныхъ. Въ связи съ этимъ надо отмѣтить запрещеніе скопцамъ принимать къ себѣ въ семейство, *подъ какимъ бы то видомъ ни было*, вообще чужихъ дѣтей (61 ст. устава о пред. и прес. прест. изд. 1890 г.).

Нѣкоторыя иностранныя законодательства (Французское, частью италіанское) выставляютъ еще одно условіе для усыновленія, а именно требуютъ, чтобы между усыновителемъ и усыновляемымъ существовали до усыновленія такія отношенія, которыя служатъ признакомъ взаимнаго добраго расположенія и любви. Такимъ признакомъ французскій кодексъ считаетъ нахожденіе усыновляемаго въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ подъ попечительствомъ усыновителя (*tutèle officieuse*) или спасеніе усыновителю жизни въ опасности. Условіе это, могущее служить обезпеченіемъ противъ злоупотребленія усыновленіемъ изъ какихъ-либо корыстныхъ или личныхъ видовъ, неизвѣстно нашему закону, разрѣшающему усыновлять какъ своихъ воспитанниковъ и пріемышей, такъ и всякихъ другихъ чужихъ дѣтей.

Мало этого. Законъ даже враждебно относится къ усыновленію нѣкоторыхъ лицъ, которыя состоятъ съ усыновителемъ въ особо близкой связи, а именно собственныхъ незаконнорожденныхъ дѣтей. Въ этомъ отношеніи законъ 12 марта 1891 г. не внесъ никакихъ перемѣнъ. А между тѣмъ соображенія, которыя приведены были въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта въ пользу допущенія усыновлять собственныхъ незаконнорожденныхъ дѣтей, представляются вполне разумными, практичными и убѣдительными. «Тѣсная связь между родителями и дѣтьми,—сказано въ журналѣ Госуд. Совѣта,— хотя бы прижитыми въ незаконномъ сожитіи, такъ велика, что на практикѣ постоянно возникаютъ ходатайства объ усыновленіи своихъ именно незаконнорожденныхъ дѣтей.

Никакое воспрещеніе закона не въ состояніи успѣшно противодѣйствовать этому стремленію, вопль естественному и *подастъ только поводъ къ обману всякаго рода*. Родители, скрывая истинное происхожденіе сына или дочери, всегда имѣютъ возможность обойти законъ и достигнуть нхъ усыновленія... Воспрещеніе усыновлять своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей вообще не можетъ быть признано справедливымъ. Но оно представляется, сверхъ того, и положительно вреднымъ. Незаконнорожденные, будучи лишены не только всѣхъ преимуществъ, которыя могли бы перейти къ нимъ отъ родителей, не имѣя даже семьи и родного крова и сохраняя на всю жизнь неизгладимое пятно своего происхожденія, должны съ особенною силою чувствовать всю горечь отчужденнаго отъ всѣхъ положенія своего, нисколько ими самими неза- служеннаго».

Соображенія эти не были, однако же, раздѣлены мини- стромъ юстиціи, который при выработкѣ правилъ 12 марта 1891 года руководствовался основаніями частью практиче- скаго свойства (обезпеченіе общественной нравственности и высокаго значенія брака), частью теоретическаго (стремле- ніе провести точныя грани между узаконеніемъ своихъ до- брачныхъ дѣтей и усыновленіемъ исключительно чужихъ дѣ- тей), а вслѣдствіе этого предложилъ воспретить лицамъ всѣхъ состояній, кромѣ мѣщанъ и крестьянъ, усыновлять своихъ соб- ственныхъ дѣтей. Въ этомъ смыслѣ и редактирована приве- денная выше ст. 145 т. X ч. 1.

Послѣдствіемъ усыновленія является выходъ устанавлие- маго изъ подъ отеческой власти своихъ естественныхъ роди- телей и вступленіе его подъ власть усыновителя или усыно- вителей (если усыновленіе производится супругами). Хотя отно- шенія, создающіяся между усыновляемымъ и его новою

семьею, какъ уже указано выше, не могутъ быть признаны тождественными съ отношеніями, существующими между естественными дѣтьми и ихъ родителями и родственниками, но отличіе это сказывается главнымъ образомъ въ правѣ наслѣдованія, а частью въ правахъ состоянія, если усыновитель принадлежитъ къ привилегированному сословію или вообще къ другому сословію, чѣмъ усыновляемый. Личныя же и имущественныя отношенія между родителями и дѣтьми примѣнимы вполне и къ отношеніямъ между усыновителями и усыновляемыми. Такъ смотритъ на этотъ вопросъ и наше законодательство, постановляющее, что усыновленный вступаетъ по отношенію къ усыновителю во всѣ права и обязанности законныхъ дѣтей, указанные въ статьяхъ 164—195 т. X ч. I (т.—же ст. 156¹). Такимъ образомъ усыновители имѣютъ право исправленія и наказанія усыновленныхъ, право направлять воспитаніе ихъ по своему усмотрѣнію, право на уваженіе и послушаніе, право управлять имуществомъ несовершеннолѣтнихъ въ качествѣ опекуновъ, право на пропитаніе и содержаніе и т. п. Съ другой стороны, усыновители *обязаны* давать усыновленнымъ пропитаніе, одежду и воспитаніе, доброе и честное, *обязаны* являться ихъ представителями на судѣ, *обязаны* заботиться объ опредѣленіи ихъ на службу, объ отдачѣ дѣвицъ замужъ и т. п. Льгота по семейному положенію, установленная примѣч. къ 45 ст. уст. о воин. пов., относящаяся къ сыновьямъ, примѣняется и къ пріемышамъ, если они усыновлены до 10-ти лѣтняго возраста. Пошлина съ имущества, переходящаго по наслѣдству къ усыновленному, взимается въ томъ же размѣрѣ, какъ съ родныхъ дѣтей и т. д.

Что же касается правъ состоянія усыновленнаго, то въ этомъ отношеніи наше законодательство, проникнутое нача-

ломъ сословности, значительно отстываетъ отъ западноевропейскаго права. Тамъ усыновленные дѣти, подобно законнымъ, получаютъ права усыновителя; у насъ же по общему началу усыновленный сохраняетъ права состоянія, принадлежавшія ему до усыновленія, и лишь усыновленные дворянами и потомственными почетными гражданами приобрѣтають усыновленіемъ личное почетное гражданство, если сами не принадлежать къ высшему сословію (ст. 153 и 154 т. X, ч. I). Передача усыновленному фамиліи усыновителя можетъ имѣть мѣсто, если усыновленный не пользуется большими правами состоянія, но дворянскія фамиліи могутъ передаваться не иначе, какъ съ Высочайшаго соизволенія, при условіяхъ, указанныхъ въ законахъ о состояніяхъ и по предварительномъ разсмотрѣніи прошеній о томъ въ Департаментѣ Герольдіи Сената и потомъ въ Государственномъ Совѣтѣ (ст. 152 т. X, ч. I; прилож. къ ст. 324 т. IX).

Представляя усыновленному право носить фамилію усыновителя, западноевропейскіе кодексы требуютъ, однако же, чтобы онъ носилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прежнюю свою фамилію. Постановленіе это нельзя не признать вполне разумнымъ. Не говоря уже о томъ, что усыновленный вовсе не прерываетъ своей связи съ прежнею семьею, сохраненіе прежней фамиліи весьма важно въ смыслѣ установленія тождества лица.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Прекращеніе и ограниченіе родительской власти. Защита дѣтей.

I.

Въ тѣ времена, когда родительская власть осуществлялась исключительно въ интересахъ родителей, когда она разсматривалась какъ право надъ дѣтьми, ничѣмъ не отличавшееся отъ права его надъ рабами и надъ тѣлесными вещами, она была вѣчна и безконечна. Такою она представляется, напр., въ древнемъ римскомъ правѣ «Отцовская власть не имѣетъ ни начала, ни конца», говоритъ одинъ изъ романистовъ относительно *patria potestas* у римлянъ ¹⁾,— *ни начала*, потому что съ момента перваго движенія ребенка въ утробѣ матери, онъ зависитъ отъ отца, который можетъ прибѣгнуть къ изгнанію плода, *ни конца*—потому что ни возрастъ, ни женитьба, ни достиженіе высшихъ государственныхъ должностей не избавляютъ его отъ подчиненія своему отцу». Связанное съ коренными правами римскаго гражданина, отцовская власть могла прекратиться или подвергнуться ограниченію лишь въ случаѣ потери гражданскихъ правъ. Интересы дѣтей не играли при этомъ никакой роли: хорошо-ли воспитывалъ отецъ дѣтей своихъ, или худо, воспитывалъ-ли онъ ихъ вообще, или вовсе

¹⁾ Л. Загурскій, н. с. стр. 4.

пренебрегалъ этою обязанностью, способенъ-ли онъ былъ дать своимъ дѣтямъ надлежащее воспитаніе, или нѣтъ— всѣ эти вопросы отнюдь не беспокоили древняго римлянина. Освобожденіе ребенка отъ этой неограниченной власти родителей могло имѣть мѣсто только путемъ эмансипаціи, посредствомъ трехкратной продажи отцомъ сына *trans Tiberim*, но и это право дѣтей появилось лишь съ изданіемъ законовъ XII таблицъ и не было извѣстно болѣе древнему праву.

Такой порядокъ вещей, какъ указано было ранѣе, держался очень упорно и весьма медленно подвергался измѣненіямъ. Но во времена Юстиніана мы находимъ уже постановленіе, что въ случаѣ, если отецъ, забывая свои обязанности относительно своихъ дѣтей, примѣняетъ дисциплинарныя мѣры не въ интересахъ воспитанія дѣтей, то дѣти могутъ быть эмансипированы противъ воли родителей. Постановленіе это является выраженіемъ другого взгляда на отцовскую власть, очень медленно проникавшаго въ жизнь посредствомъ преторскихъ эдиктовъ.—взгляда, по которому отцовская власть обусловливается беззащитностью ребенка, его неопытностью и необходимостью воспитанія, и только въ этихъ предѣлахъ можетъ быть оправдываема. Отсюда вытекаютъ два важныхъ послѣдствія. Разъ отцовская власть существуетъ въ интересахъ дѣтей, то очевидно, что коль скоро дѣти не нуждаются уже въ опорѣ, защитѣ, замѣнѣ или дополненіи своей юридической личности, эта власть должна прекращаться. Прекращеніе этой власти не означаетъ вовсе, чтобы родители и дѣти стали съ этого времени чужими: кровное родство и связанная съ нимъ нравственная близость, любовь и почтеніе продолжаютъ свое дѣйствіе и послѣ; прекращается лишь та зависимость и ограниченность въ правахъ дѣтей, которыя вызываются состояніемъ подъ родительскою властью.

Не менѣе важно и другое послѣдствіе. Считая, что родительская власть имѣть своимъ назначеніемъ обезпечить ребенку надлежащее воспитаніе и дать ему опору и помощь, нужно признать, что власть эта неумѣстна въ томъ случаѣ, когда она не удовлетворяетъ своему назначенію. Если вмѣсто опоры и помощи родители представляютъ для дѣтей источникъ порчи и нравственной заразы, развращая и эксплуатируя дѣтей и вообще оказываясь негодными направлять ихъ на надлежащій путь, ихъ власть должна быть ограничена, а ихъ права въ связи съ соединенными съ ними обязанностями должны быть перенесены на другихъ, способныхъ замѣнить дѣтямъ родителей.

Какъ ни просты высказанные взгляды, какъ ни согласны они съ современными представленіями о родительской власти, тѣмъ не менѣе они только въ самые послѣдніе, такъ сказать, дни получили нѣкоторое практическое примѣненіе въ западной Европѣ; наше же законодательство до сихъ поръ еще не прониклось этими воззрѣніями и необходимость ограниченія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и совершеннаго устраненія родительской власти составляетъ еще у насъ вопросъ будущаго.

Наиболѣе важною и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе частою причиною прекращенія родительской власти должно быть признано въ современныхъ законодательствахъ достиженіе дѣтми совершеннолѣтія. Къ этому времени воспитаніе дѣтей уже закончено, они становятся самостоятельными, дѣеспособными субъектами правъ и обязанностей, могутъ вступать въ обязательства, а слѣдовательно съ этого времени они не нуждаются уже въ родительской власти и послѣдняя можетъ, а потому и должна прекратиться.

Нашему праву этотъ естественный случай прекращенія родительской власти неизвѣстенъ. Хотя и у насъ обязанность родителей давать дѣтямъ пропитаніе и воспитаніе кончается

со вступленіемъ дѣтей въ совершеннолѣтіе, и тогда же прекращается и заступничество родителей за дѣтей въ случаѣ личной обиды послѣднихъ (т. X, ч. I ст. 175), а свобода распоряжаться имуществомъ и вступать въ обязательства приобретается по нашему праву не только съ достиженіемъ совершеннолѣтія, но въ извѣстной степени и ранѣе, — тѣмъ не менѣе въ вопросѣ о личной родительской власти этотъ моментъ не играетъ роли, такъ какъ личная родительская власть прекращается *единственно* смертью естественною или лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія (ст. 178 т. X ч. I).

Впрочемъ «почтеніе дѣтей къ памяти родителей должно продолжаться и по кончинѣ родителей», а лишеніе всѣхъ правъ состоянія влечетъ за собою прекращеніе родительской власти лишь въ томъ случаѣ, если дѣти не послѣдуютъ въ ссылку за своими родителями (т. же).

Такъ какъ законъ предоставляетъ на волю невиннаго супруга слѣдовать за виновнымъ, осужденнымъ къ лишенію всѣхъ правъ, или не слѣдовать, то онъ долженъ былъ опредѣлить при этомъ и участь дѣтей. На основаніи общихъ правилъ о порядкѣ слѣдованія семействъ за ссыльными, изданныхъ въ 1862 году и дополнительнаго къ нимъ указа 1869 г. ¹⁾, дѣти свыше 14-ти лѣтъ могутъ слѣдовать или не слѣдовать за родителями, по желанію. Дѣти же моложе 14-ти лѣтъ слѣдуютъ за родителями въ томъ случаѣ, если невинный супругъ послѣдовалъ за виновнымъ и родители пожелади взять дѣтей съ собою; въ противномъ же случаѣ дѣти остаются при томъ изъ родителей, который остался. Но если въ живыхъ одинъ только виновный или же оба супруга виновны, то дѣти остаются на мѣстѣ подъ опекою, *развѣ-бы губернаторъ при-*

¹⁾ К. Побѣдоносцевъ. Курсы т. II, стр. 173.

зналъ для дѣтей полезныя слѣдовать за родителями. Грудные же младенцы во всякомъ случаѣ слѣдуютъ за матерями ¹⁾).

На ряду съ прекращеніемъ родительской власти, вслѣдствіе достиженія дѣтми совершеннолѣтія, западно-европейское право знаетъ, во 1-хъ, искусственное освобожденіе дѣтей изъ подъ родительской власти путемъ эмансипаціи и, во 2-хъ, освобожденіе отъ родительской власти тогда, когда дѣти матеріально отдѣлились отъ родительскаго дома, приобрѣли себѣ хозяйство и имущество, которое ставитъ ихъ въ независимое положеніе. Первый способъ, ведущій свое начало изъ Рима, примѣняется законодательствами французскимъ, австрійскимъ и саксонскимъ и состоитъ въ томъ, что отецъ добровольнымъ актомъ отказывается отъ родительской власти надъ недостигшими еще совершеннолѣтія дѣтми и признаетъ послѣднихъ достаточно созрѣвшими для самостоятельной дѣятельности. Второй способъ, который можетъ быть названъ германскимъ, извѣстенъ законодательствамъ австрійскому, прусскому, баварскому и др. и видитъ основаніе для прекращенія родительской власти въ достиженіи дѣтми независимаго положенія. Выходъ дочери замужъ и женитьба сына, основывающаго свой домъ и свое отдѣльное хозяйство, являются наиболѣе характерными случаями прекращенія родительской власти по этому основанію.

Что касается *ограниченій* родительской власти, то они вызываются двоякаго рода основаніями: столкновеніемъ родительской власти съ другими властями и необходимостью въ защитѣ дѣтей отъ злоупотребленія со стороны родителей ихъ властью. Въ западно-европейскихъ законодательствахъ, какъ и

¹⁾ Т. XIV. Уст. о Ссылъ н. ст. 259—261.

въ нашемъ правѣ, власть и вліяніе родителей ограничивается съ поступленіемъ дѣтей въ общественное училище или на службу. Мотивы такого ограниченія изложены въ ст. 179 т. X, ч. I. «Личная родительская власть не прекращается, но ограничивается: 1) поступленіемъ дѣтей въ общественное училище, *начальство коего заступаетъ тогда по ихъ воспитанію мѣсто родителей*, 2) опредѣленіемъ дѣтей въ службу, когда, *вступая въ новыя отношенія и получая черезъ то новыя обязанности*, они не могутъ уже оставаться въ прежней непосредственной отъ родителей зависимости и 3) вступленіемъ дочерей въ замужество, *послику одно лицо двумъ неограниченнымъ властямъ, каковы родительская и супружеская, совершенно удовлетворить не въ состояніи*, и дочь, оставившая домъ свой и прилѣпившаяся къ мужу, не можетъ быть подвержена повиновенію родителей въ такой же мѣрѣ, какъ другія, находящіяся при нихъ дѣти». Упоминаемая въ этой статьѣ 3-я причина для ограниченія родительской власти—выходъ дочери въ замужество, въ иностранныхъ законодательствахъ считается, какъ указано выше, основаніемъ къ совершенному прекращенію родительской власти. Вступленіе же сына въ бракъ и основаніе имъ своего дома и своего отдѣльнаго хозяйства нисколько по нашему праву не ограничиваетъ родительской надъ нимъ власти, по крайней мѣрѣ въ области личныхъ отношеній.

II.

Еще рѣзче проявляется различіе между западно-европейскимъ правомъ и нашимъ въ вопросѣ объ ограниченіяхъ родительской власти въ интересахъ защиты дѣтей. Можно сказать, что на западѣ съ каждымъ днемъ эта защита стано-

вится все болѣе и болѣе дѣйствительною, ограждая дѣтей не только отъ злоупотребленій, но и вообще отъ власти родителей въ тѣхъ случаяхъ, когда она представляется для нихъ вредною. Стоитъ только сравнить положеніе этого вопроса въ настоящее время съ тѣмъ, какъ оно было лѣтъ 20—30 тому назадъ, и для всякаго станетъ ясно, какъ много выиграли за это время несчастныя дѣти и какъ горячо принялись тамъ за охрану и покровительство подростающаго поколѣнія. Въ наилучшей постановкѣ этого вопроса какъ-бы конкурируютъ между собою государства Западной Европы и участіе въ этомъ состязаніи принимаютъ и Америка и Австралія ¹⁾). При этомъ дѣло не ограничивается одною законодательною дѣятельностью, а дополняется учрежденіемъ различныхъ обществъ, энергично борющихся за права дѣтей и въ свою очередь оказывающихъ вліяніе на развитіе законодательства.

Первое мѣсто въ разсматриваемомъ вопросѣ занимаетъ Англія. Законодательная дѣятельность, начавшаяся въ 1866 году, получила дальнѣйшее развитіе въ законахъ 1872 года «объ охранѣ жизни младенцевъ», 1889 г. «о защитѣ дѣтей» и наконецъ 1892 года «о попечительствѣ надъ дѣтьми и объ исправительныхъ и ремесленныхъ школахъ». Законами этими расширена отвѣтственность лицъ, имѣющихъ попеченіе о ребенкѣ, возложена на родителей отвѣтственность за прошеніе дѣтьми милостыни, ограниченъ дѣтскій трудъ на улицахъ и въ увеселительныхъ заведеніяхъ и предоставлено благотворительнымъ учрежденіямъ право изыять дѣтей изъ родительской власти въ тѣхъ случаяхъ, когда власть эта оказывается

¹⁾ В. Сорокинъ. „Охрана Дѣтства“. СПБ. 1893 г. Свѣдѣніями, помѣщенными въ этой книгѣ, мы будемъ пользоваться при дальнѣйшемъ изложеніи настоящей главы.

для нихъ вредною. Изъятое при такихъ условіяхъ дитя можетъ быть возвращено родителю судомъ, которому предоставлено право и отказать родителю въ такомъ ходатайствѣ, и требовать отъ него представленія доказательствъ того, что онъ дѣйствительно можетъ воспитывать ребенка, какъ слѣдуетъ. При этомъ для прегражденія родителю возможности освободиться совершенно отъ естественной его обязанности воспитанія и свалить ее на общество, закономъ установлено, что родители, лишенные вслѣдствіе дурнаго поведенія своей власти надъ дѣтьми, обязаны все таки платить за ихъ содержаніе и воспитаніе.

Изъ многочисленныхъ благотворительныхъ школъ, убѣжищъ и обществъ, дѣйствующихъ въ Англіи, заслуживаютъ особеннаго вниманія существующее въ Лондонѣ уже болѣе 25-ти лѣтъ убѣжище Доктора Бернарда для покинутыхъ и больныхъ дѣтей и Національное Общество защиты дѣтей, цѣль котораго—предупрежденіе жестокаго обращенія, преступнаго нерадѣнія или чрезмѣрной эксплуатаціи дѣтей и вообще обузданіе и исправленіе недостойныхъ родителей.

Позднѣе на тотъ же путь вступила Франція. Добиться ограниченія родительской власти въ этой странѣ было труднѣе, чѣмъ въ Англіи, такъ какъ родительская власть въ ней до послѣдняго времени отличалась почти неограниченнымъ характеромъ. Достаточно вспомнить право родителей заключать своихъ дѣтей въ тюрьму и право ставить законныя препятствія ихъ браку, чтобы понимать, какихъ усилій стояло проведеніе закона 1889 г. «о покинутыхъ дѣтяхъ и о дѣтяхъ, съ которыми дурно обращаются родители». Законъ этотъ, обязанный своимъ возникновеніемъ необыкновенной энергіи сенатора Русселя, даетъ возможность суду лишать недостойнаго родителя его родительскихъ правъ и передать ихъ вре-

менно спеціальнымъ опекунамъ или благотворительнымъ учрежденіямъ. Этихъ учреждений существуетъ во Франціи весьма много и между ними наиболѣе обширнымъ, дѣятельнымъ и энергичнымъ является «Французскій союзъ защиты дѣтей» ¹⁾).

Аналогичныя постановленія мы встрѣчаемъ и въ другихъ законодательствахъ. Въ Бельгii спеціальныя законы о покровительствѣ дѣтямъ, изданный въ 1890 году, содержитъ въ себѣ подробныя указанія относительно лишенія родителей ихъ власти надъ дѣтьми и предупрежденія преступленій и проступковъ противъ нравственности дѣтей, между прочимъ суровостью наказаній и позоромъ гласнаго судопроизводства. Въ Пруссii на опекунскія учрежденія и суды возлагается обязанность рѣшать, какія мѣры нужно принять въ случаяхъ, когда родители дурно обращаются съ дѣтьми, научаютъ ихъ дурному или лишаютъ всего необходимаго, причемъ имъ предоставляется право передавать воспитаніе дѣтей постороннимъ лицамъ. Тѣже постановленія встрѣчаемъ въ законодательствахъ Венгрии, Голландii, Италii, Саксонii, Калифорнii, Сѣверной Америки, Австралii, Новой Зеландii и многихъ другихъ странъ.

Вопросы о защитѣ дѣтей, огражденіи ихъ отъ вреднаго вліянiя безнравственныхъ родителей и о лишеніи послѣднихъ ихъ власти имѣетъ въ западной Европѣ довольно богатую литературу и составляетъ предметъ обсужденія различныхъ обществъ, съѣздовъ и конгрессовъ. Изъ послѣднихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ международный конгрессъ, бывшій въ г. Антверпенѣ въ 1890 году, который подробно и всесторонне обсуждалъ, какимъ образомъ замѣнить малолѣтнимъ дѣтямъ ихъ порочныхъ, беззаботныхъ или отсутствующихъ родителей, не лишая въ то же время дѣтей столь необходимыхъ

¹⁾ Полное названіе этого общества—Union française pour la défense et la tutelle des enfants maltraités ou en danger moral.

для нихъ семейныхъ привязанностей ¹⁾). Резолюціи, принятія и одобренныя конгрессомъ, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ 8 положеніямъ: 1) лишенію родительской власти подлежатъ родители, осужденные за преступленія или проступки, опасныя для нравственности, безопасности или здоровья ребенка; 2) такому же лишенію власти могутъ подлежать родители, которые завѣдомо дурнымъ поведеніемъ, обычнымъ пьянствомъ, жестокимъ обращеніемъ или злоупотребленіемъ своею властью оказываются вредными для нравственности, безопасности или здоровья ребенка; 3) лишеніе власти можетъ быть *полнымъ* или *условнымъ*, смотря по важности преступленія или проступка; 4) желательно, чтобы постановленіе о лишеніи родителей ихъ власти не признавалось безусловно безповоротнымъ, и чтобы во всѣхъ случаяхъ лишившійся ея однажды могъ быть судебнымъ порядкомъ восстановленъ въ своихъ правахъ, необходимыхъ для исполненія имъ самимъ естественныхъ и законныхъ его обязанностей содержанія и воспитанія дѣтей; 5) дѣти лишенныхъ власти родителей подлежатъ попечительству общественной власти, если судъ не распорядится иначе; 6) заключеніе дѣтей въ смирительные дома, по волѣ родителей, не должно быть допускаемо; 7) заключеніе въ исправительныя пріюты, по волѣ родителей, можетъ быть назначаемо только по суду, которому всегда должно принадлежать право его прекращенія и 8) заключенныя такимъ порядкомъ дѣти должны состоять подъ попеченіемъ общественной власти, если судъ не распорядится иначе.

Изъ изложеннаго краткаго очерка положенія вопроса о защитѣ дѣтей на Западѣ нельзя не видѣть, что охрана интересовъ дѣтей выдвинута на первый планъ, и необходимость

¹⁾ Сорокинъ, назв. соч. стр. 36—38

ограниченія, а иногда и совершеннаго устраненія родительской власти тамъ, гдѣ она можетъ быть вредною для дѣтей, — составляетъ общепризнанный фактъ. Излюбленные разсужденія о святости родительской власти, о невозможности вторгаться въ семейныя отношенія, о недопустимости ограниченія непрекаемой родительской власти, — никого уже не успокоиваютъ. Законодательство, какъ и общество, отлично понимаютъ, что огражденіемъ дѣтей отъ вреднаго и растлѣвающаго вліянія безнравственныхъ или преступныхъ родителей въ сущности ничѣмъ не нарушается святость родительской власти, а ограничивается лишь возможность злоупотребленія послѣднею.

«Мы видимъ, — говоритъ г. Обнинскій ¹⁾, — что на Западѣ, гдѣ законодательство и нравы еще ревнивѣе охраняютъ права личной свободы и неприкосновенности, гдѣ жива еще суровая традиція римскаго института родительской власти, гдѣ оспаривается, наконецъ, государственное вмѣшательство въ сферѣ не только семейныхъ, но даже и экономическихъ правовыхъ отношеній, несмотря на все это, мы видимъ тамъ торжество принципа, признающаго за обществомъ и государствомъ неотъемлемо принадлежащее имъ право необходимой самообороны въ борьбѣ со злоупотребленіемъ родительской властью надъ ихъ будущими гражданами. Пользуясь этимъ правомъ въ границахъ и условіяхъ, намѣченныхъ конгрессомъ ²⁾, осуществляя его не иначе, какъ по суду и тамъ только, гдѣ родительскій авторитетъ изъ добраго начала выродился въ орудіе преступленія, и семья сдѣлалась школою деморализаціи, никогда не произнося безповоротныхъ рѣшеній, государственное вмѣшательство въ такую семью не можетъ ни поколебать

¹⁾ Журн. „Дѣтская Помощь“ 1892, № 19.

²⁾ Рѣчь идетъ объ антверпенскомъ конгрессѣ, постановленія коего приведены выше.

семейныхъ основъ, ни подорвать родительскаго авторитета, такъ какъ тамъ они перестали легально существовать еще ранѣе, и дѣло идетъ о спасеніи погибающаго ребенка».

Не то, къ сожалѣнію, приходится видѣть у насъ. Законодательство наше весьма скудно постановленіями объ ограниченіи родительской власти въ интересахъ дѣтей и объ охранѣ послѣднихъ отъ вліянія порочныхъ и безнравственныхъ родителей, а общество наше, въ которомъ домостроевскіе идеалы воспитанія до сихъ поръ еще живы, лишь въ послѣдніе дни начинаетъ проявлять интересъ къ защитѣ подросткающаго поколѣнія. Но и обществу мѣшаетъ успѣшно дѣйствовать недостатокъ законодательныхъ опредѣленій. Ранѣе уже было указано, что по нашимъ гражданскимъ законамъ личная родительская власть прекращается только съ лишеніемъ родителей или родителя всѣхъ правъ состоянія, да и то не всегда и не по отношенію ко всѣмъ дѣтямъ. Но если тотъ же родитель приговоренъ не къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, а къ какому либо другому наказанію, его власть не только не прекращается, но даже и не ограничивается и не приостанавливается, хотя бы выяснилось съ несомнѣнностью, что онъ человѣкъ, безусловно вредно дѣйствующій на нравственность дѣтей, хотя бы онъ былъ осужденъ за позорнѣйшее преступленіе, хотя бы онъ самымъ возмутительнымъ образомъ эксплуатировалъ своихъ дѣтей. Единственное ограниченіе родительской власти, которое извѣстно нашему праву, это отдача дѣтей на воспитаніе родственникамъ православною исповѣданія или назначеннымъ для сего правительствомъ опекунамъ того же исповѣданія въ томъ случаѣ, если родители, обязанные воспитывать дѣтей въ православной вѣрѣ, будутъ ихъ крестить или приводить къ прочимъ таинствамъ и воспитывать по обрядамъ другого христіанскаго

исповѣданія (ст. 190 Улож.). Въ этого ограниченія, всякія другія нарушенія обязанностей родителей, оставленіе дѣтей безъ всякаго воспитанія и образованія, изнуреніе ихъ физическихъ силъ и развращеніе ихъ душъ—остаются безъ всякаго наказанія и исправленія.

А между тѣмъ жизнь показываетъ, что освобожденіе дѣтей отъ вреднаго и опаснаго вліянія дурныхъ родителей и обузданіе эксплуататорскихъ стремленій послѣднихъ у насъ умѣстны во всякомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ на Западѣ. Поэтому то, несмотря на молчаніе закона, необходимость огражденія дѣтей отъ физическаго и нравственнаго разрушенія указывается самою жизнью и вызываетъ иногда принятіе единичныхъ мѣръ къ ограниченію, или совершенному устраненію родительской власти. Такъ, напр., Гражданскій Кассационный Департаментъ Сената въ рѣшеніи 1876 г. за № 199 допускаетъ случаи, когда интересы дѣтей необходимо требуютъ разлученіе ихъ съ родителями и предоставленіе ихъ попеченіямъ постороннихъ лицъ. Но такое единичное рѣшеніе Сената не можетъ, конечно, замѣнять тѣ законодательныя мѣры, которыя приняты въ этомъ вопросѣ Западною Европою и введеніе которыхъ у насъ составляетъ насущнѣйшую жизненную потребность. Нельзя при этомъ забывать: во 1-хъ, что сами дѣти почти лишены возможности защиты и во 2-хъ, что одно уже существованіе законовъ, дающихъ въ извѣстныхъ случаяхъ право изъять дѣтей изъ подъ родительской власти, не освобождая въ то же время родителей отъ обязанности давать необходимыя средства на ихъ содержаніе и воспитаніе, значительно уменьшило-бы количество случаевъ злоупотребленія родителями ихъ властью, тогда какъ сознаніе полной почти безнаказанности поощряетъ къ такимъ злоупо-

требленіямъ тѣхъ родителей, которымъ чуждо естественное чувство кровнаго родства и нравственной близости.

Справедливость требуетъ, однакоже, указать, что лучшая часть нашего общества въ послѣднее время съ любовью стало заниматься вопросами о защитѣ дѣтей. Въ особенности слѣдуетъ отмѣтить дѣятельность Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, при коемъ организованъ специальный отдѣлъ защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія. Отдѣлъ этотъ имѣетъ своею задачею обнаруженіе злоупотребленій всякаго рода, совершенныхъ надъ дѣтьми, принятіе мѣръ къ устраненію этихъ злоупотребленій и въ случаяхъ наиболѣе важныхъ злоупотребленій надъ дѣтьми, и доведеніе о нихъ до свѣдѣнія подлежащихъ властей и содѣйствіе послѣднимъ. Охраняя по мѣрѣ силъ и средствъ интересы несчастныхъ дѣтей, нуждающихся въ защитѣ, Отдѣлъ этотъ занялся между прочимъ выработкою проекта желательныхъ измѣненій въ законоположеніяхъ, касающихся ограниченія родительской власти. По газетнымъ извѣстіямъ ¹⁾ Отдѣлъ предполагаетъ ходатайствовать: во 1-хъ, о предоставленіи уголовному суду при разсмотрѣніи дѣлъ о злоупотребленіяхъ властью надъ малолѣтними со стороны лица, имѣющаго надъ ними надзоръ и попеченіе, права лишенія временно власти надъ потерпѣвшимъ и назначенія къ послѣднему опеки или попечительства; во 2-хъ, о предоставленіи суду права лишенія обвиняемаго въ злоупотребленіи родительскими правами принадлежащей ему власти, и въ 3-хъ, о введеніи института добровольныхъ отреченій отъ родительской власти въ пользу пріютовъ и учреждений, преслѣдующихъ задачи дѣтскаго призрѣнія. Въ дополненіе къ этимъ положеніямъ были выставлены г. Карницкимъ на

¹⁾ „Новое Время“ № 7081.

международномъ тюремномъ конгрессѣ, бывшемъ въ С.-Петербурѣ въ 1890 г., по вопросу о власти родителей надъ своими дѣтьми, еще слѣдующія положенія: обязанность родителей участвовать, по мѣрѣ ихъ средствъ, въ расходахъ по содержанию и воспитанію изъятыхъ изъ ихъ власти дѣтей, и представленіе суду, при измѣнившихся обстоятельствахъ и представленіи родителями доказательствъ, что дѣти могутъ быть имъ безъ опасности для ихъ нравственности возвращены, — права возстановить родительскія права. Эти положенія были приняты конгрессомъ, но до сихъ поръ тѣмъ не менѣе еще остаются отдаленными desiderata.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Сводъ постановленій дѣйствующаго законодательства,
опредѣляющихъ взаимныя отношенія родителей и дѣтей.

А. О власти родительской въ личныхъ отношеніяхъ.

І. Права родителей.

Власть родительская простирается на дѣтей обоого пола и всякаго возраста, съ различіемъ и въ предѣлахъ, законами для сего постановленныхъ (т. X, ч. I ст. 164).

Родители, для исправленія дѣтей строптивыхъ и неповиновыхъ, имѣютъ право употреблять домашнія исправительныя мѣры. Въ случаѣ же безуспѣшности сихъ средствъ родители властны: 1) дѣтей обоого пола, не состоящихъ въ государственной службѣ, за упорное неповиновеніе родительской власти, развратную жизнь и другіе явные пороки, заключать въ тюрьму, по правиламъ постановленнымъ въ статьѣ 1592 Уложенія о Наказаніяхъ; 2) приносить на нихъ жалобы въ судебныя установленія (т. X, ч. I ст. 165).

Въ дѣлахъ объ оскорбленіи родителей дѣтми соблюдаются правила, изложенныя въ законахъ судопроизводства (т. X, ч. I ст. 166).

Въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, родителямъ предоставляется отречься отъ дѣтей въ слѣдующихъ, совершенно предъ судомъ доказанныхъ, случаяхъ: 1) если дѣти, забывъ страхъ Божій, дерзнули поднять на родителей руку, или толкнули въ гнѣвъ; 2) когда они по злобѣ, а не для государственной пользы, свидѣтельствовали противъ родителей.

въ дѣлахъ уголовныхъ; 3) если они отказались въ уголовномъ дѣлѣ взять родителей на поручительство; 4) когда дочь предалась распутной жизни; 5) если они покусились у родителей отнять принадлежащее симъ послѣднимъ имущество; 6) когда они отказали престарѣлымъ родителямъ въ необходимомъ содержаніи; 7) если они, пользуясь родительскимъ имуществомъ, не дали имъ помощи въ бѣдственныхъ обстоятельствахъ (т. X, ч. I ст. 167).

Въ личныхъ обидахъ или оскорбленіяхъ отъ дѣтей на родителей не приеѣмлетя никакого иска, ни гражданскимъ, ни уголовнымъ порядкомъ. Но правило сіе не распространяется на тѣ случаи, когда родители, въ отношеніи къ лицу дѣтей своихъ, покушаются на такія дѣянія, которыя по общимъ законамъ подлежатъ наказанію уголовному; въ сихъ случаяхъ, мѣстныя начальства, доставляя нужную защиту притѣсняемымъ, дѣйствуютъ въ изслѣдованіи дѣла и въ преданіи виновныхъ суду по общимъ уголовнымъ законамъ (т. X, ч. I ст. 168).

Родители не могутъ принуждать своихъ дѣтей къ совершенію дѣяній противозаконныхъ или къ соучастію въ оныхъ; дѣти освобождаются въ семъ случаѣ отъ обязанности повиноваться имъ противъ своей совѣсти, особливо въ томъ, что требуетъ собственнаго ихъ разсужденія и воли (т. X, ч. I, ст. 169).

Родители не имѣютъ права на жизнь дѣтей, и за убійство ихъ судятся и наказываются по уголовнымъ законамъ (т. X, ч. I, ст. 170).

Дѣти должны оказывать родителямъ чистосердечное почтеніе, послушаніе, покорность и любовь; служить имъ на самомъ дѣлѣ, отзываться объ нихъ съ почтеніемъ, и сносить родительскія увѣщанія, исправленія терпѣливо и безъ ропота.

Почтеніе дѣтей къ памяти родителей должно продолжаться и по кончинѣ родителей (т. X, ч. I, ст. 177).

Полиція имѣеть попеченіе, чтобы молодые и младшіе почитатели старшихъ и старыхъ, чтобы дѣти повиновались родителямъ, а слуги своимъ господамъ и хозяевамъ (т. XIV*, Уст. о пред. и прес. пр., ст. 122).

Запрещается вступать въ бракъ безъ дозволенія родителей, опекуновъ или попечителей (т. X, ч. I, ст. 6).

Въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, если отецъ или мать, имѣя въ своемъ опекунскомъ управленіи имѣніе, принадлежащее совершеннолѣтней дочери, будетъ препятствовать выходу ея въ замужество, то ей предоставляется объявить о томъ въ судѣ и съ его разрѣшенія вступить въ бракъ (т. X, ч. I, ст. 7).

Бракъ не можетъ быть законно совершенъ безъ взаимнаго и непринужденнаго согласія сочетающихся лицъ; посему запрещается родителямъ своихъ дѣтей и опекунамъ лицъ, ввѣренныхъ ихъ опекѣ, принуждать къ вступленію въ бракъ противъ ихъ желанія (т. X, ч. I, ст. 12).

Не достигнувшіе полнаго законами опредѣленнаго совершеннолѣтія, т. е. двадцать второго года, лютеране не могутъ обручиться и сочетаться бракомъ безъ согласія своихъ родителей. Когда живы отецъ и мать, то нужно согласіе, изъявленное отцомъ; если же отецъ умеръ, или въ безвѣстной отлучкѣ, то испрашивается согласіе матери. Для бракосочетанія несовершеннолѣтнихъ, лишенныхъ родителей, нужно согласіе опекуновъ или попечителей (т. XI, ч. I, Уставъ Евангелическо-Лютеранской церкви ст. 201).

Родители могутъ даже и совершеннолѣтнимъ дѣтямъ своимъ не дозволять вступленія въ преднамѣреваемый ими бракъ, но не иначе, какъ по законнымъ, достаточнымъ для сего при-

чинамъ, которыя они обязаны объяснить предъ надлежащимъ присутственнымъ мѣстомъ (т. XI, ч. I, Уст. Ев.-Лют. церкви ст. 202).

Достойныя уваженія причины для отказа въ согласіи родителей на бракъ дѣтей совершеннолѣтнихъ суть слѣдующія: 1) если то лицо, съ коимъ ихъ сынъ или дочь желаютъ вступить въ бракъ, приговорено къ позорному наказанію или къ лишенію чести; 2) если доказано, что сіе лицо предано пьянству, распутству, безумной расточительности или инымъ грубымъ порокамъ; 3) если оно одержимо заразительною или надучею болѣзнью; 4) если оно своихъ родителей или прародителей или же родителей или прародителей другой стороны, грубо и съ намѣреніемъ оскорбило и не получило прошенія; 5) если дѣти, не испрашивая или не получивъ дозволенія на бракъ, дали тайное рѣшительное въ томъ обѣщаніе или же похищеніемъ и иными непозволительными средствами старались вынудить сіе дозволеніе; 6) если другая сторона была уже разведена и въ разводномъ приговорѣ признана виновною; 7) *если въ мѣтахъ, воспитаніи и образованіи сторонъ слишкомъ большое неравенство* и 8) если другая сторона исповѣдуетъ не христіанскую религію (т. XI, ч. I, Уст. Ев.-Лют. церкви ст. 203).

О личномъ наймѣ.

Не могутъ наниматься дѣти несовершеннолѣтнія безъ позволенія родителей или опекуновъ, жены безъ позволенія мужей (т. X, ч. I ст. 2202).

Не могутъ быть отданы въ наемъ дѣти родителями, жены мужьями безъ собственнаго ихъ согласія, но родителямъ не запрещается отдавать дѣтей въ ученье на опредѣленные сроки (т. X, ч. I, ст. 2203).

При наймѣ лицъ несовершеннолѣтнихъ (на фабрики, заводы и мануфактуры), имѣющихъ отдѣльный видъ на жительство, не требуется особаго позволенія родителей, опекуновъ или мужей (уст. о промышл., т. XI, ч. 2 ст. 95).

Не могутъ быть отдаваемы въ наемъ на сельскія работы несовершеннолѣтніе ихъ родителями или опекунами безъ собственнаго ихъ на то согласія (т. XII, ч. 2 ст. 9).

При наймѣ на сельскія работы несовершеннолѣтнихъ и замужнихъ женщинъ, имѣющихъ отдѣльные виды на жительство, не требуется дозволенія на то отъ ихъ родителей, опекуновъ или мужей (т. XII, ч. 2 ст. 10).

Несовершеннолѣтнія и замужнія женщины, не имѣющія отдѣльныхъ видовъ на жительство, могутъ быть нанимаемы на сельскія работы, безъ предъявленія дозволенія на то отъ ихъ родителей или опекуновъ, а замужнія женщины—отъ ихъ мужей, не иначе, какъ подъ условіемъ, со стороны нанимателя, отпустить нанявшихся немедленно, по заявленному о томъ требованію отъ ихъ родителей, опекуновъ или мужей. Полученное дозволеніе не можетъ быть отнимаемо до срока найма (т. XII, ч. 2 ст. 11).

II. Обязанности родителей.

Родители обязаны давать несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ пропитаніе, одежду и воспитаніе, доброе и честное, по своему состоянію (т. X ч. 1 ст. 172).

Родители должны обращать все свое вниманіе на нравственное образованіе своихъ дѣтей и стараться домашнимъ воспитаніемъ приготовить нравы ихъ и содѣйствовать видамъ правительства. Впрочемъ, родителямъ предоставляется на волю воспитывать дѣтей своихъ дома или отдавать ихъ въ общест-

венныя заведенія, отъ правительства или частныхъ лицъ учрежденныя (т. X, ч. I ст. 173).

По достиженіи дѣтми надлежащаго возраста, родители некутся объ опредѣленіи сыновей въ службу или въ промыселъ, соотвѣтственно ихъ состоянію, и объ отдачѣ дочерей въ замужество (т. X, ч. I ст. 174).

Въ случаѣ личной обиды, несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ нанесенной, родители имѣютъ право вступаться за нихъ и производить искъ узаконеннымъ порядкомъ (т. X, ч. I ст. 175).

Въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, по обидамъ, кому либо сдѣланнымъ неотдѣленными дѣтми, обязанность удовлетворенія возлагается на ихъ родителей, т. е. на отца, если онъ живъ, а на мать лишь въ такомъ случаѣ, когда она послѣ смерти мужа владѣетъ или собственнымъ своимъ, или записаннымъ ей отъ мужа имѣніемъ (т. X, ч. I ст. 176).

Дѣтей обоего пола приводить на исповѣдь, начиная съ семилѣтняго ихъ возраста, ежегодно (т. XIV, Уст. о пред. и прес. преступл. ст. 19).

Если женихъ или невѣста принадлежать къ православному исповѣданію, въ семь случаевъ вездѣ, кромѣ Финляндіи (для коренныхъ жителей которой постановлено въ статьѣ 68 изъятіе), требуется: 1) чтобы лица другихъ исповѣданій, вступающія въ бракъ съ лицами православнаго исповѣданія, дали подписку что рожденныя въ семь бракѣ дѣти крещены и воспитаны будутъ въ правилахъ православнаго исповѣданія (т. X, ч. I ст. 67).

Въ заключаемыхъ въ Финляндіи бракахъ лицъ разныхъ христіанскихъ исповѣданій, вѣнчаніе производится въ обѣихъ церквахъ. Дѣти, рождающіяся въ сихъ бракахъ, воспитываемы должны быть въ той вѣрѣ, къ которой принадлежитъ отецъ, не допуская о семь особенныхъ договоровъ. Постановленіе

сіе въ отношеніи лицъ, исповѣдующихъ православную вѣру, распространяется на однихъ только коренныхъ жителей Финляндіи; браки же военно-служащихъ православнаго исповѣданія, находящихся въ тѣхъ мѣстахъ, по командѣ и квартированію, должны быть совершаемы православными священниками на основаніи общихъ постановленій (т. X, ч. I ст. 68).

III. Прекращеніе личной родительской власти.

Личная родительская власть прекращается единственно смертію естественною, или лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, когда въ послѣднемъ случаѣ дѣти не послѣдуютъ въ ссылку за своими родителями (т. X, ч. I ст. 178).

Личная родительская власть не прекращается, но ограничивается: 1) поступленіемъ дѣтей въ общественное училище, начальство коего заступаеъ тогда по ихъ воспитанію мѣсто родителей; 2) опредѣленіемъ дѣтей въ службу, когда, вступая въ новыя отношенія и получая чрезъ то новыя обязанности, они не могутъ уже оставаться въ прежней непосредственной отъ родителей зависимости; 3) вступленіемъ дочерей въ замужество, поелику одно лице двумъ неограниченнымъ властямъ, каковы родительская и супружная, совершенно удовлетворить не въ состояніи, и дочь, оставившая домъ свой и прилѣпившаяся къ мужу, не можетъ быть подвержена повиновенію родителей въ такой же мѣрѣ, какъ другія, находящіяся при нихъ дѣти (т. X, ч. I ст. 179).

При ссылкѣ или переселеніи родителей, дѣти свыше четырнадцати лѣтъ могутъ слѣдовать за ними, по собственному своему желанію (т. XIV, Уст. о ссыльн. ст. 258).

О дѣтяхъ моложе четырнадцати лѣтъ предоставляется слѣдующимъ въ ссылку на поселеніе или пересылаемымъ родителямъ распоряжаться, по добровольному между собою согла-

пенію, не испрашивая согласія обществовъ на слѣдованіе дѣтей; если же соглашенія между родителями не состоится, то: 1) при отправленіи обоихъ родителей, дѣти моложе четырнадцатилѣтняго возраста отправляются съ ними, и 2) когда одинъ изъ супруговъ остается на мѣстѣ, то и дѣти остаются при немъ съ предоставленіемъ ему же попечительства надъ ними (т. XIV, Уст. о ссыльн. ст. 259).

Примѣчаніе. Если въ живыхъ одинъ виновный мужъ, или одна виновная вдова, и общество, или съ вѣдома его, кто либо изъ родныхъ, не согласятся принять на себя обезпеченіе участи дѣтей ихъ моложе четырнадцати лѣтъ, то сихъ послѣднихъ отправляемый въ ссылку или поселеніе обязанъ взять съ собою.

Въ отношеніи къ дѣтямъ лицъ, ссылаемыхъ въ каторжныя работы, соблюдаются слѣдующія правила: 1) если за осужденнымъ въ каторжную работу не слѣдуетъ невиновный супругъ, то дѣти моложе четырнадцати лѣтъ остаются при семъ послѣднемъ и подъ его опекою, на общемъ основаніи; 2) если въ живыхъ одинъ виновный супругъ, присужденный къ ссылкѣ въ каторжную работу, или къ тому же наказанію приеуждены оба супруга, то дѣти моложе четырнадцати лѣтъ остаются на мѣстѣ, съ учрежденіемъ надъ ними опеки, на общемъ основаніи; Губернаторамъ предоставляется, однако, въ исключительныхъ случаяхъ, разрѣшать слѣдованіе дѣтямъ за ссылаемыми на семъ основаніи родителями или родителемъ, если отъ сего можно ожидать лучшаго обезпеченія участи дѣтей, чѣмъ при оставленіи ихъ на мѣстѣ жительства; 3) при слѣдованіи невиновнаго родителя за ссыльнымъ въ каторжную работу, дѣти отправляются съ ними, если, по желанію родителей, общество или кто-либо изъ родственниковъ или другихъ благонадежныхъ лицъ не приметъ ихъ на свое попеченіе;

4) на слѣдованіе дѣтей во всѣхъ сихъ случаяхъ согласія общества не требуется (т. XIV, Уст. о ссыльн. ст. 260).

Грудные младенцы остаются при матеряхъ (т. XIV, Уст. о ссыльн. ст. 260).

Дѣти, находящіяся въ казенныхъ заведеніяхъ и на казенномъ содержаніи, не могутъ быть требуемы родителями къ слѣдованію за ними въ мѣста ихъ ссылки (т. XIV, Уст. о ссыльн. ст. 262).

Правила, приложенныя въ статьяхъ 255, 258, 259, 261 и 262 относительно слѣдованія..... дѣтей за родителями, распространяются также и на случаи удаленія изъ мѣстъ жительства административнымъ порядкомъ..... (Примѣчаніе къ ст. 263 т. XIV, Уст. о ссыльн.).

Б. О власти родительской по имуществу.

Во время несовершеннолѣтія дѣтей родители управляютъ имуществомъ, собственно дѣтямъ принадлежащимъ, на правѣ опекуномъ, по правиламъ, въ слѣдующемъ Раздѣлѣ поставленнымъ (т. X, ч. I ст. 180).

Дѣйствіе родительской власти на дѣтей совершеннолѣтнихъ, относительно ихъ имущества, устанавливается закономъ различно, по состоянію дѣтей неотдѣленныхъ и отдѣленныхъ (т. X, ч. I ст. 181).

Неотдѣленными дѣтьми признаются собственно тѣ, которымъ изъ родительскаго имѣнія не выдѣлено еще никакой части (т. X, ч. I ст. 182).

И. О дѣтяхъ неотдѣленныхъ.

Неотдѣленныя дѣти не могутъ ни продавать, ни закладывать родительскаго или другаго ожидаемаго ими въ наслѣдство имѣнія (т. X, ч. I ст. 183).

По заемнымъ письмамъ и вообще всякимъ долговымъ актамъ неотдѣленныхъ дѣтей родители не отвѣтствуютъ, если сіи письма и акты даны безъ ихъ согласія и уполномочія (т. X, ч. I ст. 184).

Согласіе родителей удостоверяется или собственноручною ихъ подписью на актахъ, или же въ случаѣ безграмотства, законно совершенною довѣренностію (т. X, ч. I ст. 185).

Въ отлучкѣ родителей или въ отсутствіи самихъ неотдѣленныхъ дѣтей, право ихъ обязываться денежными займами утверждается дозволительными отъ родителей письмами, засвидѣтельствованными установленнымъ порядкомъ. Въ письмахъ сихъ должно означать сумму, до которой довѣріе можетъ простираться (т. X, ч. I ст. 186).

По обязательствамъ, совершеннымъ неотдѣленными дѣтьми вслѣдствіе такого дозволенія, родители отвѣчаютъ своимъ имѣніемъ точно также, какъ бы оныя даны были собственно отъ ихъ лица (т. X, ч. I ст. 187).

Всякіе акты и крѣпости, совершенные неотдѣленными дѣтьми безъ дозволенія и согласія родителей, вышеизложеннымъ порядкомъ удостовереннаго, признаются въ отношеніи къ родителямъ недействительными; но дѣти, давшія таковыя обязательства, если они были уже тогда въ совершенномъ возрастѣ, отвѣчаютъ по онымъ всеѣмъ впослѣдствіи приобретеннымъ или дошедшимъ къ нимъ по наслѣдству имуществомъ (т. X, ч. I ст. 188).

Неотдѣленные дѣти купческаго состоянія могутъ дѣйствовать въ дѣлахъ торговыхъ не иначе, какъ на основаніи правилъ, изложенныхъ въ Положеніи о Пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ (изд. 1886 г.) (т. X, ч. I ст. 189).

II. О дѣтяхъ отдѣленныхъ.

Дѣти признаются *отдѣленными* отъ родителей, когда выдѣлена имъ будетъ законная или какая либо другая часть изъ родительскаго имущества (т. X, ч. I ст. 190).

По вступленіи въ совершенный возрастъ, дѣти распоряжаются и управляютъ отдѣльнымъ своимъ имуществомъ независимо; они могутъ тогда продавать и закладывать его по собственному ихъ усмотрѣнію, не обязываясь испрашивать на се согласія или дозволенія родителей (т. X, ч. I ст. 191).

Тѣ изъ неотдѣленныхъ дѣтей, кои получаютъ или приобретутъ сами имущество въ частную свою собственность, пользуются, относительно управленія и распоряженія онымъ, одинаковыми правами съ дѣтьми отдѣленными, на основаніи общихъ узаконеній. Ограниченія сего правила, въ отношеніи къ торговому состоянію, означены въ Уставѣ Судопроизводства Торговаго (изд. 1887 г., ст. 556 и 557) (т. X, ч. I ст. 192).

Родители не имѣютъ права на отдѣленное или частное имущество своихъ дѣтей, и не могутъ распоряжаться онымъ иначе, какъ по согласію и уполномочію самихъ владѣльцевъ, отвѣтствуя въ противномъ случаѣ за всѣ нанесенные виною ихъ убытки, наравнѣ съ лицомъ постороннимъ (т. X, ч. I ст. 193).

Дѣти обязаны однако же, хотя бы они были совершенно отдѣлены отъ родителей, если сіи послѣдніе находятся въ бѣдности, дряхлости или немощахъ, доставлять имъ пропитаніе и содержаніе по самую ихъ смерть (т. X, ч. I ст. 194).

Тяжбы и иски по имуществу между родителями и дѣтьми разсматриваются и рѣшаются въ судебныхъ установленіяхъ по правиламъ, изложеннымъ въ законахъ судопроизводства гражданскаго (т. X, ч. I ст. 195).

Къ составу имущества несостоятельнаго считается принадлежащимъ... и все, что изъ недвижимаго, въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ до несостоятельности, заложено или отчуждено безденежно, и тогда, когда долги, по коимъ несостоятельность оказалась, превышали уже въ половину имѣніе несостоятельнаго, и послѣ того, до самаго открытія несостоятельности, дѣла его уже не поправлялись (Уст. Суд. Торг., т. XI, ч. II ст. 553).

Недвижимое имѣніе считается безденежно отчужденнымъ, если оно, при обстоятельствахъ, въ предшешей статьѣ означенныхъ, переведено по купчей крѣпости, дарственной, рядной, отдѣльной и раздѣльной записи, или же другимъ актамъ, на имя дѣтей или родственниковъ несостоятельнаго, во вредъ заимодавцевъ (Уст. Суд. Торг., т. XI, ч. II ст. 554).

Если жена и неотдѣленные дѣти несостоятельнаго не участвовали въ торгахъ, то собственное ихъ имѣніе не поступаетъ въ составъ массы. Имѣніемъ собственнымъ дѣтей несостоятельнаго признается все, дошедшее къ нимъ: 1) по наслѣдству отъ матери, родственниковъ или постороннихъ, а не отъ отца; 2) по дарственнымъ, ряднымъ или инымъ записямъ отъ матери, отъ родственниковъ или лицъ постороннихъ, а не отъ несостоятельнаго родителя; 3) все прибрѣтенное ими на капиталы, дошедшіе къ нимъ также отъ матери, родственниковъ или и постороннихъ, а не отъ отца. Въ случаѣ, когда сыномъ или дочерью несостоятельнаго производится какой-либо отдѣльный отъ отца торгъ, собственнымъ имѣніемъ признается и все то, что составляетъ ихъ особый капиталъ, и то, что, на основаніи представленныхъ купеческихъ книгъ, окажется прибрѣтеннымъ ими посредствомъ торговыхъ оборотовъ сего капитала (Уст. Суд. Торг., т. XI, ч. II ст. 556).

Если жена или совершеннолѣтнія, неотдѣленные дѣти отдали свои капиталы, дошедшіе къ нимъ способами, въ предшедшей статьѣ изъясненными, въ распоряженіе несостоятельнаго по законнымъ и неоспоримымъ документамъ, то они по симъ долгамъ считаются наравнѣ съ прочими его заимодавцами (Уст. Суд. Торг. т. XI, ч. II ст. 557).

Сверхъ имущества, которое, на основаніи ст. 556, должно быть признаваемо отдѣльною собственностью жены и дѣтей несостоятельнаго, не могутъ также ни въ какомъ случаѣ быть подвергаемы секвестру и обращаемы на уплату долговъ его... платѣ и бѣлье, служащее для употребленія дѣтей (Уст. Суд. Торг., т. XI, ч. II ст. 558).

III. О выдѣлѣ.

Родители и восходящіе родственники властны выдѣлить дѣтей своихъ и потомковъ, назначая имъ часть изъ своего имущества (т. X, ч. I ст. 994).

Дѣти не могутъ, и по достиженіи совершеннолѣтія, требовать отъ родителей выдѣла частей, или назначенія приданого изъ имущества, симъ послѣднимъ принадлежащаго (т. X, ч. I ст. 995).

Изъ благопріобрѣтеннаго имущества родители и восходящіе родственники могутъ назначать выдѣляемому потомку такую часть, какую заблагоразсудятъ; но изъ имущества родового каждому обязаны выдѣлять часть, закономъ определенную (т. X, ч. I ст. 996).

Дѣти, получившія при жизни владѣльца посредствомъ выдѣла изъ родового имущества сполна ту часть, которая бы слѣдовала имъ по его смерти, почитаются отдѣленными, и въ позднѣйшемъ раздѣлѣ того имущества не участвуютъ; когда

же наследственная доля не была имъ отдѣлена сполна, тогда дополняется она при семъ раздѣлѣ имущества по мѣрѣ того, что имъ еще причитается (т. X, ч. 1 ст. 997).

Дѣти, отдѣленные въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ, не устраняются чрезъ то отъ наследованія въ родовомъ, наравнѣ съ прочими наследниками, буде токмо при выдѣлѣ они не отказались отъ участія въ наследствѣ (т. X, ч. I ст. 998).

Въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской наблюдаются относительно выдѣловъ слѣдующія правила: 1) По выдѣлѣ родителями или иными восходящими родственниками, при жизни ихъ, дѣтямъ своимъ или потомкамъ, по собственной волѣ, части изъ своего имущества родового или благопріобрѣтеннаго, сынъ или потомокъ, получившій такимъ образомъ часть, отцомъ или восходящимъ родственникомъ ему определенную, почитается отдѣленнымъ въ отношеніи къ наличному имѣнію отца или восходящаго родственника, и отъ участія въ остающемся послѣ него наследствѣ устраняется; но симъ однако же не лишается права участвовать въ такомъ наследствѣ, которое могло бы дойти къ нему по праву представленія. 2) Отдѣленные сыновья, хотя бы и не получили сполна той части изъ имущества, которая слѣдовала бы имъ по смерти отца, не могутъ уже требовать пополненія оной при раздѣлѣ отцовскаго имущества, но за то и не лишаются ни малѣйшей части выдѣленнаго имъ, хотя бы наследники не получили по соразмѣрности съ онымъ надлежащихъ частей изъ открывшагося наследства. 3) Дѣти, получившія отъ отца имущество, съ передачею права собственности, не въ видѣ выдѣла, а посредствомъ дарственной записи, не устраняются отъ участія въ остальномъ отцовскомъ имѣніи, хотя бы сей даръ и превышалъ части, причитающіяся другимъ наследникамъ. 4) Предоставленіе отцомъ, при его жизни, сыну своего

имущества во временное пользованіе, выдѣла не составляет (т. X, ч. I ст. 999).

Примѣчаніе. Сіи правила распространяются и на выдѣлъ дѣтямъ изъ имущества матери по ея усмотрѣнію.

IV. О приданомъ и рядной записи.

Выдѣлъ дочерей и родственницъ, по случаю замужества, совершается назначеніемъ имъ приданого (т. X, ч. I ст. 1001).

Изъ замужнихъ дочерей почитаются тѣ только отдѣленными, которыя въ подписанныхъ ими рядныхъ записяхъ за себя и за наслѣдниковъ своихъ добровольно отrekliсь отъ дальнѣйшаго участія въ наслѣдствѣ (т. X, ч. I ст. 1002).

Если нѣтъ письменнаго доказательства, что дочь при жизни родителей, получивъ приданое, отеклась отъ участія въ наслѣдствѣ, то она не лишается права на сіе участіе при раздѣлѣ оставшагося послѣ нихъ имущества, изъ коего ей въ такомъ случаѣ слѣдуетъ выдавать указную часть съ зачетомъ приданого, какъ денегъ, такъ и всякаго другого имущества (т. X, ч. I ст. 1003).

Дочь отдѣленная, и отъ участія въ наслѣдствѣ отекшаяся, не можетъ при братьяхъ и незамужнихъ сестрахъ ничего требовать изъ имущества, оставшагося послѣ родителей, но вмѣстѣ съ тѣмъ она не лишается ни малѣйшей части выдѣленнаго ей приданого, хотя бы наслѣдники не получили, по соразмѣрности съ даннымъ ей приданымъ, надлежащихъ частей изъ наслѣдства (т. X, ч. I ст. 1004).

Относительно приданого въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской наблюдаются слѣдующія правила:

1) опредѣленіе количества приданого за дочерью отцомъ ея, при его жизни, зависитъ отъ воли его, и посему отецъ

властенъ назначать дочери приданое изъ своего имущества родового или благопріобрѣтеннаго, движимаго и недвижимаго, по своему усмотрѣнію.

2) Буде отецъ умретъ безъ завѣщанія, оставивъ по себѣ одну или нѣсколькихъ дочерей незамужнихъ, или же хотя и оставитъ завѣщаніе, но въ немъ не назначитъ никакого для дочерей своихъ приданого, то сіи дочери при живыхъ братьяхъ должны получить приданое изъ четвертой части всего оставшагося послѣ отца имѣнія.

3) Четвертая часть имѣній отцовскихъ назначается въ приданое всѣмъ дочерямъ дѣвицамъ, сколько бы ихъ ни было, одна или нѣсколько; но когда отецъ при жизни своей выдалъ замужъ одну или нѣсколько дочерей, а остается еще въ дѣвицахъ одна, или нѣсколько, то симъ оставшимся назначается въ приданое не вся четвертая часть, но сколько имъ, по числу всѣхъ сестеръ, изъ таковой части слѣдовать будетъ.

4) Если бы братья были не въ состояніи за каждою изъ сестеръ своихъ по стольку дать приданого, сколько получила первая сестра при живомъ отцѣ, въ такомъ случаѣ, оцѣня четвертую часть всего оставшагося послѣ отца имѣнія, ничего изъ того не исключая и не теряя, они должны дать сестрамъ своимъ, сколько бъ ни было, равное приданое. Оцѣнка имѣнія, буде братья и сестры сами между собою въ томъ не согласятся, должна быть производима судомъ.

5) Но если братья найдутъ, что изъ четвертой части отцовскаго имѣнія достанется въ приданое каждой изъ сестеръ болѣе, нежели получила первая, при жизни отца вышедшая замужъ, тогда они властны ту четвертую часть удержать за собою, а сестрамъ по стольку дать въ приданое, сколько отецъ далъ за первую.

6) Когда сестра, получившая приданое отъ братьевъ изъ

четвертой части отцовскаго имѣнія, умереть, не распорядившись онымъ при жизни и не оставивъ по себѣ дѣтей, даже когда она имѣла отъ брака дѣтей, но сіи дѣти умерли прежде или хотя послѣ нея, но не достигнувъ совершенныхъ лѣтъ: то приданое ея поступаетъ къ той изъ сестеръ ея, которая не выдана еще въ замужество, и приданого не получила. Когда же братья захотятъ взять къ себѣ приданое таковой умершей сестры своей, то они вмѣсто того должны замужней сестрѣ дать приданое по цѣнѣ всей четвертой части отцовскаго имѣнія.

7) Когда дочь, выданная замужъ при жизни отца своего, будетъ, при открытіи послѣ него наслѣдства, требовать отъ своихъ братьевъ или другихъ его нисходящихъ назначенія приданого изъ четвертой части, показывая будто бы отецъ ей вовсе такового не далъ, то братья ея, ни ей, ни же ея потомкамъ, приданого давать не обязаны; ибо отецъ зналъ, что дѣлалъ по любви къ дѣтямъ своимъ и попеченію своему о ихъ благосостояніи. Когдажъ дѣвица, по смерти отца ея, выдана будетъ замужъ ея братьями, которые не выдѣлять слѣдующаго ей приданого сполна, то ей въ семь случаевъ дозволяется отыскивать своего приданого въ теченіе десяти лѣтъ со времени выхода замужъ; для дѣтей же и потомковъ ея сія давность считается со времени ихъ совершенолѣтія.

8) Когда мать имѣла участіе въ назначеніи дочери приданого изъ своего собственнаго имущества, то сія дочь почитается отдѣленною и въ материнскомъ имѣніи.

9) Отецъ, отдавая своихъ дочерей въ замужество, можетъ принять къ обезпеченію назначаемаго имъ приданого всякія по своему благоусмотрѣнію мѣры; но если дѣвица выдается въ замужество братьями ея или опекунами, то слѣдующее ей

приданое должно быть ими обезпечено посредствомъ особой о томъ записи.

10) Если женихъ владѣть по праву собственности недвижимымъ имуществомъ, которое будетъ достаточно для обезпеченія приданого, за невѣстою имъ получаемаго, тогда онъ выдастъ на сіе имущество вѣновую (приданообезпечительную) запись на такую часть имѣнія, которая бы соотвѣтствовала принятому имъ приданому.

11) Въ противномъ случаѣ родственники, выдающіе дѣвицу въ замужество, могутъ на сумму, назначенную ей въ приданое, приобрести покупкою на ея имя недвижимое имущество, или же, если признаютъ сіе невыгоднымъ, внести приданья деньги на проценты въ кредитныя установленія, или отдавать частнымъ лицамъ на проценты подъ вѣрные залоги, но всегда, не иначе, какъ на ея имя.

12) Вступающій въ бракъ со вдовою, коей приданое было первымъ ея мужемъ обезпечено, освобождается отъ обязанности выдавать ей отъ себя вѣновую запись.

13) Когда мать имѣла участіе въ назначеніи дочери приданого изъ своего собственнаго имущества, то о семъ именно упоминается какъ въ рядной, такъ и въ вѣновой записи (т. X, ч. I ст. 1005).

V. О вознагражденіи за вредъ и убытки.

Когда преступленіе или проступокъ учинены малолѣтними, жительствующими у родителей своихъ дѣтьми, и по окончательному судебному приговору признано будетъ: во-первыхъ, что малолѣтній дѣйствовалъ безъ разумнія, и во-вторыхъ, что родители, имѣя всѣ средства предупредить преступленіе или проступокъ малолѣтняго, не приняли надлежащихъ къ тому

мѣрь и допустили совершеніе онаго по явной съ ихъ стороны небрежности, то вознагражденіе за вредъ и убытки платятъ изъ своего имущества родители малолѣтняго отецъ или мать, или оба вмѣстѣ, по усмотрѣнію суда, хотя бы за симъ малолѣтнимъ и числилось собственное имѣніе. Въ противномъ же случаѣ, то есть, когда родители докажутъ, что не имѣли никакихъ средствъ къ предупрежденію преступленія или проступка малолѣтняго, убытки взыскиваются съ имѣнія сего послѣдняго (т. X, ч. I ст. 652).

Когда признано, что лишившійся жизни, вслѣдствіе какого-либо преступленія, содержалъ собственными трудами своихъ родителей, жену или дѣтей, буде они не имѣютъ другихъ средствъ содержанія или же сіи средства недостаточны, то изъ имущества лица, бывшаго причиною смерти, опредѣляется, по усмотрѣнію суда и соразмѣрно съ имуществомъ виновнаго, оставшемуся послѣ лишившагося жизни семейству достаточное и по возможности приличное, по состоянію сего семейства, содержаніе. Сіе содержаніе должно быть доставляемо каждому изъ членовъ оставшагося семейства до приобрѣтенія или полученія имъ другихъ средствъ существованія, или, въ противномъ случаѣ, родителямъ убитаго до ихъ смерти, вдовѣ его до вступленія въ другое супружество, сыновьямъ до совершеннолѣтія, а дочерямъ до вступленія въ бракъ (т. X, ч. I ст. 657).

Когда малолѣтніе, жительствующие у родителей своихъ, причинятъ кому-либо вредъ и убытки, и, по окончательному судебному приговору, будетъ признано, что родители, имѣя всѣ средства предупредить означенное дѣяніе малолѣтняго, не приняли надлежащихъ къ тому мѣрь и допустили совершеніе онаго по явной съ ихъ стороны небрежности, то вознагражденіе за вредъ и убытки платятъ изъ своего имущества родители малолѣтняго: отецъ или мать, или оба вмѣстѣ, по усмо-

трѣнію суда, хотя бы за малолѣтнимъ и числилось собственное имѣніе. Въ противномъ же случаѣ, т. е. когда родители докажутъ, что не имѣли никакихъ средствъ къ предупрежденію преступленія или проступка малолѣтняго, убытки взыскиваются съ имѣнія сего послѣдняго. На семь же оснований отвѣтствуютъ за вредъ и убытки, причиненные малолѣтними, не находящимися при родителяхъ, а равно и безумными или сумасшедшими, тѣ, кои по закону обязаны имѣть за ними надзоръ (т. X, ч. I ст. 686).

VI. О правѣ наслѣдованія.

Ближайшее право наслѣдованія послѣ отца или матери принадлежитъ законнымъ ихъ дѣтямъ мужескаго пола; за смертію же ихъ, заступаютъ ихъ мѣсто, по праву представленія, внуки; а когда и сихъ въ живыхъ не находится, то правнуки, и такъ далѣе (т. X, ч. I ст. 1127).

Дѣти мужескаго пола, за выдѣломъ указныхъ частей оставшемуся въ живыхъ супругу и дочерямъ, дѣлятъ наслѣдство между собою по равнымъ частямъ поголовно, внуки и правнуки дѣлятъ по праву представленія поколѣнно (т. X, ч. I ст. 1128).

Дѣти, принадлежащія одному изъ супруговъ (сводныя), равно какъ и ихъ нисходящія, наслѣдуютъ токмо въ имѣніи своихъ родителей; на наслѣдство же послѣ вотчима или мачихи не имѣютъ никакого права (т. X, ч. I ст. 1129).

Каждая дочь при живыхъ сыновьяхъ, т. е. сестра при братѣ, получаетъ изъ всего наслѣдственного недвижимаго имѣнія четырнадцатую часть, а изъ движимаго восьмую часть (т. X, ч. I ст. 1130).

Примѣчаніе. Въ губерніяхъ и уѣздахъ Закавказья, обра-

зовавшихся въ предѣлахъ бывшихъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, принадлежашіе къ христіанскому исповѣданію братья и ихъ потомки имѣютъ право слѣдующую сестрѣ изъ недвижимаго имѣнія указную часть оставить за собою, удовлетворивъ ее деньгами по правиламъ, при семъ приложеннымъ.

Если послѣ умершаго владѣльца останется столько дочерей, что по назначеніи каждой изъ нихъ указной части, какъ изъ недвижимаго, такъ и изъ движимаго имѣнія, сыновнія части будутъ менѣ дочернихъ, то, по выдѣлѣ одному изъ супруговъ, оставшемуся во вдовствѣ, указной части, остальное раздѣляется между сыновьями и дочерьми поровну (т. X, ч. I ст. 1131).

Если сыновей и нисходящихъ отъ нихъ не останется, то въ наслѣдство вступаютъ дочери и ихъ нисходящія, и дѣлятъ оное между собою по тѣмъ же правиламъ, какъ и сыновья (т. X, ч. I ст. 1132).

Въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской порядокъ наслѣдованія въ линіи нисходящей опредѣленъ слѣдующимъ образомъ: 1) Имущество, оставшееся послѣ отца, обращается въ наслѣдство къ его законнымъ дѣтямъ мужескаго пола; за смертію же ихъ, заступаютъ ихъ мѣсто, по праву представленія, внуки, а когда и сихъ въ живыхъ не находится, то правнуки и такъ далѣе. 2) Дѣти мужескаго пола дѣлятъ наслѣдство между собою по равнымъ частямъ поголовно, внуки и правнуки дѣлятъ по праву представленія поколѣнно. 3) Наслѣдство дочерей въ имѣніи отца при сыновьяхъ и ихъ нисходящихъ замѣняется назначеніемъ имъ приданаго, на основаніи пункта 2 статьи 1005. 4) Когда сыновей и нисходящихъ отъ нихъ обоюгаго пола не останется, то въ наслѣдство отцовскаго имущества вступаютъ дочери и ихъ нисходящія, и дѣлятъ оное между собою поголовно, а ихъ нисхо-

дѣице поколѣбно. 5) Всякое имущество, оставшееся послѣ матери, родовое и благопріобрѣтенное, недвижимое и движимое, дѣти ея, какъ сыновья, такъ и дочери незамужнія и замужнія, дѣлятъ между собою по равнымъ частямъ поголовно; внуки же и правнуки, по праву представленія, поколѣбно. 6) Когда сынъ или дочь получили отъ матери при ея жизни часть собственнаго ея имущества, первый посредствомъ выдѣла, а послѣдняя въ приданое, то, при открытіи послѣ нея наслѣдства, они отъ участія въ ономъ устраниются, но чрезъ сіе однако же не лишаются права въ такомъ наслѣдствѣ, которое могло бы дойти къ нимъ послѣ смерти матери по праву представленія (т. X, ч. I ст. 1133).

Отъ права наслѣдованія не устраниются... дѣти, хотя бы онѣ не были еще рождены, но токмо зачаты при жизни отца (т. X, ч. I ст. 1106).

Изъ дѣтей, сопричтенныхъ къ законнымъ по особымъ Высочайшимъ указамъ, введенныя во всѣ права, по роду и наслѣдству законнымъ дѣтямъ принадлежація, признаются во всѣхъ линіяхъ наслѣдственныхъ наравнѣ съ законными дѣтьми. Родственники же усыновленные пользуются токмо правомъ наслѣдованія принадлежащимъ имъ по рожденію (т. X, ч. I ст. 1119).

Родители не наслѣдуютъ послѣ дѣтей ихъ въ пріобрѣтенномъ ими послѣдними имуществомъ; но если дѣти умрутъ бездѣтны, то таковыя имѣнія ихъ отдаются въ пожизненное владѣніе отцу и матери совокупно, буде оба въ живыхъ останутся, но съ тѣмъ однакожъ, чтобъ они во время пожизненнаго таковаго владѣнія продать, заложить и инымъ образомъ перевести имѣнія никакуда не могли (т. X, ч. I ст. 1141).

Примѣчаніе (по Прод. 1891 г.). Правило о наслѣдо-

ваши усыновителя въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ усыновленнаго изложено выше, въ статьѣ 156⁵ (по сему Прод.).

Но когда имущество не самими дѣтьми пріобрѣтено, но уступлено сыну или дочери родителями при жизни сихъ послѣднихъ въ видѣ дара, и когда при томъ послѣ умершаго сына или дочери не осталось дѣтей, но токмо наслѣдники въ побочныхъ линіяхъ, то имущество такое, не въ видѣ наслѣдства, а яко даръ, возвращается къ родителямъ, каждому то, что отъ кого было получено (т. X, ч. I ст. 1142).

Въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской имущество, полученное сыномъ отъ родителей посредствомъ выдѣла, въ томъ случаѣ, когда онъ, не распорядившись симъ имуществомъ при жизни, умереть бездѣтно, или хотя бы и имѣлъ отъ брака дѣтей, но они умерли прежде, или хотя и послѣ него, но не достигнувъ совершенныхъ лѣтъ, возвращается къ отцу или къ матери, смотря по тому, отъ кого изъ нихъ таковое имущество было ему выдѣлено. На семъ же основаніи и въ тѣхъ же случаяхъ возвращается къ родителямъ и приданое дочери по ея смерти. Родители наслѣдуютъ въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ дѣтей своихъ, но въ томъ только случаѣ, когда сынъ или дочь умрутъ бездѣтно и не оставятъ по себѣ родныхъ, или же единокровныхъ или единоутробныхъ братьевъ и сестеръ, или ихъ нисходящихъ (т. X, ч. I ст. 1143).

Денежные капиталы, въ кредитныя установленія внесенные, и въ оныхъ по смерти вкладчиковъ, бездѣтно умершихъ, безъ всякаго особеннаго съ ихъ стороны законнаго распоряженія оставшіеся, по требованію родителей и по предъявленію отъ нихъ надлежащихъ судебныхъ свидѣтельствъ, обращаются въ полную ихъ собственность, если въ представленныхъ ими судебныхъ свидѣтельствахъ будетъ означено,

что тѣ денежные капиталы признаны имъ принадлежащими и отъ нихъ къ дѣтямъ ихъ дошедшими (т. X, ч. I ст. 1144).

Если же въ выданномъ имъ (ст. 1144) отъ судебного мѣста свидѣтельствѣ будетъ означено, что тѣ капиталы не отъ нихъ дѣтямъ ихъ дошли, но самими дѣтьми ихъ были приобрѣтены, то выдаются родителямъ съ капиталовъ сихъ одни только проценты по жизнь (т. X, ч. I ст. 1145).

Если бы на сіи капиталы (ст. 1144) вступили требованія отъ казны или частныхъ людей, законнымъ порядкомъ утвержденныя, тогда обращать сіи капиталы прежде всего на удовлетвореніе таковыхъ требованій безъ всякаго различія въ ихъ происхожденіи, а затѣмъ обращать въ пользу родителей, въ собственность или по жизнь, сообразно выданнымъ имъ свидѣтельствамъ, токмо то, что за симъ удовлетвореніемъ останется (т. X, ч. I ст. 1146).

Какъ кредитныя установленія не входятъ ни въ какое судебное разбирательство о правахъ наслѣдства, то опредѣленіе случаевъ, въ коихъ капиталы, послѣ бездѣтно умершихъ безъ распоряженія ихъ оставшіеся (ст. 1144), должны принадлежать родителямъ ихъ въ собственность, или же въ пожизненное пользованіе такъ, какъ и удостовѣреніе въ томъ, что капиталы сіи свободны отъ долговъ и взысканій принадлежать судебнымъ мѣстамъ, къ коимъ родители и должны прежде всего обращаться для полученія отъ нихъ положенныхъ законами свидѣтельствъ (т. X, ч. I ст. 1147).

Всѣ имущества *благоприобрѣтенныя*, движимыя и недвижимыя, могутъ быть завѣщасмы неограниченно... (т. X, ч. I ст. 1067).

Родовыя имѣнія не подлежатъ завѣщанію. Изъ сего общаго правила допускается лишь одно слѣдующее изъятіе: лицо, не имѣющее ни дѣтей, ни иныхъ по прямой линіи отъ него

нисходящихъ, можетъ предоставить все свое родовое имущество, или же часть онаго, мимо ближайшихъ своихъ наслѣдниковъ и несмотря ни на какую степень родства, одному лицу, изъ дальнѣйшихъ, или равно близкихъ родственниковъ или родственницъ своихъ, но лишь того рода, изъ котораго досталось завѣщаемое избранному имъ наслѣднику имущество хотя бы сіе лицо, по происхожденію отъ женскаго въ томъ родѣ колѣна, или по иной причинѣ, и не носило имени и фамиліи завѣщателя или завѣщательницы. На семъ же основаніи владѣлецъ, не имѣющій ни дѣтей, ни иныхъ по прямой линіи отъ него нисходящихъ, можетъ, если имѣніе дошло къ нему изъ разныхъ родовъ, избрать и назначить по одному отъ каждаго изъ сихъ родовъ наслѣднику. Духовныя завѣщанія сего рода должны быть совершаемы нотаріальнымъ порядкомъ, или у крѣпостныхъ дѣлъ; когда же они совершены порядкомъ домашнимъ, то признаются дѣйствительными лишь въ случаѣ, если внесены самимъ завѣщателемъ для храненія въ Опекункій Совѣтъ, или въ Отдѣленіе Канцеляріи Совѣта Человѣколюбиваго Общества, или въ Попечительный Комитетъ сего Общества... (т. X, ч. I ст. 1068).

Имѣнія заповѣдныя наслѣдственныя и имѣнія, пожалованныя на правѣ маіоратовъ въ губерніяхъ Западныхъ, не подлежатъ завѣщаніямъ вопреки правилъ, для перехода сихъ имѣній по наслѣдству постановленныхъ... (т. X, ч. I ст. 1169).

Во всякомъ случаѣ лица, имѣющія законныхъ дѣтей или другихъ нисходящихъ отъ нихъ по прямой линіи потомковъ, могутъ наслѣдниками учреждаемыхъ ими заповѣдныхъ имѣній назначать лишь своихъ законныхъ дѣтей и нисходящее отъ нихъ по прямой линіи потомство, съ соблюденіемъ между ними старшинства по праву первородства и представленія и съ предпочтеніемъ въ одинакихъ степеняхъ мужскаго колѣна жен-

скому, по установленному ниже сего въ статьяхъ 1198—1209 для наслѣдованія заповѣдными имѣніями порядку (т. X, ч. I ст. 1193).

В. Объ опекахъ и попечительствѣхъ родителей.

Опека надъ имуществомъ, дошедшимъ въ собственность малолѣтнимъ дѣтямъ, при жизни ихъ родителей, принадлежитъ отцу (т. X, ч. I ст. 226).

Родители имѣютъ право назначить въ духовномъ завѣщаніи къ оставшимся послѣ нихъ малолѣтнимъ дѣтямъ и имуществу опекуновъ по собственному своему избранію (т. X, ч. I ст. 227).

Опекуны, родителями назначенные, состоятъ въ вѣдомствѣ и подчиненности тѣхъ же мѣстъ, коимъ подчиняются опекуны, отъ правительства опредѣляемые (т. X, ч. I ст. 228).

Если въ завѣщаніи не назначено особыхъ опекуновъ къ дошедшему малолѣтнимъ дѣтямъ имуществу, то опека принадлежитъ оставшемуся въ живыхъ отцу и матери, если нѣтъ въ виду причинъ, по которымъ они, на основаніи статей 256 и 258, не могли бы быть опекунами (т. X, ч. I ст. 229).

Если родитель не откажется отъ опекунскаго управленія, и если завѣщаніемъ не назначено въ помощь ему другаго опекуна, то опека предоставляется ему одному лично, безъ участія другихъ (т. X, ч. I ст. 230).

Когда въ завѣщаніи опекуна не назначено, а оставшійся въ живыхъ отецъ или мать сей обязанности на себя не примутъ, то опекуны избираются и опредѣляются правительствомъ (т. X, ч. I ст. 231).

Въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской право назначенія опекуновъ въ завѣщаніи принадлежитъ отцу; опекунами

по завѣщанію могутъ быть и лица, не имѣющія достаточнаго для обезпеченія опеки имущества. Опека надъ малолѣтними принадлежитъ оставшемуся въ живыхъ родителю, а мать управляетъ оную вмѣстѣ съ назначенными отъ Дворянской Опеки или Сиротскаго Суда старшими родственниками малолѣтнихъ, преимущественно съ отцовской стороны, а за немѣніемъ ихъ и посторонними лицами. Къ опекѣ надъ несовершеннолѣтними, оставшимися безъ отца и матери, ежели нѣтъ опекуновъ по завѣщанію, призываются родственники ихъ и свойственники въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) родные старшіе братья; 2) дяди и другіе родственники съ отцовской стороны; 3) таковыя же лица со стороны матери; 4) замужнія родственницы по мужескому колѣну; 5) такія же по женскому. Замужнія родственницы не иначе допускаются къ опекѣ какъ вмѣстѣ съ мужьями и подъ общемою ихъ отвѣтственностію (т. X, ч. I ст. 232).

Выборъ въ опекуны долженъ быть обращаемъ на такихъ людей, кои нравственными качествами даютъ надежду къ прирѣнію малолѣтняго въ здравіи, добронравномъ воспитаніи и достаточномъ по его состоянію содержаніи, и отъ которыхъ ожидать можно отеческаго къ малолѣтнему попеченія. Посему запрещается опредѣлять опекунами: 1) расточившихъ собственное и родительское имѣніе; 2) имѣющихъ явные и гласные пороки, или же лишенныхъ по суду всѣхъ правъ состоянія, или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, какъ лично, такъ и по состоянію имъ присвоенныхъ, или же нѣкоторыхъ, по статьѣ 50 Уложенія о Наказаніяхъ, личныхъ правъ и преимуществъ; 3) извѣстныхъ суровыми своими поступками; 4) имѣвшихъ ссору съ родителями малолѣтняго; 5) несостоятельныхъ (т. X, ч. I ст. 256).

Въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, сверхъ лицъ,

подвергшихся запрещенію къ тому общими законами, не могутъ быть назначены опекунами: 1) не состоящіе въ Россійскомъ подданствѣ, и 2) не имѣющіе собственнаго имущества, достаточнаго къ обезпеченію опеки, кромѣ лишь случая, когда, на основаніи статьи 232, такія лица будутъ назначены опекунами въ завѣщаніи отца малолѣтнихъ (т. X, ч. I ст. 258).

Если опека учреждена въ лицѣ родителей, то по имуществу малолѣтнихъ дѣтей они подчиняются всѣмъ тѣмъ же правиламъ, какія выше сего постановлены для опекуновъ постороннихъ, относительно продажи, залога и заклада имѣнія, и отчетности въ управленіи онымъ (т. X, ч. I ст. 294).

Въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской: 1) отецъ оставшееся послѣ матери имущество, слѣдующее малолѣтнимъ ея дѣтямъ, а равно имущество отъ имени сихъ малолѣтнихъ отысканное по суду, или же принадлежащее имъ по укрѣпленіямъ, удерживаетъ въ своемъ управленіи до совершеннолѣтія сыновей, и до выхода въ замужество дочерей; 2) съ принятіемъ въ свое завѣдываніе имущества малолѣтнихъ, отецъ обязанъ о состояніи его донести Дворянской Опекеѣ или Сиротскому Суду по принадлежности; 3) управляя имѣніемъ на правѣ опекунескомъ, отецъ не даетъ отчета въ вырученныхъ доходахъ, будучи обязанъ къ возврату въ цѣлости самаго токмо имущества; 4) отецъ по достиженіи совершеннолѣтія однимъ изъ сыновей, или при выходѣ въ замужество одной изъ дочерей, отдаетъ слѣдующія имъ только части, удерживая части прсчихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей въ своемъ управленіи; 5) за труды по управленію имуществомъ малолѣтнихъ отецъ не получаетъ опредѣленнаго законами другимъ опекунамъ вознагражденія; 6) мать, если ей одной по завѣщанію отца, предоставлена опека, управляетъ имѣніемъ малолѣтнихъ, согласно

завѣщанію, но подъ наблюденіемъ родственниковъ сихъ малолѣтнихъ, преимущественно съ отцовской стороны; 7) ежели опека ввѣрена матери вмѣстѣ съ другими опекунами, то она управляетъ имуществомъ малолѣтнихъ не иначе, какъ при содѣйствіи сихъ другихъ опекуновъ; 8) назначенная опекуншею мать въ отношеніи къ принятію имѣнія малолѣтнихъ дѣтей по описи, отчетности, по управленію онымъ, возвращенію онаго дѣтямъ и въ награжденіи за труды по опекабъ, подчиняется общимъ для опекуновъ постановленнымъ правиламъ; сіе однакожь не относится къ матери, пользующейся въ имуществѣ малолѣтнихъ правомъ пожизненнаго владѣнія: въ семъ случаѣ мать обязывается единственно къ возврату въ цѣлости имѣнія безъ полученныхъ съ онаго доходовъ, и вознагражденія за труды по опекабъ требовать не можетъ; 9) съ прекращеніемъ опеки по достиженіи совершеннолѣтія или выхода въ замужество состоящихъ подъ опекою, они принимаютъ отъ опекуновъ имущество свое по описи и при надлежащемъ отчетѣ; за промедленіе въ сдачѣ имущества опекуны подлежатъ законной отвѣтственности. Сверхъ того вышедшимъ изъ опеки, до истеченія земской давности отъ достиженія ими совершеннолѣтія или выхода въ замужество, предоставляется отчужденное неправильно опекуномъ во время ихъ малолѣтства недвижимое имѣніе отыскивать прямо отъ того, въ чьемъ владѣніи оно будетъ тогда находиться, а сей послѣдній съ искомъ своимъ обращается къ имѣнію опекуна (т. X, ч. I ст. 295).

Г. О дѣтяхъ законныхъ, незаконныхъ и усыновленныхъ.

I. О дѣтяхъ законныхъ.

Всѣ дѣти, рожденныя въ законномъ бракѣ, признаются законными, хотя бы они родились: 1) по естественному порядку слишкомъ рано отъ совершенія брака, если только отецъ

не отрицалъ законности ихъ рожденія; 2) по прекращеніи или растороженіи брака, если только между днемъ рожденія и днемъ смерти отца или расторженія брака прошло не болѣе трехъ сотъ шести дней (т. X, ч. I ст. 119).

Примѣчаніе 1. Законность дѣтей раскольниковъ рожденныхъ отъ браковъ, существовавшихъ до 19 апрѣля 1874 года, опредѣляется особыми правилами.

Примѣчаніе 2 (по Прод. 1890 г.). Всѣ дѣти, рожденные до обнаруженія закона 12 марта 1888 года отъ браковъ, совершенныхъ въ возвращенномъ отъ Румыніи, по Берлинскому трактату 1878 года, участкѣ Бессарабіи, по дѣйствовавшимъ при Румынскомъ правительствѣ законамъ, гражданскимъ порядкомъ, хотя и безъ освященія сихъ браковъ церковнымъ вѣнчаніемъ, признаются законными.

Для лица, рожденнаго въ супружествѣ, но слишкомъ по обыкновенному естественному порядку рано, т. е. прежде ста восьмидесяти дней послѣ совершенія бракосочетанія, доказательствомъ, что отецъ его не отрицалъ законности его рожденія, признаются показанія или письма отца или удостовѣреніе, что онъ обращался съ нимъ какъ съ своимъ сыномъ или дочерью, и посему заботился о его содержаніи и воспитаніи, и что сіе лицо всегда пользовалось безпрекословно именемъ фамиліи того, кого оно именуетъ своимъ отцомъ (т. X, ч. I, ст. 125).

Законность лица, рожденнаго по истеченіи трехъ сотъ шести дней послѣ прекращенія брака смертію мужа или послѣ растороженія сего брака установленнымъ на то порядкомъ, могутъ оспаривать всѣ тѣ, коихъ права личныя или по имуществу были бы нарушены чрезъ признаніе его законнорожденнымъ, но не позднѣе какъ чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ рожденія сего младенца (т. X, ч. I ст. 131).

II. О производствѣ дѣлъ о законности рожденія.

Право доказывать законность рожденія не прекращается никакою давностью (Уст. Гр. Суд. ст. 1347).

Законность младенца, родившагося при существованіи законнаго брака, оспаривать въ правѣ только мужъ его матери, приче́мъ онъ обязанъ доказать, что находился въ разлукѣ съ женою своею въ теченіе всего того времени, къ которому можно отнести зачатіе младенца (Зак. Гражд., ст. 119 и 125) (Уст. Гр. Суд. ст. 1348).

Споръ противъ законности рожденія младенца не допускается, если младенецъ записанъ въ метрической книгѣ законнорожденнымъ и при сей записи росписался мужъ матери младенца, или кто-либо другой по его просьбѣ (Уст. Гр. Суд. ст. 1349).

Дѣло о незаконности рожденія младенца, при существованіи законнаго брака, можетъ быть начато въ *годовой* срокъ со времени рожденія младенца, если во время рожденія мужъ находился въ предѣлахъ государства, и въ *двухлодовой*, если онъ находился за границею (Уст. Гр. Суд. ст. 1350).

Означенный въ предшедшей статьѣ срокъ на начатіе дѣла, считается со дня, въ который мужъ узналъ о рожденіи младенца, признаваемаго имъ за незаконнаго въ такомъ только случаѣ, когда жена его нашла средство скрывать отъ него рожденіе младенца (Уст. Гр. Суд. ст. 1351).

Если мужъ умеръ до рожденія младенца или до истеченія предоставленнаго ему предшедшими статьями срока для начатія спора противъ законности рожденія, то право начинать или продолжать сей искъ переходитъ къ наследникамъ его по закону лишь въ томъ случаѣ, когда онъ прежде смерти не

объявляяль, что признаеть сего младенца законнымъ (Уст. Гр. Суд. ст. 1352).

Въ означенномъ въ предшедшей статьѣ случаѣ наслѣдники обязаны: во-первыхъ, начать искъ не позднѣе, какъ въ теченіе *трехъ мѣсяцевъ*, считая со дня смерти мужа матери младенца, или жо со дня рожденія сего младенца, если онъ родился послѣ смерти мужа его матери, и во-вторыхъ, доказать, что мужу вовсе не было извѣстно существованіе младенца (Уст. Гр. Суд. ст. 1353).

III. О состояніяхъ.

Лишеніе правъ состоянія не распространяется ни на жену осужденнаго ни на дѣтей его, прижитыхъ, т. е. рожденныхъ уже, или зачатыхъ прежде сего осужденія, если они не участвовали въ его преступленіи. Они сохраняють право своего состоянія даже и въ томъ случаѣ, когда добровольно послѣдуютъ въ ссылку за осужденнымъ (т. IX ст. 11).

Жена не сообщаетъ своего состоянія ни мужу ни дѣтямъ (т. IX ст. 5).

Потомственный дворянинъ сообщаетъ состояніе свое всеѣмъ его дѣтямъ и потомкамъ обоого пола (т. IX ст. 39).

Дѣтямъ лицъ, произведенныхъ въ чины послѣ ихъ смерти, предоставляется право пользоваться сопряженными съ сими чинами преимуществами, если только при удостоеніи отцовъ ихъ къ чину, опредѣленный для сего срокъ выслуги окончился прежде ихъ смерти (т. IX ст. 42).

Личное дворянство не сообщается ни дѣтямъ, ни потомству (т. IX ст. 53).

Права потомственнаго почетнаго гражданина переходять ко всеѣмъ его дѣтямъ (т. IX ст. 536).

Дѣти личныхъ почетныхъ гражданъ причисляются въ мѣщанство тамъ, гдѣ это по постоянному ихъ пребыванію будетъ слѣдовать, и если они не поступили въ высшее состояніе на основаніи общихъ законовъ (т. IX ст. 537).

Купцы сообщаютъ права своего состоянія дѣтямъ и родственникамъ, въ одно съ ними свидѣтельство внесеннымъ (т. IX ст. 540).

Дѣти мѣщанина пользуются состояніемъ его потомственно (т. IX ст. 541).

Сельскій обыватель сообщаетъ свое состояніе своимъ дѣтямъ (т. IX ст. 710).

IV. О дѣтяхъ незаконныхъ.

Незаконныя дѣти суть: 1) (по Прод. 1891 г.) рожденныя вѣдъ брака, если они не были установленнымъ порядкомъ узаконены; 2) происшедшія отъ прелюбодѣянія; 3) рожденныя по смерти мужа матери, или по расторженіи брака разводомъ, когда со дня смерти мужа матери, или расторженія брака, до дня рожденія сего младенца протекло болѣе трехъ сотъ шести дней; 4) всѣ прижитыя въ бракъ, который по приговору подлежащаго суда признанъ незаконнымъ и недѣйствительнымъ (т. X, ч. I ст. 132).

Родители происшедшихъ отъ недѣйствительнаго брака дѣтей подчиняются, до совершеннолѣтія сихъ послѣднихъ, обязанностямъ, опредѣленнымъ въ статьѣ 172. Въ случаѣ признанія брака, совершеннаго съ запискою въ метрическія книги, незаконнымъ и недѣйствительнымъ, подлежащій судъ, который разсматриваетъ дѣло послѣ суда духовнаго (Уст. угол. суд., изд. 1883 г., ст. 1014 и 1015), можетъ, во вни-

маніє къ обстоятельствамъ, заслуживающимъ снисхожденія, повергать на Милостивое воззрѣніе Императорскаго Величества ходатайства о сохраненіи за дѣтьми, рожденными въ семь бракъ, правъ законныхъ дѣтей. Просьбы объ исходатайствованіи Всемилостивѣйшаго на сіе соизволенія могутъ быть заявляемы подлежащему суду и въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшеніе духовнаго суда объ уничтоженіи брака постановляется послѣ окончанія суда уголовного (Уст. угол. суд., изд. 1883 г., ст. 1012 и 1013). Просьбы сего рода подаются и разсматриваются въ порядкѣ, установленномъ статьями 1460¹ и 1460⁵ Устава гражданскаго судопроизводства (по сему Прод.). Если одинъ изъ супруговъ вовлеченъ былъ въ противозаконный бракъ обманомъ или насиліемъ, то и участь невиннаго супруга, вступившаго по невѣдѣнію или принужденію въ недѣйствительный бракъ, можетъ быть повергнута судомъ на Высочайшее воззрѣніе (т. X, ч. I ст. 133).

Когда бракъ расторгнутъ, по совершенной, надлежащимъ образомъ доказанной, неспособности мужа къ супружескому сожитію, то дѣти, рожденныя при существованіи сего брака, признаются также незаконными (т. X, ч. I ст. 134).

Дѣти, рожденныя отъ брака, расторгнутаго по причинѣ прелюбодѣянія матери, признаются однакоже законными, если рожденіе ихъ прежде расторженія сего брака не было сокрыто отъ мужа, и если нѣтъ другихъ доказательствъ ихъ незаконности (т. X, ч. I ст. 135).

Незаконныя дѣти, хотя бы они и были воспитаны тѣми, которые именуется ихъ родителями, не имѣютъ права на имя фамиліи отца и законное послѣ него или послѣ матери своей въ имуществѣ наслѣдство (т. X, ч. I ст. 136).

Лицо, рожденное отъ недѣйствительнаго брака, хотя бы по Монаршей милости ему и былъ предоставленъ какой либо

удѣлъ въ родительскомъ имѣніи, не приобретаеть черезъ то правъ на наслѣдство послѣ другихъ родственниковъ (т. X, ч. I ст. 137).

Правила о причисленіи незаконнорожденныхъ къ городскому или сельскому состоянію изложены въ Уставѣ о Податяхъ и въ Законахъ о Состояніяхъ (изд. 1876 г.) (т. X, ч. I ст. 138).

Незаконнорожденные дѣти казачьихъ вдовъ, женъ и дѣвокъ зачисляются въ казачье сословіе. Симъ незаконнорожденнымъ не назначается фамиліи отца ихъ или матери, а дается прозваніе по желанію ихъ родителей или воспитателей, подкидышамъ же къ лицамъ казачьяго сословія даются фамиліи воспитателей ихъ тогда, когда они усыновлены воспитателями, а въ противномъ случаѣ они носятъ прозванія по назначенію сихъ послѣднихъ (т. X, ч. I ст. 139).

Примѣчаніе. Въ казачьихъ войскахъ Восточной Сибири тѣхъ изъ незаконнорожденныхъ дѣтей казачьихъ вдовъ, женъ и дѣвокъ, которыя прежде достиженія семилѣтняго возраста останутся круглыми сиротами, а между тѣмъ никто изъ лицъ войсковаго сословія не изъявитъ согласія взять ихъ на воспитаніе, дозволяется принимать на воспитаніе лицамъ мѣщанскаго и крестьянскаго состояній, съ припиской къ своимъ семействамъ, съ разрѣшенія Генераль-Губернаторовъ Иркутскаго и Приамурскаго, по принадлежности.

Всѣ воспитанники и незаконнорожденные, сопричтенные къ законнымъ дѣтямъ по особымъ Высочайшимъ указамъ, пользуются ненарушимо всѣми правами и преимуществами, силою тѣхъ указовъ имъ предоставленными (т. X, ч. I ст. 144).

За противозаконное сожитіе неженатаго съ незамужнею.

по взаимному ихъ согласію, виновные, если они христіане, подвергаются:

церковному покаянію по распоряженію своего духовнаго начальства.

Но когда послѣдствіемъ такой порочной жизни было рожденіе младенца, то отецъ обязанъ, сообразно съ состояніемъ своимъ, обезпечить приличнымъ образомъ содержаніе младенца и матери (ст. 994 Улож. о нак.).

Если подвергшаяся изнасилованію дѣвица не имѣетъ средствъ къ существованію, то изъ имѣнія лица, виновнаго въ изнасилованіи, должно быть, по требованію ея, или ея родителей, или опекуновъ, обезпечено прилично ея состоянію, соразмѣрное съ имуществомъ виновнаго, содержаніе, до выхода ея въ замужество, и возвращены всѣ употребленныя на ея излеченіе и попеченіе о ней во время леченія издержки, если послѣдствіемъ преступленія была болѣзнь изнасилованной; а буде она вслѣдствіе изнасилованія сдѣлалась беременною и родила, то должны быть доставлены и средства на содержаніе и воспитаніе младенца, доколѣ онъ по возрастѣ не будетъ въ состояніи избрать родъ жизни (т. X, ч. I ст. 663).

Когда бракъ признанъ недѣйствительнымъ, какъ совершенный по принужденію или обману, то виновный въ семьѣ обязанъ, по усмотрѣнію суда и соразмѣрно съ его собственнымъ состояніемъ, доставить насильно или по обману обвиняемой съ нимъ средства приличнаго ея состоянію существованія, до вступленія ея въ другое супружество. Онъ долженъ обезпечить и участь дѣтей, рожденныхъ отъ сего брака (т. X, ч. I ст. 666).

V. *Объ узаконеніи.*

Для христіанскаго населенія постановлены слѣдующія правила о дѣтяхъ узаконенныхъ:

1) Дѣти, рожденныя внѣ брака, кромѣ происшедшихъ отъ прелюбодѣянія, узаконяются бракомъ ихъ родителей.

2) Опредѣленіе суда объ узаконеніи дѣтей постановляется по правиламъ, изложеннымъ въ статьяхъ 1460¹—1460⁷ устава гражданскаго судопроизводства.

3) Узаконенныя дѣти почитаются законными со дня вступленія ихъ родителей въ бракъ и пользуются съ этого времени всѣми правами законныхъ дѣтей, отъ сего брака рожденныхъ.

4) Въ случаѣ признанія брака родителей (п. 1) незаконнымъ и недействительнымъ, а также въ случаѣ его расторженія, права узаконенныхъ симъ бракомъ дѣтей опредѣляются на томъ же основаніи, какъ и права дѣтей, рожденныхъ въ бракъ (т. X, ч. I ст. 144¹).

Просьбы объ узаконеніи дѣтей, рожденныхъ до брака подаются окружному суду, по мѣсту постоянного жительства родителей ребенка или сего послѣдняго. Подача сихъ просьбъ чрезъ повѣренныхъ не допускается (уст. гр. суд. ст. 1460¹).

При просьбѣ должны быть представлены: письменное заявленіе отца и матери о томъ, что ребенокъ происходитъ отъ нихъ, и метрическія свидѣтельства: о рожденіи ребенка и о бракѣ родителей, а также для лицъ, вступившихъ во второе или третье супружество, — о прежнихъ ихъ бракахъ, вмѣстѣ съ свидѣтельствами о времени прекращенія послѣднихъ (Уст. гр. суд. ст. 1460²).

Въ просьбѣ, поданной окружному суду по истеченіи болѣе одного года со дня совершенія брака, служащаго основаніемъ

къ узаконенію, должны быть объяснены причины, оправдывающія такое промедленіе (уст. гр. суд. ст. 1460³).

Примѣчаніе. Указанный въ сей статьѣ срокъ исчисляется со дня обнародованія узаконенія 12 марта 1891 года, если бракъ совершенъ до изданія онаго.

Судъ извѣщаетъ просителей о днѣ, назначенномъ для слушанія дѣла, и, удостовѣрясь: 1) въ возможности пропехожденія ребенка отъ признающихъ себя его родителями и въ тождествѣ признающей себя матерью ребенка съ тою, которая означена въ метрическомъ свидѣтельствѣ о его рожденіи; 2) въ существованіи законнаго брака между родителями; 3) въ отсутствіи законныхъ препятствій къ узаконенію ребенка, и 4) въ уважительности представленныхъ на основаніи предшедшей (1460³) статьи объясненій просителей, а также выслушавъ словесныя объясненія ихъ, если они явились въ засѣданіе, — постановляетъ опредѣленіе объ узаконеніи ребенка (уст. гр. суд. ст. 1460⁴).

Примѣчаніе. Когда при узаконеніи отчество или фамилія узаконяемаго перемѣняются, въ опредѣленіи должно быть означено, подъ какимъ именемъ, отчествомъ и фамиліею или прозвищемъ узаконяемый былъ записанъ въ метрической книгѣ о рожденіяхъ.

Дѣла объ узаконеніи разматриваются судомъ при закрытыхъ дверяхъ и разрѣшаются по выслушаніи заключенія прокурора (уст. гр. суд. ст. 1460⁵).

Жалобы на опредѣленія окружного суда по дѣламъ объ узаконеніи допускаются со стороны какъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, такъ и прокурора, и подаются съ соблюденіемъ порядка и сроковъ, указанныхъ въ статьяхъ 784, 785, 787, 789—791 (уст. гр. суд. ст. 1460⁶).

По вступленіи опредѣленія объ узаконеніи въ законную

силу, судъ дѣлаеть надпись о состоявшемся опредѣленіи на метрическомъ свидѣтельствѣ о рожденіи узаконяемаго и сообщаетъ о семъ подлежащей духовной консисторіи для соответственной отмѣтки въ метрической книгѣ о рожденіяхъ. Въмѣстѣ съ симъ, окружный судъ, по соблюденіи въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ изъ родителей принадлежитъ къ православному исповѣданію правилъ, установленныхъ въ статьяхъ 67 (п. 1) и 68 законовъ гражданскихъ, выдаетъ, взамѣнъ метрическаго свидѣтельства о рожденіи узаконяемаго, новое о его рожденіи свидѣтельство, по формѣ, при семъ приложенной. Сіе свидѣтельство во всѣхъ случаяхъ имѣеть ту же силу, какъ метрическое (уст. гр. суд. ст. 1460⁷).

Примѣчаніе. Когда на сопричтеніе къ законнымъ дѣтямъ послѣдовали особые Высочайшіе указы, новыя свидѣтельства о рожденіи, взамѣнъ метрическихъ, выдаются на точномъ основаніи сихъ указовъ.

VI. О дѣтяхъ усыновленныхъ.

Лицамъ всѣхъ состояній, безъ различія пола (кромѣ тѣхъ, кои по сану своему обречены на безбрачіе), если они не имѣють собственныхъ законныхъ или узаконенныхъ дѣтей, дозволяется усыновлять своихъ воспитанниковъ, пріемышей и чужихъ дѣтей на основаніи слѣдующихъ (146—156, 156⁴—151⁷) статей (т. X, ч. I, ст. 145).

Примѣчаніе. Указомъ Правительствующаго Сенага разъяснено: внѣ мѣстъ постоянной осѣдлости евреевъ, евреи могутъ усыновлять на основаніи общихъ законовъ Имперіи,

только тѣхъ изъ своихъ единовѣрцевъ, которые сами имѣютъ право проживать повсемѣстно въ Имперіи.

Усыновитель долженъ имѣть не менѣе тридцати лѣтъ отъ роду, быть старше усыновляемаго по крайней мѣрѣ восемнадцатю годами и имѣть общую гражданскую правоспособность (т. X, ч. I ст. 146).

Никто не можетъ быть въ усыновленіи у двухъ лицъ, кромѣ случая усыновленія супругами (т. X, ч. I ст. 147).

Усыновленіе лицъ христіанскаго вѣроисповѣданія нехристіанами и сихъ послѣднихъ лицами христіанскаго вѣроисповѣданія воспрещается (т. X, ч. I ст. 148).

Примѣчаніе. Лицамъ, принадлежащимъ къ раскольничьимъ и инымъ сектамъ, воспрещается усыновлять православныхъ.

Для усыновленія требуется согласіе родителей усыновляемаго, или его опекуновъ и попечителей, а также его самого, если онъ достигъ четырнадцатилѣтняго возраста (т. X, ч. I ст. 149).

Для усыновленія однимъ изъ супруговъ требуется согласіе другого супруга (т. X, ч. I ст. 150).

Усыновленіе священнослужителями и церковными причетниками (дьячками, пономарями и псаломщиками) допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея (т. X, ч. I ст. 151).

Усыновитель можетъ передать усыновленному свою фамилію, если усыновленный не пользуется большими правами состоянія сравнительно съ усыновителемъ. Передача усыновленнымъ фамилій потомственными дворянами можетъ послѣдовать не иначе, какъ съ Высочайшаго соизволенія, испрашиваемаго послѣ усыновленія, въ порядкѣ и при условіяхъ, указанныхъ въ Законахъ о Состояніяхъ. Лица женскаго пола, не вступившія въ бракъ, на передачу усыновленному по-

симою ими фамиліи, при жизни своихъ родителей, обязаны не просить согласіе сихъ послѣднихъ (т. X, ч. I ст. 152).

Усыновленные дворянами и потомственными почетными гражданами, имѣющіе меньшія права состоянія, приобретаютъ усыновленіемъ личное почетное гражданство (т. X, ч. I ст. 153).

Во всѣхъ случаяхъ, кромѣ указанныхъ выше въ статьѣ 153, усыновленный сохраняетъ права состоянія, принадлежавшія ему до усыновленія (т. X, ч. I ст. 154).

Усыновленіе мѣщанами и сельскими обывателями совершается пропискою усыновленнаго къ семейству усыновителя, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ статьяхъ 146—150, 152, 154 и 156¹—156⁷ (т. X, ч. I ст. 155).

Усыновленныхъ купцами дозволяется вносить въ купечскія свидѣтельства наравнѣ съ родными дѣтми усыновителя (т. X, ч. I ст. 156).

Примѣчаніе. Особыя правила объ усыновленіи шотландцевъ Императорскихъ С.-Петербургскаго и Московскаго Воспитательныхъ Домовъ при семъ приложены.

Усыновленный вступаетъ по отношенію къ усыновителю во всѣ права и обязанности законныхъ дѣтей, указанныхъ въ статьяхъ 164—195, и приобретаетъ право наследованія въ благоприобрѣтенномъ имуществѣ усыновителя, съ тѣмъ однако, что наследуемое имѣніе усыновителя, не имѣющаго родныхъ сыновей, а имѣющаго лишь дочерей, дѣлится между сими послѣдними и усыновленнымъ поровну (т. X, ч. I ст. 156⁴).

Пошлина (съ имущества, переходящихъ безмездными способами) съ имущества, переходящаго отъ одного супруга къ другому, къ родственникамъ въ прямой нисходящей или восходящей линіи, усыновленнымъ дѣтямъ и къ супругамъ дѣтей взимается въ размѣрѣ одного процента (т. V, Уст. о Пошлин. ст. 154).

Усыновленіе не даетъ усыновленному права на пенсію и на единовременныя пособія за службу усыновителя (т. X, ч. I ст. 156²).

Усыновленный участвуетъ въ наследованіи послѣ родственниковъ усыновителя только тогда, когда имѣеть на сіе право по законному съ ними родству (т. X, ч. I ст. 156³).

Нисходящіе усыновленнаго заступають его мѣсто при наследованіи, по праву представленія (т. X, ч. I ст. 156⁴).

Въ случаѣ бездѣтной смерти усыновленнаго, благопріобрѣтенное имущество его поступаетъ къ усыновителю согласно съ правилами, изложенными въ статьѣ 1141; но имущество, уступленное усыновленному въ видѣ дара его родителями или усыновителемъ, возвращается первымъ или послѣднему, смотря по тому, отъ кого было получено (ст. 1142) (т. X, ч. I ст. 156⁵).

Имущественныя права усыновляемыхъ сельскими обывателями опредѣляются на основаніи правилъ, изложенныхъ въ Особомъ Приложеніи къ Законамъ о Состояніяхъ (т. X, ч. I ст. 156⁶).

Усыновленный сохраняетъ право наследованія по закону послѣ своихъ родителей и ихъ родственниковъ (т. X, ч. I ст. 156⁷).

Приписка къ семействамъ мѣщанскимъ и крестьянскимъ должна быть производима съ вѣдома городскихъ и мірскихъ обществъ, но согласія обществъ на таковую приписку не требуется. Усыновленіе мѣщанами въ видѣ приписки должно происходить съ утвержденія Казенныхъ Палатъ (т. X, ч. I ст. 157).

При принятіи на воспитаніе надлежитъ наблюдать, чтобы воспитатели изъ мѣщанъ и крестьянъ не приписывали къ семействамъ своимъ иныхъ, какъ только пріемышей, принадле-

жащихъ къ мѣщанскому или ремесленному сословіямъ и къ состоянію сельскихъ обывателей, а также лицъ, обязанныхъ избрать родъ жизни. Въ отвращеніе могущаго быть при припискѣ пріемышей подлога въ сокрытіи состоянія пріемыша, предоставляется обществамъ имѣть должное за симъ наблюденіе и таковой подлогъ или укрывательство доказывать установленнымъ для сего порядкомъ (т. X ч. I ст. 158).

Усыновленіе дѣтей нижними воинскими чинами всѣхъ вѣдомствъ производится не иначе, какъ съ разрѣшенія подлежащаго начальства (т. X, ч. I ст. 160).

Усыновленіе нижними чинами казачьихъ войскъ производится съ соблюденіемъ особыхъ правилъ (т. X, ч. I ст. 161).

Примѣчаніе. Усыновленіе казаками, не пользующимися правами потомственного дворянства, лицъ не казачьяго сословія, за исключеніемъ потомственныхъ дворянъ, допускается не иначе, какъ по зачисленіи усыновляемыхъ, на общемъ основаніи, въ составъ того войска, въ которомъ принадлежатъ усыновители. При семъ, для зачисленія въ войско подкидышей съ цѣлью ихъ усыновленія, не требуется предварительнаго согласія обществъ, въ которыхъ числятся усыновители.

Право усыновленія подкидышей или непомнящихъ родства, предоставленное Россійскимъ подданнымъ мѣщанскаго и сельскаго званія, распространяется и на живущихъ въ Россіи иностранцевъ, не принявшихъ Россійскаго подданства, но съ тѣмъ, чтобъ усыновляемые подкидыши, которыхъ происхожденіе и крещеніе неизвѣстны, были крещены и воспитываемы въ Православномъ исповѣданіи, кромѣ только трехъ Прибалтійскихъ губерній, для коихъ сіе правило не обязательно, и чтобы, сверхъ того, они сохраняли званіе Россійскихъ подданныхъ; въ причисленіи же таковыхъ лицъ по пер-

вой за тѣмъ ревизіи къ надлежащему сословію, должно быть поступаемо по законамъ, на сей предметъ постановленнымъ. (т. X, ч. I, ст. 163).

Просьбы объ усыновленіи подаются въ Окружный Судъ по мѣсту постоянного жительства усыновителей или усыновляемыхъ. Просьбы сіи должны содержать свѣдѣнія и удостовѣренія, требуемыя статьями 145—151 (по Прод. 1891 г.) Законовъ Гражданскихъ (Уст. Гр. Суд. ст. 1460⁸).

Судъ избѣщаетъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ повѣстками о днѣ, назначенномъ для слушанія дѣла, и, удостовѣряясь въ соблюденіи предписанныхъ для вызова условій, а также выслушавъ словесныя объясненія вызванныхъ лицъ, если они явились къ засѣданію, — постановляетъ опредѣленіе объ удовлетвореніи ходатайства просителя или объ отказѣ въ такомъ ходатайствѣ (Уст. Гр. Суд. ст. 1460⁹).

Дѣла объ установленіи разрѣшаются по выслушаніи заключенія Прокурора (Уст. Гр. Суд. ст. 1460¹⁰).

Жалобы на опредѣленія Окружнаго Суда по дѣламъ объ усыновленіи допускаются со стороны какъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, такъ и Прокурора, и подаются съ соблюденіемъ порядка и сроковъ, указанныхъ въ ст. 784, 785, 787—791 (Уст. Гр. Суд. ст. 1460¹¹).

Лица, права коихъ нарушаются неправильнымъ усыновленіемъ, могутъ заявить свои возраженія во время производства дѣла объ усыновленіи или начать впослѣдствіи, въ двухгодичный срокъ со дня вступленія опредѣленія суда въ законную силу, споръ общимъ искомымъ порядкомъ. Споръ этотъ, во всякомъ случаѣ, можетъ быть заявленъ, только при жизни усыновителя (Уст. Гр. Суд. ст. 1460¹²).

VII. Правила объ усыновленіи питомцевъ Императорскихъ С.-Петербургскаго и Московскаго Воспитательныхъ домовъ.

1. Усыновленіе обоего пола питомцевъ Императорскихъ с.-петербургскаго и московскаго воспитательныхъ домовъ предоставляется какъ русскимъ поданнымъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, такъ и иностранцамъ христіанской же вѣры, на основаніи общихъ объ усыновленіи законовъ и нижеслѣдующихъ правилъ.

2. Усыновленіе производится не иначе, какъ съ согласія начальства Воспитательнаго Дома. Отдача же на воспитаніе или усыновленіе до десятилѣтняго возраста такихъ дѣтей, которыя вскормлены собственною грудью матерей, должна производиться лишь съ согласія сихъ послѣднихъ, ежели онѣ ежегодно избѣщаютъ Правленіе Воспитательныхъ Домовъ о мѣстѣ своего жительства.

3. Питомцы, принесенные въ Воспитательные Дома съ метрическими о рожденіи ихъ выписками, могутъ быть усыновляемы не ранѣе достиженія ими трехлѣтняго возраста. Усыновленіе же питомцевъ, принесенныхъ безъ такихъ выписокъ, допускается по истеченіи шести недѣль со дня отдачи ихъ въ Воспитательные Дома.

Ст. 4 *замѣнена правилами, изложенными выше, въ статьяхъ* (по Прод. 1891 г.) *145—156, 156¹—156⁷.*

5. Въ случаѣ согласія начальства Воспитательнаго Дома на усыновленіе къмъ либо питомца, такому лицу выдается въ удостовѣреніе сего особое свидѣтельство. Свидѣтельство это сохраняетъ свою силу для представленія подлежащему лицу или учрежденію при ходатайствѣ объ усыновленіи, въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня его выдачи.

6. Денежныя пособія, установленныя для питомцевъ при увольненіи ихъ изъ вѣдомства Воспитательнаго Дома, назначаются, при усыновленіи, только увѣчнымъ питомцамъ, въ случаяхъ, заслуживающихъ особаго уваженія, и съ особаго каждый разъ разрѣшенія Почетнаго Опекуна, управляющаго Воспитательнымъ Домомъ. Пособія эти выдаются, смотря по возрасту усыновляемыхъ, ими самимъ питомцамъ, или ихъ усыновителямъ.

7. Усыновленные питомцы исключаются начальствомъ Воспитательнаго Дома изъ его вѣдомства (Приложеніе къ ст. 156 (примѣч.) т. X, ч. I).

Д. О льготахъ по семейному положенію.

По семейному положенію устанавливаются три разряда льготъ:

1) *Первый разрядъ*: а) для единственно способнаго къ труду сына, при отцѣ къ труду неспособномъ, или при матери вдовѣ;.....г) для единственнаго сына въ семьѣ, хотя-бы при отцѣ, способеномъ къ труду, и д) для незаконнорожденнаго, на попеченіи коего находится: мать, не имѣющая другихъ способеныхъ къ труду сыновей, или сестра, или же не способеный къ труду братъ.

2) *Второй разрядъ*: для единственно способнаго къ труду сына, при отцѣ, также способеномъ къ труду, и одномъ или нѣсколькихъ братьяхъ, къ труду неспособныхъ (Уст. о Воин. Повин. ст. 55).

Примѣчаніе 1. Пріемыши, усыновленные до десятилѣтняго возраста и пасынки у отчима или мачихи считаются за родныхъ сыновей и пользуются означенною въ сей статьѣ льготою.

Е. Родители и дѣти въ уголовномъ правѣ.

Г. О преступленіяхъ дѣтей противъ родителей.

За умышленное убійство отца или матери, виновные подвергаются:

лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу безъ срока. По прибытіи ихъ на мѣсто каторжной работы, они ни въ какомъ случаѣ и ни по какимъ причинамъ не переводятся въ отряды исправляющихся, увольняются отъ работъ не иначе, какъ за совершенную къ онымъ отъ дряхлости неспособностію, и даже тогда не освобождаются отъ содержанія въ острогѣ (ст. 1449 Улож. о нак.).

Строгость наказаній, опредѣленныхъ въ предшедшихъ (1477—1491) статьяхъ, возвышается тремя степенями, когда увѣчья, раны, поврежденія въ здоровьѣ или умственныхъ способностяхъ или побои нанесены виновнымъ отцу или матери; двумя степенями, когда они нанесены кому либо изъ родственниковъ его въ восходящей линіи, или же вообще изъ лицъ, поименованныхъ выше сего, въ статьѣ 1451 (ст. 1492 Улож. о нак.).

За нанесеніе личной какимъ либо оскорбительнымъ дѣйствіемъ, обиды отцу или матери, или иному родственнику по прямой восходящей линіи, виновный, по жалобѣ оскорбленнаго, приговаривается:

къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житіе въ Сибирь или къ отдачѣ въ исправительныя арестанскія отдѣленія по пятой степени статьи 31 сего Уложенія (ст. 1534 Улож. о нак.).

Примѣчаніе. Всѣ дѣла о нанесеніи личныхъ обидъ и оскорбленій начинаются не иначе какъ по жалобамъ самихъ оскорбленныхъ, или же супруговъ ихъ, родителей или опекуновъ.

За клевету или составленіе и распространеніе сочиненій или изображеній, оскорбительныхъ для чести родителей или иныхъ родственниковъ его по прямой восходящей линіи, виновный подвергается:

опредѣленнымъ за сіи преступныя дѣйствія наказаніямъ, съ возвышеніемъ оныхъ тремя степенями (Улож. о нак. ст. 1539).

Примѣчаніе. Дѣла о клеветѣ и распространеніи оскорбительныхъ для чести сочиненій, изображеній или слуховъ начинаются не иначе, какъ по жалобамъ самихъ оскорбленныхъ или же супруговъ ихъ, родителей или опекуновъ.

За лишеніе свободы родственника или близкаго свойственника въ восходящей, нисходящей, или въ боковыхъ линіяхъ, или же начальника, господина или такого лица, коимъ виновный былъ облагодѣтельствованъ, онъ подвергается:

тѣмъ же наказаніямъ, которыя опредѣлены въ предшедшихъ (1540 — 1543), статьяхъ, но въ каждомъ случаѣ двумя степенями выше;

а за лишеніе свободы мужа или жены, отца или матери, тестя или тещи, свекра или свекрови, тремя степенями выше (ст. 1544 Улож. о нак.).

За угрозы отцу, матери, или иному родственнику по прямой восходящей линіи, наказанія возвышаются тремя степенями (ст. 1547 Улож. о нак.).

За нанесеніе обиды, на словахъ или на письмѣ, родственнику въ восходящей линіи, виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ (ст. 132 Уст. о нак.).

Сынъ или дочь, дерзнувшіе одному изъ родителей своихъ или обоимъ нанести раны, или увѣчье, или причинить иное тѣлесное поврежденіе, подвергаются за сіе:

наказаніямъ, опредѣленнымъ въ статьѣ 1492 сего Уложенія.

Дозволившіе же себѣ какое либо насильственное, хотя и не соединенное съ побоями, противъ родителей дѣйствіе, подвергаются по жалобѣ оскорбленнаго родителя:

наказаніямъ, опредѣленнымъ за сіе выше сего, въ ст. 1534. Но родителямъ предоставляется право, буде они пожелаютъ, ходатайствовать объ уменьшеніи мѣры сихъ наказаній. (ст. 1591 Улож. о нак.).

За упорное неповиновеніе родительской власти, развратную жизнь и другіе явные пороки, дѣти по требованію родителей, безъ особаго судебного разсмотрѣнія подвергаются:

заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ.

Родителямъ въ семь случаевъ предоставляется право уменьшить, по усмотрѣнію своему, время заключенія, или и совершенно простить виновныхъ (ст. 1592 Улож. о нак.).

За отказъ въ доставленіи нуждающимся родителямъ необходимыхъ для жизни пособій, дѣти ихъ, имѣющія достаточныя средства, подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Сверхъ того, они обязываются къ производству родителямъ соразмѣрнаго съ ихъ средствами пособія (ст. 143 Уст. о нак.).

Кто похититъ незамужнюю женщину, для вступленія съ нею, противъ воли ея, въ бракъ, тотъ, по принесенной на сіе отъ нея или же отъ родителей или опекуновъ ея жалобѣ, подвергается:

лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Си-

бирь или отдачь въ исправительныя арестантскія роты по третьей степени 31 статьи сего уложенія.

Когда похищеніе учинено съ согласія похищенной, то виновные, по жалобѣ родителей или опекуновъ той или другой стороны, приговариваются:

похититель:

къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ;

а согласившаяся на похищеніе:

къ заключенію на столько же времени въ монастырѣ, ежели есть и находятся въ предѣлахъ Имперіи обители того вѣроисповѣданія, къ коему она принадлежитъ,

или же къ уединенной жизни въ домѣ ея родителей, или опекуновъ, подъ ихъ строгимъ присмотромъ.

По просьбѣ приносившихъ жалобу родителей или опекуновъ, время заключенія виновныхъ можетъ быть сокращено (ст. 1549 Улож. о нак.).

За вступленіе въ бракъ, явно или тайно, противъ рѣшительнаго запрещенія родителей, или безъ испрошенія согласія ихъ, виновные, по принесенной на сіе отъ родителей жалобѣ, подвергаются:

наказаніямъ, опредѣленнымъ выше сего, въ статьѣ 1549, за похищеніе незамужней женщины, учиненное съ согласія самой похищенной, и, сверхъ того, лишаются права наследовать по закону въ имѣніи того изъ родителей, котораго они оскорбили своимъ неповиновеніемъ.

Родителямъ, однакожь, предоставляется впослѣдствіи, по усмотрѣнію своему, въ духовномъ завѣщаніи или другомъ законно составленномъ актѣ, или же въ просьбѣ или иной бумагѣ на имя какаго либо судебного или правительственнаго мѣста или

лица, объявить, что они прощают виновных и восстанавливают права их на наследованіе ихъ имѣніемъ вполнѣ или частію (Улож. о нак. ст. 1576).

II. О преступленіяхъ родителей противъ дѣтей.

Родители, которые, бывъ по закону обязаны воспитывать дѣтей своихъ въ вѣрѣ православной, будутъ крестить ихъ или приводить къ прочимъ таинствамъ и воспитывать по обрядамъ другаго христіанскаго исповѣданія, присуждаются за сіе: къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ.

Дѣти ихъ отдаются на воспитаніе родственникамъ православнаго исповѣданія или, за неимѣніемъ оныхъ, назначаемымъ для сего отъ правительства опекунамъ, также православной вѣры (ст. 190 Улож. о нак.).

Кто, зная, что жена его или дѣти, или другія лица, за коими ему предоставлено закономъ наблюденіе и попеченіе, намѣрены отступить отъ православнаго вѣроисповѣданія, не будетъ стараться отклонить ихъ отъ сего намѣренія и не приметъ никакихъ зависящихъ отъ него по закону мѣръ для воспрепятствованія исполненію онаго, тотъ за сіе приговаривается:

къ аресту на время отъ трехъ дней до трехъ мѣсяцевъ и, сверхъ того, если онъ православный,

передается церковному покаянію (ст. 192 Улож. о нак.).

Родители, не приводящіе къ исповѣди дѣтей своихъ достигнувшихъ уже положеннаго на сіе возраста (начиная съ семи лѣтъ), подвергаются за то:

особому внушенію отъ духовнаго и замѣчанію отъ мѣстнаго гражданскаго начальства (ст. 209 Улож. о нак.).

За допущеніе къ прошенію милости дѣтей, виновные

въ томъ родители или другія лица, обязанныя имѣть о нихъ попеченіе, подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взыскацію не свыше пятидесяти рублей.

Въ случаѣ обращенія сего проступка въ ремесло, виновные подвергаются:

заключенію въ тюрьмѣ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ (ст. 51 Уст. о нак.).

Наказанію, опредѣленному въ предшедшей статьѣ (т. е. лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ каторжную работу безъ срока), подвергается также виновный въ убійствѣ предумышленномъ... сына своего или дочери. Наказаніе смягчается тремя степенями въ случаѣ, когда убійство незаконно-рожденныхъ сына или дочери совершено матерью отъ стыда или страха, при самомъ рожденіи младенца, если однакожь при семъ не будетъ доказано, что она была уже прежде виновна въ томъ же преступленіи. Когда жъ дѣтоубійство сего рода было непредумышленное, виновная въ ономъ женщина, особенно, если она незамужняя и разрѣшилась отъ бремени въ первый разъ, подвергается токмо:

лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкой на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ или менѣе отдаленныхъ мѣстахъ Сибири (ст. 1451 Улож. о нак.).

Женщина, которая отъ стыда или страха, хотя и не умертвить незаконнорожденного своего младенца, но оставить его безъ помощи, и младенецъ отъ того лишится жизни, приговаривается за сіе:

къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и къ ссылкой на житье въ Сибирь по четвертой степени статьи 31 сего Уложенія, или къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ

полутора года до двухъ съ половиною лѣтъ на основаніи постановленій статьи 77 сегожь Уложенія.

Если однакожь будетъ доказано, что младенецъ родился мертвымъ и мать, волнуемая стыдомъ или страхомъ, только скрыла его тѣло, вмѣсто того, чтобы объявить о сѣмь, какъ слѣдовало, то за сіе она подвергается лишь:

заключенію въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ (ст. 1460 Улож. о нак.).

Родители, опекуны и другія облеченныя какою-либо властію лица, которыя чрезъ явное, соединенное съ жестокостію злоупотребленіе власти, побудятъ подчиненное имъ или ввѣренное ихъ попеченію лицо, къ самоубійству, подвергаются за сіе:

лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ, на основаніи статьи 50 сего Уложенія, правъ и преимуществъ и заключенію въ тюрьмѣ на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ;

сверхъ того, если они христіане,

передаются церковному покаянію по усмотрѣнію своего духовнаго начальства (ст. 1476 Улож. о нак.).

За подкинутіе или оставленіе ребенка, однако не въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нельзя ожидать, что онъ будетъ найденъ другими, виновные въ томъ родители... подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ (ст. 144 Уст. о нак.).

Строгость наказаній опредѣленныхъ за увѣчья, раны, поврежденія въ здоровьѣ или умственныхъ способностяхъ или побои... возвышаются двумя степенями, когда они нанесены кому-либу изъ лицъ, поименованныхъ въ ст. 1451 (ст. 1492 Улож. о нак.).

Родители или опекуны, за допущеніе завѣдомо брака въ

воспрещенныхъ законами степеняхъ родства или свойства, подвергаются:

аресту на время отъ трехъ дней до трехъ мѣсяцевъ.

Постановленія сей статьи также не распространяются на допустившихъ завѣдомо бракъ въ первой или второй степени родства: въ сихъ случаяхъ завѣдомо допустившіе такой бракъ подвергаются:

наказаніямъ, какъ сообщники въ кровосмѣшеніи, на основаніи статьи 119 сего уложенія (ст. 1562 Улож. о нак.).

Родители, изобличенные въ принужденіи дѣтей своихъ къ браку, подвергаются за сіе:

Заключенію въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ, и, буде они христіане, предаются церковному покаянію по распоряженію ихъ духовнаго начальства.

Тому же наказанію подвергаются родители, изобличенные въ принужденіи дѣтей своихъ къ постриженію въ монашество или къ произнесенію монашескихъ обѣтовъ (ст. 1586 Улож. о нак.).

Родители, чрезъ употребленіе во зло своей власти или посредствомъ преступныхъ внушеній вовлекшіе умышленно несовершеннолѣтнихъ дѣтей своихъ въ какое-либо преступленіе, подвергаются за сіе, хотя бы они сами въ томъ преступленіи непосредственнаго участія не принимали:

вышей мѣрѣ наказаній или взысканій, за то преступленіе въ законѣ опредѣленныхъ (ст. 1587 Улож. о нак.).

За умышленное развращеніе нравственности дѣтей, а равно и за потворство, также съ намѣреніемъ, ихъ разврату, родители подвергаются:

наказанію по правиламъ, постановленнымъ о преступле-

ніяхъ противъ общественной нравственности въ статьяхъ 993 и 998 сего уложенія (ст. 1588 Улож. о нак.).

Если вмѣстѣ съ злоупотребленіемъ родительской власти учинено еще другое преступленіе, подлежащее строжайшему противъ определенныхъ въ семь отдѣленіи наказанію, то виновные, на основаніи правилъ о совокупности преступленій (ст. 152), подвергаются тому строжайшему наказанію (ст. 1588 Улож. о нак.).

За присвоеніе и растрату родителями принадлежащаго дѣтмъ ихъ имущества, виновные подвергаются:

вышей мѣрѣ наказаній за присвоеніе и растрату чужаго имущества (ст. 1590 Улож. о нак.).

Дѣла о кражахъ между родителями и дѣтми и между супругами начинаются не иначе, какъ по жалобѣ того лица, у коего сдѣлана покража (ст. 1664 улож. о нак. примѣч.).

Дѣла о мошенничествѣ между родителями и дѣтми и между супругами начинаются не иначе, какъ по жалобѣ понесшаго отъ преступленія убытокъ лица (ст. 1675 ул. о нак., примѣч.).

Кража, мошенничество и присвоеніе чужаго имущества между супругами, а также между родителями и дѣтми, подлежатъ наказанію не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго убытокъ лица (ст. 19 Уст. о нак.).